

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2018 г. Том 9. № 2

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.

Включен в базу Web of Science

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин,
В.А. Лабунская, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев,
Л.А. Цветкова, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия),
Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований

Е.А. Михеев, Т.А. Нестик 5

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии

А.И. Донцов, Е.Б. Перельгина, О.Ю. Зотова, С.В. Мостиков 21

Увеличение интегративной сложности у осужденных террористов в Индонезии (на английском языке)

И.Э. Путра, Ф. Эрикха, Р.С. Аримби, Э. Руфаэда 35

Социально-психологические аспекты противодействия терроризму в мультикультурном пространстве

М.Я. Яхьяев, Э.Г. Исаева, А.Р. Сутаева 46

Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков

А.А. Реан, И.А. Коновалов 60

Представления о справедливости и стили воспитания родителей как фактор морального развития подростков

Т.П. Авдулова, Д.П. Уханова 81

Динамика развития субъектности студентов и учебных групп на различных этапах обучения в вузе

А.С. Яроцкая 93

Взаимосвязь понимания другого человека и ценности умения прощать у студентов

Т.Б. Юшачкова 110

Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители

А.В. Махнач, Н.Н. Толстых 127

Адаптация пенсионеров к интернет-среде

О.А. Алексеева, О.Ю. Бестужева, О.Н. Вершинская, Е.Е. Скворцова 150

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Взаимодействие психолога с субъектами образовательного процесса в школах США

Т.В. Коттл, О.Б. Крушельницкая, В.А. Орлов 165

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Адаптация инструментария социально-психологического исследования на выборке людей, пребывающих в бедности

О.В. Полуэктова, М.В. Ефремова 179

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Третья ежегодная научно-практическая конференция памяти

М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики»
М.Н. Расходчикова 204

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Системные исследования жизнеспособности подростков и возможности их адаптации. Рецензия на монографию

А.И. Лактионовой «Жизнеспособность и социальная адаптация подростков»
(М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 236 с.)

Е.А. Сергиенко 207

Светлой памяти **Ю.М. Жукова**

213

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Disinformation in social networks: current state and perspective research directions
E.A. Mikheev, T.A. Nestik 5

EMPIRICAL RESEARCH

- Trust as a factor of psychological security in interethnic interaction
A.I. Dontsov, E.B. Perelygina, O.Yu. Zotova, S.V. Mostikov 21
- Increasing integrative complexity on convicted terrorists in Indonesia
I.E. Putra, F. Erikha, R.S. Arimbi, A. Rufaeda 35
- Social and psychological aspects of terrorism 's counteraction in multicultural field
M.Y. Yahyaev, E.G. Isaeva, A.R. Sutaeva 46
- Adolescent's socio-cognitive representations (images) of different social groups
A.A. Rean, I.A. Kononov 60
- Representations of justice of parents as factor of moral development of teenagers
T.P. Avdulova, D.P. Ukhanova 81
- Dynamics of the subject development of students and study groups
at different stages of educational process in university
A.S. Iarotckaia 93
- The relationship between the understanding of another person
and the value of the ability to forgive in students
T.B. Yushchkova 110
- Resilience as a characteristic of a social group of foster parents' applicants
A.V. Makhnach, N.N. Tolstykh 127
- Adaptation of retired people to Internet environment
O.A. Alekseeva, O.Yu. Bestuzheva, O.N. Vershinskaya, E.E. Skvortsova 150

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Interaction of a psychologist with subjects of the educational process in US schools
T.V. Cottle, O.B. Krushelnitskaya, V.A. Orlov 165

METHODOLOGICAL TOOLS

- Adapting a psychological instrument on the "hard-to-survey" population:
the case of poor people in Russia
O.V. Poluektova, M.V. Efremova 179

SCIENTIFIC LIFE

- The Third Annual Scientific-Practical Conference in memory
of M.Y. Kondratyev "Social Psychology: Issues of Theory and Practice"
M.N. Raskhodchikova 204

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- Systematic studies of the resilience of adolescents and the possibility
of their adaptation. Review of the monograph by A.I. Laktionova "Resilience
and social adaptation". Moscow: Publ. "Institute of Psychology Russian
Academy of Sciences", 2017. 236 p.
E.A. Sergienko 207

- In memory of Yu.M. Zhukov** 213

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований

Е.А. МИХЕЕВ*,
ФГБУ «Институт психологии РАН», Москва, Россия,
mih-news@mail.ru

Т.А. НЕСТИК**,
ФГБУ «Институт психологии РАН», Москва, Россия,
nestik@ipras.ru

В статье рассматривается проблема психологических механизмов дезинформации (процесса манипулирования информацией), в частности, развиваемое в социальной психологии направление, связанное с психологическими манипуляциями в социальных сетях и Интернет-СМИ. Обращается внимание на психологические эффекты нормативного влияния, межличностной аттракции на основании воспринимаемого сходства, создания однородных сообществ и групповой поляризации («эхо-камеры»), формирование негативных коллективных эмоциональных состояний. Теоретические рассуждения подкрепляются результатами отечественных и зарубежных исследований в области психологии, социологии, политологии, PR и маркетинга. Рассматриваются способы противодействия распространению ложной информации в сетевых сообществах. Отмечается необходимость изучения взаимосвязи отношения к дезинформации и индивидуально-психологических, социально-психологических характеристик личности, доверия, тревожности, ценностных ориентаций, социальной идентичности, предположительно влияющих на уровень защищенности личности от негативного информационно-психологического воздействия.

Для цитаты:

Михеев Е.А., Нестик Т.А. Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 5–20. doi:10.17759/sps.2018090201

* *Михеев Евгений Александрович* — соискатель лаборатории социальной и экономической психологии, ФГБУ Институт психологии РАН, Москва, Россия, mih-news@mail.ru

** *Нестик Тимофей Александрович* — доктор психологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, ФГБУ Институт психологии РАН, Москва, Россия, nestik@ipras.ru

Ключевые слова: дезинформация, отношение к дезинформации, групповая идентичность, астротурфинг, гемофильность, групповая поляризация, защитные механизмы, коллективные эмоции, эхо-камеры.

Введение

Дезинформация является одной из форм информационно-психологического воздействия и сегодня тесно связана с другими видами глобальных угроз, таких как крах государства, социальная нестабильность, масштабные интернет-атаки, международные конфликты. Проблема социально-психологических механизмов дезинформации становится все более актуальной в связи с ростом числа информационных угроз для национальной безопасности Российской Федерации [7; 2]. Отмечается резкое падение уровня доверия к традиционным СМИ и в то же время рост доверия к новым СМИ (социальные сети, блоги и т. д.). Согласно недавним исследованиям 59% пользователей получают информацию именно из социальных медиа [23, с. 5]. Вместе с тем, в социальных сетях получило широкое распространение такое явление, как «фейковые новости», которые являются одним из новых методов проведения информационных и психологических операций [16] наряду с дезинформацией [1], операциями «под чужим флагом», а также элементами гибридных войн. Вероятно, «фейковые новости» подрывают доверие к источнику информации и к новым СМИ, но не являются определяющими. Рост числа пользователей социальных сетей связан со множеством других социально-психологических механизмов. В 2013 г. Всемирный экономический форум включил массовую цифровую дезинформацию в число наиболее серьезных глобальных рисков [27, с. 25].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать научную лите-

ратуру, посвященную психологическим механизмам дезинформации в сетевых сообществах, психологическим манипуляциям в социальных сетях и Интернете, и наметить перспективные направления социально-психологических исследований в данной области.

Под термином «дезинформация» понимается процесс манипулирования информацией: введение кого-либо в заблуждение путем предоставления неполной информации или полной, но уже не нужной информации, искажения контекста, искажения части информации. Под *манипуляцией* в психологии понимается вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент; психологическое воздействие, нацеленное на изменение направления активности другого человека, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им; психологическое воздействие, направленное на неявное побуждение другого к совершению определенных манипулятором действий; искусное побуждение другого к достижению (преследованию) косвенно вложенной манипулятором цели.

Выделяются осознанные и неосознанные виды манипуляции сознанием. При неосознанном виде манипуляции конечная цель очень расплывчата, а сам манипулятор не задумывается о методах, к которым он прибегает для достижения результата. К осознанным видам относится осознанное действие человеком для до-

стижения определенной цели. В качестве примера можно привести информационно-психологическое воздействие (ИПВ) на социальные группы, отдельные лица и сферы психики человека с целью изменения их социально-психологических характеристик. Дезинформирование также является одним из видов ИПВ. Информационно-психологическое воздействие (ИПВ) рассматривается как особая форма проявления социальной активности индивидуального или группового субъекта в рамках коммуникативного пространства, состоящая в целенаправленном переносе специально подобранной информации в форме знаков (символов), образов или сигналов, ориентирующих воспринимаемую систему объекта воздействия относительно смысла и значения данной информации, в результате чего со стороны объекта воздействия формируется психоэмоциональный отклик, приводящий к изменению характера воспринимаемой данным объектом предыдущей и последующей информации, что приводит к корректировке его индивидуальной картины мира в нужном субъекту воздействия ключе [3, с. 47].

ИПВ делится на ситуативные (набор моделей поведения) и вербально-образные (вербально-образная кодировка) типы, имеет открытую и скрытую формы. Каналами ИПВ выступают отдельные лица, некоммерческие организации (НКО) и средства массовой коммуникации (СМК). Такие виды СМК, как блоги, социальные сети, приобретают все большее влияние на поведение и образ жизни людей. Социальные сети выступают зачастую не только каналом одностороннего воздействия, но и глобальной базой данных о социально-психологических характеристиках людей. Причем, как отмечают некоторые исследователи, эти данные намного точнее ин-

формации, получаемой при традиционных социологических опросах [29].

В результате информационно-психологического воздействия через социальные сети может быть нанесен урон *информационно-психологической безопасности* личности [12], т. е. состоянию защищенности психики личности от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека (и жизнедеятельности в обществе в целом), а также адекватной системы его субъективных отношений к окружающему миру и самому себе.

Основные подходы к изучению дезинформации в социальной психологии

В современной социальной психологии проблема дезинформации рассматривается преимущественно в связи с показаниями свидетелей, отношением к социально значимым проблемам (таким, как риски вакцинации, использование ГМО, межэтнические конфликты), а также в связи другими угрозами: терроризмом, экстремизмом, гибридными войнами, стихийными бедствиями. Единицей анализа являются в основном индивиды, которые выступали в качестве дезинформаторов или объектов дезинформирования как в реальном общении, так и посредством коммуникационных технологий (сети, Интернет, СМК). Исследования, в которых используется групповой уровень анализа, пока крайне немногочисленны.

В отечественной социальной психологии можно выделить несколько *перспективных подходов* к изучению дезинфор-

мации: во-первых, исследования влияния дезинформации на межличностное общение [8]; во-вторых, изучение влияния дезинформации на групповые защитные механизмы, в том числе на механизмы защиты позитивной групповой идентичности [10]; в-третьих, исследования динамики коллективных переживаний в процессе воздействия СМК на массовое сознание [5].

Отношение личности к дезинформации в социальных сетях тесным образом связано с особенностями антиципации, переживания и осмысления интернет-обществом: 1) угрозы дезинформации, а также 2) совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на создание, использование или предотвращение дезинформации.

В структуре отношения личности к дезинформации выделяются когнитивные, эмоционально-оценочные, ценностно-смысловые и поведенческие компоненты.

Когнитивные компоненты включают:

- оценку частоты использования дезинформации в СМИ и социальных сетях;
- представления об источниках дезинформации;
- представления о целях дезинформации;
- представления о способах реализации дезинформации;
- представления о связях с другими рисками;
- представления о способах защиты (противодействия) от дезинформации;
- представления о способах противодействия на уровне государства, организаций;
- представления об ожидаемых и фактических последствиях использования дезинформации;
- представления о тех, кто может использовать последствия дезинформации в своих целях.

Эмоционально-оценочные компоненты включают:

- значимость угрозы дезинформации по сравнению с другими видами угроз;
- оценку использования лжи в СМИ;
- оценку источников дезинформации.

Ценно-смысловые компоненты включают:

- допустимость использования дезинформации;
- ценности, которым противоречит использование дезинформации, и ценности, которыми оправдывается использование дезинформации.

Поведенческие компоненты включают:

- предпочитаемые способы реагирования на дезинформацию;
- готовность личными действиями поддержать общественные и государственные инициативы, направленные на борьбу с дезинформацией;
- скорость реагирования на дезинформацию;
- готовность обсуждать дезинформацию с другими людьми (включая круг этих людей, их «радиус»).

Отношение личности к дезинформации тесным образом связано с *психологическими механизмами*, среди которых на внутриличностном уровне выделяются: ценностные ориентации, социальное доверие, уровень тревожности, объем социального капитала, социальная идентичность.

В современной зарубежной психологии проблема дезинформации изучается в рамках нескольких *исследовательских направлений*: во-первых, это исследования, посвященные личностным характеристикам, делающим человека более подверженным дезинформации; во-вторых, исследования эффекта ложных воспоминаний [39]; в-третьих, нейробиологические исследования когнитивных процессов, связанных с дезинформированием;

наконец, в-четвертых, исследования, посвященные различным способам снижения подверженности личности дезинформации [24].

В связи с использованием социальных сетей в маркетинговых и политических проектах в последние годы сформировалось еще одно направление исследований — изучение психологических механизмов распространения и воздействия ложной информации в социальных медиа [20]. Воздействие дезинформации исследователи связывают с механизмами нормативного влияния и конформности, воспринимаемого межличностного сходства, эмоционального заражения, а также с эффектами каскадов доступности информации, групповой поляризации и подтверждения уже сложившегося мнения.

В ходе проведенных исследований было установлено, что пользователи социальной сети Facebook более расположены к восприятию информации, которая носит конспирологический или научный характер [21]. Целью научных новостей в контексте дезинформирования является понижение уровня научного знания и мышления; конспирологические новости предоставляют альтернативные аргументы, истинность которых трудно проверить. Конспирологические новости направлены на упрощение реальности, объясняя важные социальные и политические события следствием тайных заговоров влиятельных лиц и организаций.

Пользователи Facebook, как правило, поляризованные по отношению к науке или конспирологии, образуют две различные группы. Эти группы в определенном смысле очень похожи: они обладают ярко выраженной гемофильностью (пользователи групп, как правило,

взаимодействуют с пользователями с аналогичными моделями *групповой поляризации*) и потребляют информацию с аналогичными характеристиками. Кроме того, внутренние структуры связей в социальных сетях статистически схожи. Таким образом, по мнению ряда зарубежных исследователей [21], *гемофильность* и *групповая поляризация* могут быть ключевыми показателями при выявлении сообществ, в которых наиболее вероятно распространение ложной и вводящей в заблуждение информации.

Все большее распространение получают *психологические операции (ПО)* с использованием социальных сетей. Типичная ПО начинается с целенаправленного сбора информации, в том числе с применением фишинговых сайтов, взлома и перехвата аккаунтов, кражи личных данных. На втором этапе генерируется контент: распространяются истории для прессы, мемы, создаются фейковые аккаунты и боты. На третьем этапе происходит амплификация лжи, т.е. собственно астротурфинг: через созданные фейковые аккаунты, «бригады троллей» и боты распространяются мемы, создаются вымышленные группы, осуществляется спам комментариев [34].

«Фейковые аккаунты», усиливающие ложь, создаются по-разному, в зависимости от целевой аудитории: на весь мир или на конкретный регион. Целями амплификации лжи, как правило, выступают: продвижение или нивелирование конкретных случаев или проблем, посев недоверия к политическим институтам, запутывание.

Продвижение или нивелирование конкретных случаев или проблем — это наиболее простой способ усиления лжи. Он может включать использование дезинформации, мемов и/или «фейковых но-

востей». Существует специфичная тема или проблема, которую субъект (операции) использует и усиливает в зависимости от целевого рынка или региона.

Посев недоверия к политическим институтам: в этом случае «фейковые аккаунты» не могут иметь актуальную направленность, а стремятся подорвать статус-кво политических или гражданских общественных институтов на более высоком стратегическом уровне.

Случаи использования элементов психологической операции в Facebook выявлены в ходе президентской кампании в США в 2016 г. [34]. В той операции обычные и социальные медиа использовались для обмена информацией, похищенной из других источников, в том числе данных об учетных записях, похищенных из электронной почты с целью нанесения ущерба политической деятельности. В этих инцидентах применялся относительно простой, но преднамеренный алгоритм действий:

- личная и/конфиденциальная информация была доступна и похищена из систем и служб (за пределами Facebook);
- регистрация хостингов сайтов с этой информацией;
- создание «фейковых пользователей» Facebook, массовое распространение ссылок и эмплиферов этой информации;
- создание аккаунтов и страниц соцсетей для массового распространения новости и направления людей к похищенной информации.

— распространение сообщений и информации через исходные группы и сети.

Надо отметить, что получив ложную информацию через СМИ или в сети, пользователи продолжают верить в нее даже после того, как она будет официально опровергнута, если первоначальные сообщения соответствовали их убежде-

ниям. Например, даже после многократных официальных опровержений значительная часть американцев продолжали верить в то, что в Ираке находилось оружие массового поражения и что военное вторжение в Ирак было абсолютно необходимо. Устойчивость воздействия дезинформации связана с тем, что пользователи остаются нечувствительными к опровержениям, если вера в них заставляет изменить уже сложившиеся взгляды [22]. Кроме того, отмечается, что уровень влияния эффекта дезинформации на личность может иметь длительную временную перспективу [28, с. 1411], так как забытая или устаревшая информация остается в памяти, несмотря на все попытки обновить ее [22]. При этом если забытая или устаревшая информация всплывает в памяти, то она воспринимается как достоверная и не вызывает сомнений [22]. В этой связи для противодействия недостоверной информации, которая может спровоцировать активацию недостоверных воспоминаний, необходима процедура стратегической обработки памяти. Она может включать в себя запоминание контекстуальных данных, таких, например, как источник информации или корректируемые детали.

Одним из ключевых социально-психологических феноменов, которые облегчают распространение ложной информации, являются так называемые «эхо-камеры» — однородные по составу интернет-сообщества, участники которых слушают только себе подобных и становятся нечувствительными к альтернативным точкам зрения. Исследования показывают, что виртуальные дискуссии в таких сообществах, вне зависимости от их тематики, повышают выраженность негативных эмоциональных состояний и сдвигают участников к крайним, радикальным оценкам

[36]. Участники таких «эхо-камер» характеризуются рядом черт: высокой эмоциональной стабильностью и высокой открытостью к новому в сочетании с низкой экстраверсией, низкой доброжелательностью и низкой сознательностью [17].

Доверие к сообщению в социальных медиа предполагает *доверие* к информации, мотивации отправителя и веру в то, что он тот, за кого себя выдает, а также доверие к самому интернет-ресурсу, в котором публикуется информация [13; 30].

Информация, которой доверяют многие, принимается, даже если содержит ложные утверждения, в то же время расходящиеся с общепринятыми точками зрения сведения игнорируются и приводят к групповой поляризации [32].

Распространению дезинформации через астротурфинг, т. е. через троллей и ботов, способствуют несколько психологических эффектов: множественность источников, неопределенность, воспринимаемое сходство и мотивация пользователей, недоверие к традиционным СМИ [32]. Во-первых, различные аргументы от разных пользователей воспринимаются личностью как более весомые, чем один и тот же аргумент от разных источников или разные аргументы от одного пользователя [25]. Во-вторых, пользователи более подвержены информационному влиянию при обсуждении вопросов, по которым еще не сложилось однозначное общественное мнение [35]. В-третьих, интернет-пользователи более подвержены влиянию со стороны подобных себе [20, с. 168] и при отсутствии у них высокой мотивации разобраться в соответствующем вопросе [31, с. 2079]. В-четвертых, пользователи, стремящиеся из-за низкого доверия к СМИ избежать «массовой манипуляции» в мейнстримовых новостях, черпают ин-

формацию из альтернативных источников [32]. Исследования показывают, что пользователи, которые больше доверяют альтернативным источникам информации (т. е. источникам с недостоверной информацией), а не традиционным СМИ (официальным СМИ), более восприимчивы к ложной информации. Нередко альтернативная информация подкрепляется конспирологическими теориями, которые объясняют значимые социальные и политические события результатом деятельности влиятельных организаций и людей [32].

Противодействие распространению ложной информации в сетевых сообществах может опираться как на машинные алгоритмы, так и на более сложные социальные технологии, повышающие рефлексивность сообществ.

Первый подход уже реализуется: например, выдача ссылок на первоисточник и альтернативные версии новостного сообщения помогают пользователям более критично отнестись к информации [19]. Вместе с тем следует признать, что, оставаясь исключительно на внутриличностном и межличностном уровнях анализа, невозможно купировать социально-психологические эффекты, лежащие в основе дезинформирования в социальных медиа.

Второй подход, основанный на социальных технологиях поддержания коллективной рефлексивности, критического мышления и коллективного эмоционального интеллекта, еще только предстоит разработать. На наш взгляд, он должен быть направлен на повышение устойчивости сетевых сообществ к «информационной войне» за счет формирования определенных групповых норм работы с информацией, распределения ролей и использования специальных фасилитационных техник. Кроме

того, представляется перспективной разработкой методов выявления сообществ в Интернете, в которых наиболее вероятно распространение ложной и вводящей в заблуждение информации.

Заключение

Таким образом, сегодня в отечественной социальной психологии существуют несколько перспективных подходов к изучению дезинформации, связанных с исследованиями влияния дезинформации на межличностное общение, влияния дезинформации на групповые защитные механизмы, в том числе на механизмы защиты позитивной групповой идентичности, исследования динамики коллективных переживаний в процессе воздействия СМК на массовое сознание. В зарубежной психологии существуют следующие направления: исследования, посвященные личностным характеристикам, делающим человека более подверженным дезинформации; исследования, связанные с эффектом ложных воспоминаний; нейробиологические исследования когнитивных процессов, связанных с дезинформированием; исследования, посвященные различным способам снижения подверженности личности дезинформации.

На подверженность дезинформации влияют ее содержательные характеристики (конспирологический или научный характер дезинформации), гемофильность, конформность, воспринимаемое межличностное сходство, эмоциональное заражение, эффекты каскада доступности информации, групповой поляризации и подтверждения уже сложившегося мнения.

Распространению дезинформации способствуют однородные по составу

интернет-сообщества — «эхо-камеры», которые повышают выраженность негативных эмоциональных состояний и сдвигают участников к крайним, радикальным оценкам, а также ряд психологических механизмов, связанных с астротурфингом (массовой рассылкой сообщений).

Установлено, что эффект ложной памяти, возникающий вследствие воздействия дезинформации, связан с тревожностью, депрессивными состояниями, избеганием и аффективно-ориентированным стилем совладания с трудными ситуациями, открытостью, уровнями конформности, скромности, альтруизма, а также со склонностью к адаптационным нарушениям сознания, мышления, памяти и характера. Лица с особым сочетанием личностных характеристик и когнитивных способностей (низкими уровнями страха перед отрицательной оценкой, высоким уровнем готовности к сотрудничеству, высоким уровнем зависимости от вознаграждения, высоким уровнем самоуправляемости в сочетании с низкими когнитивными способностями) более уязвимы к воздействию дезинформации. Установлено, что люди с низким уровнем экстраверсии более подвержены к созданию ложных воспоминаний о детстве [33, с. 510].

В заключение хотелось бы выделить несколько перспективных направлений дальнейших исследований в этой области.

Остро стоят проблемы разработки концептуально-терминологического аппарата описания и классификации видов и форм дезинформации в интернете; по-прежнему ощущается острый дефицит методического инструментария для изучения проявления дезинформации в реальных жизненных ситуациях и отношения к ней в интернет-сообществах; противоречивыми являются и результа-

ты эмпирических исследований, направленных на установление взаимосвязи подверженности дезинформации с личностными характеристиками.

Остаются до конца не раскрытыми вопросы, связанные с исследованием условий, которые могут оказывать влияние на количество и типы ложных воспоминаний, их взаимосвязь с личностными и когнитивными характеристиками. Требуют прояснения механизмы формирования доверия к ложной информации в социальных сетях, вопросы, связанные с влиянием качества дезинформации на процессы экономики внимания, в частности на охват, продолжительность и модель потребления информации. Перспективным представляются исследования, посвященные противодействию информации, которая может спровоцировать активацию недостоверных воспоминаний. Важно более точно определить процедуру стратегической обработки памяти, которая может включать в себя: запоминание контекстуальных данных, таких, например, как источник информации или корректируемые детали.

Требуют прояснения социально-психологические механизмы формирования отношения личности к дезинформации в социальных сетях. Особое внимание следует уделить изучению роли коллективных эмоциональных состояний в распространении дезинформации, особенно в связи с травмирующими, катастрофическими событиями. Уже проведенные эмпирические исследования не позволяют пока определить связь отношения к дезинформации в СМК с социально-пси-

хологическими характеристиками личности, предположительно влияющими на эффективность информационно-психологического воздействия: доверием к миру, людям и государству; ценностными ориентациями; тревожностью; социальной идентичностью, объемом социального капитала и др.

Наконец, для повышения устойчивости общества к информационно-психологическим операциям необходимо выявить социально-психологические типы отношения личности к дезинформации в социальных сетях. От изучения факторов индивидуальной внушаемости интернет-пользователей и их доверия к сообщениям необходимо перейти к исследованию особенностей антиципации, переживания и осмысления интернет-сообществом: 1) угрозы дезинформации, а также 2) совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на создание, использование или предотвращение дезинформации. Важно обратить внимание на исследование *когнитивных, эмоционально-оценочных, ценно-смысловых и поведенческих компонентов* отношения личности к дезинформации. На эти и другие вопросы может дать ответы социальная психология. Изучение дезинформации в социальных сетях с помощью социально-психологических методов может пролить свет на психологические характеристики отношения личности к ложной информации в социальных сетях, будет способствовать совершенствованию методов повышения психологической устойчивости сообщества к информационно-психологическому воздействию.

Финансирование

Исследование выполнено по гранту РФФИ №18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грачев Г.В.* Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: Изд-во РАГС, 1998. 125 с.
2. *Грачев Г.В., Мельник И.К.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Эксмо, 2003. 112 с.
3. *Долгов М.И.* Классификация информационно-психологических воздействий и оценка степени их угроз для общественного сознания // Общество: политика, экономика, право. Краснодар: ХОРС, 2016. С. 47–52.
4. *Доронин А.И.* Дезинформация, или Война в королевстве кривых зеркал. М., 2001. 23 с.
5. *Емельянова Т.П.* Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3–22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 08.02.2018).
6. *Каландаров К.Х.* Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов. М.: Гум. центр «Монолит», 1998. 80 с.
7. *Ковалева Ю.В., Соснин В.А.* Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 119–142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения: 08.02.2018).
8. *Красников М.А.* Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2006. 24 с.
9. *Манойло А.В.* Государственная информационная политика в особых условиях: монография. М.: МИФИ, 2003. 388 с.
10. *Нестик Т.А.* Отношение к будущему в российских управленческих командах: лидерское видение и корпоративный форсайт // Экономические стратегии. 2014. № 2. С. 134–141.
11. *Рюмишина Л.И.* Манипуляции в СМИ как следствие «разорванной коммуникации» // Информационная и психологическая безопасность в СМИ. Т. 2. М.: Аспект-Пресс, 2008. С. 226–234.
12. *Тарабрина Н.В., Журавлев А.Л.* Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.
13. *Шляховая Е.В.* Социально-психологические факторы медиадоверия // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 485–508.
14. *Штроо В.А.* Исследование групповых защитных механизмов // Психологический журнал. 2001. № 1. С. 5–15.
15. *Aiello L. M., Barrat A., Schifanella R., Cattuto C., Markines B., Menczer F.* Friendship prediction and homophily in social media [Электронный ресурс] // ACM Transactions on the Web (TWEB). 2012. № 9. P. 1–40. doi: 10.1145/2180861.2180866. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00718085/document> (дата обращения: 08.02.2018).

16. Allied Joint Doctrine for Psychological Operations. AJP-3.10.1. September, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/450521/20150223-AJP_3_10_1_PSYOPS_with_UK_Green_pages.pdf. (дата обращения: 14.01.2018).
17. Bessi A. Personality traits and echo chambers on Facebook [Электронный ресурс] // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 65. P. 319–324. doi: 10.1016/j.chb.2016.08.016. URL: <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=3043234> (дата обращения: 14.01.2018).
18. Bessi A., Petroni F., Del Vicario M. et al. Viral misinformation: The role of homophily and polarization // Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web Companion. 18 May 2015. P. 355–356.
19. Bode L., Vraga E.K. In Related News, That Was Wrong: The Correction of Misinformation Through Related Stories Functionality in Social Media // Journal of Communication. 2015. Vol. 65. P. 619–638. doi: 10.1111/jcom.12166.
20. Cialdini R.B. Influence: Science and Practice. 4th edition. 2001. P. 164–165 [Электронный ресурс]. URL: https://www.influenceatwork.com/wp-content/uploads/2012/02/Influence_SP.pdf (дата обращения: 08.02.2018).
21. Del Vicario M., Bessi A., Zollo F., et al. The spreading of misinformation online [Электронный ресурс] // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2016. Vol. 113. № 3. P. 554–559. doi: 10.1073/pnas.1517441113. URL: <http://www.pnas.org/content/113/3/554> (дата обращения: 16.04.2018).
22. Ecker U.K.H., Lewandowsky S., Fenton O., Kelsey K. Do people keep believing because they want to? Preexisting attitudes and the continued influence of misinformation // Memory & Cognition. 2014. Vol. 42. P. 292–304. doi: 10.3758/s13421-013-0358-x.
23. Edelman D.J. Edelman Trust Barometer Executive Summary [Электронный ресурс]. 2015. P. 5–6. URL: <https://ru.scribd.com/doc/252750985/2015-Edelman-Trust-Barometer-Executive-Summary> (дата обращения: 16.04.2018).
24. Frenda S.J., Nichols R.M., Loftus E.F. Current Issues and Advances in Misinformation Research // Current Directions in Psychological Science. 2011. Vol. 20. № 1. P. 20–23.
25. Harkins G.S., Szymanski K. Social Loafing and Self-Evaluation with a social standard [Электронный ресурс] // Journal of Personality and social psychology. 1987. Vol. 24. P. 354–365. doi: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/002210318890025X>. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/65c6/162ff35fc61ea7b59945858f1235e80cdb3.pdf> (дата обращения: 14.01.2018).
26. How does misinformation spread online? [Электронный ресурс] // World Economic Forum. 2016. 21 Apr. 2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/q-a-walter-quattrocio-digital-wildfires/> (дата обращения: 14.01.2018).
27. Howell L. Digital wildfires in a hyperconnected world // WEF Report 2013. World Economic Forum. Eight editions. 2013. 25 p.
28. Johnson M.K., Kounios J., Reeder J.A. Time-course studies of reality monitoring and recognition // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1994. Vol. 20. P. 1409–1419.
29. Kosinski M., Youyou W., Stillwell D. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans [Электронный ресурс] // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. Vol. 112. № 4. P.1036–1040. doi: 10.1073/

- PNAS.1418680112. URL: <http://www.pnas.org/content/112/4/1036.full> (дата обращения: 14.01.2018).
30. *Malbon, J.* Taking fake online consumer reviews seriously [Электронный ресурс] // *Journal of Consumer Policy*. 2013. Vol. 36. № 2. P. 139–157. doi: 10.1007/s10603-012-9216-7 URL: <http://www.pnas.org/content/112/4/1036.full> (дата обращения: 16.04.2018).
31. *Metzger M. J.* Making sense of credibility on the Web: Models for evaluating online information and recommendations for future research [Электронный ресурс] // *Journal of the American Society of Information Science and Technology*. 2007. № 58. P. 2078–2091. doi: 10.1002/asi.20672. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/wol1/doi/10.1002/asi.20672/full> (дата обращения: 08.02.2018)
32. *Mocanu D, Rossi L, Zhang Q, Karsai M, Quattrociocchi W* Collective attention in the age of (mis) information [Электронный ресурс] // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 1. P. 1198–1204. doi: 10.1016/j.chb.2015.01.024. URL: https://www.researchgate.net/publication/260800679_Collective_attention_in_the_age_of_misinformation (дата обращения: 16.04.2018).
33. *Porter S., Birt A.R., & Yuille J.C.* Negotiating false memories: Interviewer and rememberer characteristics relate to memory distortion // *Psychological Science*. 2000. Vol. 11. P. 507–510.
34. *Weedon J., Nuland W., Stamos A.* Information Operations and Facebook [Электронный ресурс]. 2017. Version 1.0 edition. 13 p. URL: <https://ru.scribd.com/document/346741164/Facebook-and-Information-Operations-v1> (дата обращения: 16.04.2018)
35. *Wooten D.B., & Reed A.* Informational influence and the ambiguity of product experience: Order effects on the weighting of evidence [Электронный ресурс] // *Journal of Consumer Research*. 1998. Vol. 7. P. 79–99. doi: 10.1207/s15327663jcr0701_04. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1057740898703651> (дата обращения: 16.04.2018)
36. *Zollo F., Novak P.K., Del Vicario M., Bessi A., Mozetič I., Scala A., et al.* Emotional Dynamics in the Age of Misinformation [Электронный ресурс] // *PLoS ONE*. 2015. P. 1–22. Vol. 10 (9). doi:10.1371/journal.pone.0138740. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0138740&type=printable> (дата обращения: 16.04.2018)
37. *Zhang J., Carpenter D., Ko M.* Online astroturfing: A theoretical perspective [Электронный ресурс] // *Proceedings of the Nineteenth Americas Conference on Information Systems (Chicago, Illinois, August 15–17, 2013)*. 2013. Vol. 4. P. 2559–2565. URL: https://www.researchgate.net/profile/Darrell_Carpenter/publication/286729041 (дата обращения: 08.02.2018).
38. *Zhang X., Ko M., Carpenter D.* Development of a scale to measure skepticism toward electronic word-of-mouth [Электронный ресурс] // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 56. P. 198–208. doi: 10.1016/j.chb.2015.11.042 (дата обращения: 08.02.2018).
39. *Zhu B., Chen C., Loftus E.F., Lin C., He Q., Chen C., et al.* Individual differences in false memory from misinformation: Personality characteristics and their interactions with cognitive abilities [Электронный ресурс] // *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol. 48. P. 889–894. doi: 10.1080/09658211.2010.487051. URL: http://www.academia.edu/10868808/Individual_differences_in_false_memory_from_misinformation_Personality_characteristics_and_their_interactions_with_cognitive_abilities (дата обращения: 16.04.2018).

Disinformation in social networks: current state and perspective research directions

*E.A. MIKHEEV**,

IP RAS, Moscow, Russia, mih-news@mail.ru

*T.A. NESTIK***,

IP RAS, Moscow, Russia, nestik@ipras.ru

Studying problem of disinformation psychology mechanisms (manipulation of information process), including developing in social psychology way – psychology manipulation in social and mass media. Pay attention such psychology effects as motivated reasoning, that confirms preexisting beliefs, normative influence, homophily, polarization (echo-chambers), negative collective emotions. There are not only theoretical discussion, but also Russian and foreigner psychology, sociology, politology, PR and marketing researches. The ways for counteracting online astroturfing are discussed. Also there are still many psychological factors to be clarified with regard enhanced informal-psychology protection identity, such as, connection between attitude toward disinformation and values, trust, anxiety, social identities and level of social capital.

Keywords: *disinformation, attitudes toward deception, group identity, online astroturfing, homophily, polarization, protective mechanisms, collective emotions, echo-chambers.*

Funding

The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation (project № 18-18-00439 “Psychology of human beings in conditions of global risks”).

REFERENCES

1. Grachev G.V. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti: sostoyanie i vozmozhnosti psikhologicheskoi zashchity [Informational and psychological security of a person: the state and the possibility of psychological protection]. Moscow: Publ. RAGS, 1998. 125 p.
2. Grachev G.V., Mel'nik I.K. Manipulirovanie lichnost'yu: organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya [Manipulation person: organization, methods and technologies of information-psychological influence]. Moscow: Publ. Eksmo, 2003. 112 p.

For citation:

Mikheev E.A., Nestik T.A. Disinformation in social networks: current state and perspective research directions. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 5–20. doi:10.17759/sps.2018090201 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Mikheev Evgeny A.* – external doctorate student, Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mih-news@mail.ru

** *Nestik Timofey A.* – Doctor in Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, nestik@ipras.ru

3. Dolgov M.I. Klassifikatsiya informatsionno-psikhologicheskikh vozdeistvii i otsenka stepeni ikh ugroz dlya obshchestvenno soznaniya [Classification of information psychological impacts and assessment of their threat to the Public Consciousness] *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: politics, economy, law]*. Krasnodar: Publ. KhORS, 2016. pp. 47–52.
4. Doronin A.I. Dezinformatsiya, ili Voina v korolevstve krivyykh zerkal [Desinformation, or war in kingdom of false mirror]. Moscow, 2001. 23 p.
5. Emel'yanova T.P. Fenomen kollektivnykh chuvstv v psikhologii bol'shikh sotsial'nykh grupp [The phenomenon of collective feelings in the large social groups] [Elektronnyi resurs]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2016. Vol. 1, no. 1, pp. 3–22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (Accessed 08.02.2018)
6. Kalandarov K.Kh. Upravlenie obshchestvennym soznaniem. Rol' kommunikativnykh protsessov [Managing public opinion. The role of communicative processes]. Moscow: gum.tsentr Monolit, 1998. 80 p.
7. Kovaleva Yu.V., Sosnin V.A. Psikhohistoricheskoe protivostoyanie Zapada i Rossii v XXI veke: sotsiokul'turnye i sotsial'no-psikhologicheskie determinanty [Psychohistorical opposition of the West and Russia in the XXI age: sociocultural and socio-psychological determinants] [Elektronnyi resurs]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2017. Vol. 2, no. 1, pp. 119–142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (Accessed 08.02.2018)
8. Krasnikov M.A. Regulyativnaya funktsiya dezinformatsii v protsesse mezhlichnostnogo obshcheniya. Avtoref. diss... kand. psikhol. nauk [Regulative function of desinformation in process of interpersonal communication. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow: IP RAN, 2006. 24 p.
9. Manoilo A.V. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobykh usloviyakh [State information policy in special circumstances]. Monografiya. Moscow: MIFI, 2003. 388 p.
10. Nestik T.A. Otnoshenie k budushchemu v rossiiskikh upravlencheskikh komandakh: liderskoe videnie i korporativnyi forsait [Russian management commands relation to future: leadership vision and corporate foresight] *Ekonomicheskie strategii*. 2014, no. 2, pp. 134–141.
11. Ryumshina L.I. Manipulyatsii v SMI kak sledstvie «razorvannoi kommunikatsii» [Mass media manipulation as a result of «disruption of communication» process]. *Informatsionnaya i psikhologicheskaya bezopasnost' v SMI [Psychological and informational safety of mass media]*. Moscow: Aspekt-Press, 2008. Vol. 2, pp. 226–234.
12. Tarabrina N.V., Zhuravlev A.L. Psikhologicheskaya bezopasnost': na puti k kompleksnym, mezhdistsiplinarnym issledovaniyam [Psychological safety: on the way to complex, interdisciplinary studies]. In A.L. Zhuravlev, N.V. Tarabrina (ed.). *Problemy psikhologicheskoi bezopasnosti [Problems of psychological safety]*. Moscow: Publ. Institut psikhologii RAN, 2012. pp. 5–21.
13. Shlyakhovaya E.V. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory mediadoveriya [Social psychological features of mass media trust]. In A.B. Kupreichenko, I.V. Mersyanova (ed.) *Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva [Trust and distrust under state development conditions]*. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE, 2013, pp. 485–508.
14. Shtroo V.A. Issledovanie gruppovykh zashchitnykh mekhanizmov [The research of group safeguards mechanisms] *Psikhologicheskii zhurnal [Psychology magazine]*. 2001, no. 1, pp. 5–15.

15. Aiello L.M., Barrat A., Schifanella R., Cattuto C., Markines B., and Menczer F. Friendship prediction and homophily in social media. *ACM Transactions on the Web (TWEB)*. 2012, no. 9, pp. 1–40. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00718085/document> (Accessed: 08.02.2018)
16. Allied Joint Doctrine for Psychological Operations. AJP-3.10.1 [Elektronnyi resurs]. September, 2014. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/450521/20150223-AJP_3_10_1_PSYOPS_with_UK_Green_pages.pdf. (Accessed 14.01.2018).
17. Bessi A. Personality traits and echo chambers on Facebook *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 65, pp. 319–324. doi: 10.1016/j.chb.2016.08.016. URL: <https://dl.acm.org/citation.cfm?id=3043234> (Accessed 14.01.2018).
18. Bessi A., Petroni F., Del Vicario M. et al. Viral misinformation: The role of homophily and polarization *Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web Companion*. 18 May, 2015. pp. 355–356.
19. Bode L., Vraga E.K. In Related News, That Was Wrong: The Correction of Misinformation Through Related Stories Functionality in Social Media *Journal of Communication*. 2015. Vol. 65, pp. 619–638. doi: 10.1111/jcom.12166.
20. Cialdini R.B. Influence. Science and Practice [Elektronnyi resurs]. 4th edition, 2001. pp. 164–165 URL: https://www.influenceatwork.com/wp-content/uploads/2012/02/Influence_SP.pdf (Accessed 08.02.2018).
21. Del Vicario M., Bessi A., Zollo F., et al. The spreading of misinformation online [Elektronnyi resurs] *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016. Vol. 113, no. 3, pp. 554–559. doi: 10.1073/pnas.1517441113. URL: <http://www.pnas.org/content/113/3/554> (Accessed 16.04.2018).
22. Ecker U.K.H., Lewandowsky S., Fenton O., Kelsey K. Do people keep believing because they want to? Preexisting attitudes and the continued influence of misinformation. *Memory & Cognition*, 2014. Vol. 42, pp. 292–304. doi: 10.3758/s13421-013-0358-x.
23. Edelman D.J. *Edelman Trust Barometer Executive Summary* [Elektronnyi resurs], 2015, pp. 5–6. URL: <https://ru.scribd.com/doc/252750985/2015-Edelman-Trust-Barometer-Executive-Summary> (Accessed 08.02.2018).
24. Frenda S.J., Nichols R.M., Loftus E.F. Current Issues and Advances in Misinformation Research. *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 20, no. 1, pp. 20–23.
25. Harkins G.S., Szymanski K. Social Loafing and Self-Evaluation with a social standard. *Journal of Personality and social psychology* [Elektronnyi resurs] *Journal of Personality and social psychology*. 1987. Vol. 24, pp. 354–365. doi: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/002210318890025X>. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/65c6/162ff35fc61ea7b59945858f1235e80cdb3.pdf> (Accessed 14.01.2018).
26. How does misinformation spread online? [Elektronnyi resurs] *World Economic Forum*. 2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/q-a-walter-quattrociocchi-digital-wildfires/> (Accessed 14.01.2018).
27. Howell L. Digital wildfires in a hyperconnected world. *World Economic Forum. Eight editions*. 2013. 25 p.
28. Johnson M.K., Kounios J., Reeder J.A. Time-course studies of reality monitoring and recognition *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 1994. Vol. 20, pp. 1409–1419.

29. Kosinski M., Youyou W., Stillwell D. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2015. Vol. 112, no. 4, pp. 1036–1040 URL: 10.1073/PNAS.1418680112. URL: <http://www.pnas.org/content/112/4/1036.full> (Accessed 14.01.2018).
30. Malbon J. Taking fake online consumer reviews seriously [Elektronnyi resurs]. *Journal of Consumer Policy*, 2013. Vol. 36, no. 2, pp. 139–157. doi: 10.1007/s10603-012-9216-7 URL: <http://www.pnas.org/content/112/4/1036.full> (Accessed 16.04.2018).
31. Metzger M.J. Making sense of credibility on the Web: Models for evaluating online information and recommendations for future research [Elektronnyi resurs]. *Journal of the American Society of Information Science and Technology*, 2007, no. 58, pp. 2078–2091. doi: 10.1002/asi.20672. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/wo11/doi/10.1002/asi.20672/full> (Accessed 08.02.2018)
32. Mocanu D., Rossi L. Zhang Q., Karsai M., Quattrociocchi W. Collective attention in the age of (mis) information *Computers in Human Behavior*, 2014. Vol. 1, pp. 1198–1204. doi: 10.1016/j.chb.2015.01.024. URL: https://www.researchgate.net/publication/260800679_Collective_attention_in_the_age_of_misinformation (Accessed 16.04.2018).
33. Porter S., Birt A.R., Yuille J.C. Negotiating false memories: Interviewer and rememberer characteristics relate to memory distortion. *Psychological Science*. 2000. Vol. 11, pp. 507–510.
34. Weedon J., Nuland W., Stamos A. Information Operations and Facebook [Elektronnyi resurs]. 2017. Version 1.0 edition. 13 p. URL: <https://ru.scribd.com/document/346741164/Facebook-and-Information-Operations-v1> (Accessed 16.04.2018)
35. Wooten D.B., Reed A. Informational influence and the ambiguity of product experience: Order effects on the weighting of evidence [Elektronnyi resurs]. *Journal of Consumer Research*. 1998. Vol. 7, pp. 79–99. doi: 10.1207/s15327663jcp0701_04. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1057740898703651> (Accessed 16.04.2018)
36. Zollo F., Novak P.K., Del Vicario M., Bessi A., Mozetič I., Scala A., et al. Emotional Dynamics in the Age of Misinformation [Elektronnyi resurs] *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10, no. 9, pp.1–22 doi:10.1371/journal.pone.0138740. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0138740&type=printable> (Accessed 16.04.2018)
37. Zhang J., Carpenter D., Ko M. Online astroturfing: A theoretical perspective [Elektronnyi resurs] *Proceedings of the Nineteenth Americas Conference on Information Systems* (Chicago, Illinois, August 15–17, 2013). Chicago, 2013. Vol. 4, pp. 2559–2565. URL: https://www.researchgate.net/profile/Darrell_Carpenter/publication/286729041 (Accessed 08.02.2018).
38. Zhang X., Ko M., Carpenter D. Development of a scale to measure skepticism toward electronic word-of-mouth. [Elektronnyi resurs]. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 56, pp. 198–208. doi: 10.1016/j.chb.2015.11.042. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.chb.2015.11.042> (Accessed 08.02.2018).
39. Zhu B., Chen C., Loftus E.F., Lin C., He Q., Chen C., et al. Individual differences in false memory from misinformation: Personality characteristics and their interactions with cognitive abilities [Elektronnyi resurs]. *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol. 48, pp. 889–894. doi: 10.1080/09658211.2010.487051. URL: http://www.academia.edu/10868808/Individual_differences_in_false_memory_from_misinformation_Personality_characteristics_and_their_interactions_with_cognitive_abilities (Accessed 16.04.2018).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
EMPIRICAL RESEARCH

**Доверие как фактор психологической безопасности
в межнациональном взаимодействии**

А.И. ДОНЦОВ*,
*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, a.dontsov@mail.ru*

Е.Б. ПЕРЕЛЫГИНА**,
*Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия,
elena_sutkina@mail.ru*

О.Ю. ЗОТОВА***,
*Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия,
oiambusheva@mail.ru*

С.В. МОСТИКОВ****,
*Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия,
smostikov@ya.ru*

*Направленность и роль доверия как фактора психологической безопасности
в социальном взаимодействии является предметом исследовательского вни-*

Для цитаты:

Донцов А.И., Перелыгина Е.Б., Зотова О.Ю., Мостиков С.В. Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 21–34. doi:10.17759/sps.2018090202

* *Донцов Александр Иванович* — академик Российской академии образования, Почетный президент Российского психологического общества, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, a.dontsov@mail.ru

** *Перелыгина Елена Борисовна* — член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии, руководитель Центра комплексных проблем психологии безопасности, Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия, elena_sutkina@mail.ru

*** *Зотова Ольга Юрьевна* — доктор психологических наук, заместитель декана факультета социальной психологии, профессор кафедры общей и прикладной психологии, Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия, oiambusheva@mail.ru

**** *Мостиков Сергей Владимирович* — аспирант, Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия, smostikov@ya.ru

мания российских и зарубежных ученых. Доверие предстает как обобщенный социально-психологический феномен, обусловленный историей и опытом предыдущих межличностных и социально-институциональных взаимодействий, особенностями национальных культур и традиций, моральных норм и ценностей, установок и стереотипов. В межнациональном взаимодействии большой удельный вес в содержании доверительных отношений приобретают опыт межэтнических отношений, этнокультурная компетентность, отсутствие внутригрупповой и межгрупповой агрессии, единство векторов и представлений о безопасности личности. Для выявления индикаторов ощущения безопасности было проведено исследование с сопоставлением восприятия респондентами ($N=514$) себя в опасности, в безопасности и в актуальном состоянии. Факторно-аналитическая обработка позволила выявить структуру личностной безопасности респондентов, где в качестве значимых представлено пять факторов. Ведущий фактор (объясняемая дисперсия 25,6%) – это доверие, что дает основания рассматривать возможность оказания доверия одним из основных индикаторов ощущения психологической безопасности. Проведенные в полиэтнических группах студентов исследования также показали, что феномен доверия выступает важным фактором их психологической безопасности.

Ключевые слова: доверие, психологическая безопасность, межнациональное взаимодействие, межличностное доверие, полиэтнические группы.

Введение в состояние проблемы

Содержание и направленность доверительных отношений, а вместе с тем и моделей доверия, в межнациональном взаимодействии представляют собой предмет научных дискуссий и анализа. Особенности доверительных отношений в межнациональном взаимодействии вытекают из совместного участия субъектов взаимодействия в сложной подвижной сети социальных отношений, где каждая сторона представляет собой микросрез кросс-культурных отношений и полиэтнических характеристик.

Принимая во внимание важность доверия как индикатора психологической безопасности, следует отметить, что «... актуализация многочисленных угроз безопасности в изменчивом мире нарушает заложенный в человеке глубинный слой “базисного доверия к миру”»

[2, с. 29]. Эта тенденция утверждает приоритет задачи по развитию и поддержанию доверия как основы социального взаимодействия индивидов в системе межнациональных отношений.

Расширение пространства доверия на основе формирования широкого спектра аксиологических факторов является стратегическим решением проблемы улучшения межкультурных отношений. Доверие открывает перспективы для искреннего выражения своих чувств и эмоций, совместного поиска решений сложных вопросов и заключения долгосрочных национальных и социальных контрактов. Потенциал доверительных отношений основывается на принципах комплиментарности, рациональности и сбалансированности внутренних переживаний и поведения субъектов доверительных отношений. Доверие запускает целый ряд процессов, соответствующих

целевой установке оптимизации межкультурного взаимодействия [5, с. 65]. Маркеры доверия подтверждают готовность участников коммуникации обсуждать и разрешать проблемные ситуации, раскрывая диапазон эмоциональных переживаний, оценок, предубеждений и восприятия уровня психологической безопасности. Соответственно, формируются устойчивые мотивы для взаимовыгодного оптимального межнационального взаимодействия.

Исследования показывают, что эффективность полиэтнического взаимодействия связана с доверием как фактором, регулирующим социально-психологическую дистанцию между субъектами доверия [7, с. 125]. Желаемая дистанция устанавливается на базе прогноза особенностей восприятия и поведения носителей других культур [11]. Социально-психологическая культурная дистанция определяет особенности восприятия участниками межнационального взаимодействия собственных объективных и субъективных различий, возможности социально-психологического пространства и коммуникативных стратегий [3, с. 612].

Большую роль в межнациональных отношениях играют традиционные ценности, национальные культуры, социально-исторический опыт межконфессиональных отношений. В этом ракурсе представляет интерес трактовка Дж. Роттером доверия как генерализованного результата истории предшествующих социальных взаимодействий [18].

Вместе с тем существенным фактором в межнациональных взаимодействиях выступает этноцентризм, имеющий тенденцию опираться на свои культурные фильтры и недооценивать важность межкультурной коммуникации. Эти

условия и параметры обуславливают значимость этнокультурной компетентности, которая способствует эффективному и психологически безопасному межнациональному взаимодействию. Поиск путей и форм достижения психологической безопасности становится тем более актуальным, что Россия стала одной из стран, имеющих значительный иммиграционный поток (второе место в иммиграционной циркуляции в мире) [10, с. 180].

Проявление этнокультурной компетентности в социальном взаимодействии обуславливает развитие коммуникативной компетентности в межнациональном взаимодействии, доверия к представителям других культур, ощущения психологической безопасности за рамками этноцентризма и межнациональных предубеждений. При этом «психологическая безопасность неизменно ассоциируется у индивидов с отсутствием внутригрупповой и межгрупповой агрессии (как малых, так и больших социальных групп)» [4, с. 143].

В предметном поле социальной психологии безопасность личности раскрывается через обращение к системе представлений личности [4; 14; 15]. Ощущение безопасности задается особенностями представлений личности о том, что такое безопасность в целом. В свою очередь, представления о безопасности формируются индивидуально, и они представляют собой субъективное отражение реальности отдельными индивидами с их этнокультурной компетентностью, историей социальных взаимодействий и потребностью в психологической безопасности.

Ниже будут представлены результаты двух эмпирических исследований, проведенных в заявленной области.

Гипотеза первого исследования основана на предположении о том, что самовосприятие индивидов в ситуации опасности и безопасности отличается по ряду критериев с преобладанием в факторной структуре личной безопасности фактора доверия, которое возникает на фоне снижения уровня критичности и субъективного контроля эмоционального состояния, стремления личности к свободному самовыражению без дискриминации людей по национальному признаку.

Гипотеза второго исследования предполагает осознанность субъектами межнационального взаимодействия значимости фактора доверия для безопасности членов группы и отсутствие непосредственной зависимости уровня группового доверия от этнической принадлежности членов этой группы.

Исследование 1

Описание программы исследования

В рамках проведенного исследования была поставлена цель изучения особенностей самовосприятия жителей Свердловской области в ситуациях опасности и безопасности, выявления индикаторов ощущения безопасности.

Реализация цели предполагала решение следующих задач:

- 1) сопоставление состояния опасности/безопасности и актуального состояния респондентов;
- 2) выявление индикаторов ощущения респондентами личной безопасности;
- 3) изучение факторной структуры личной безопасности в исследуемой группе.

Выборка исследования

Состав выборочной совокупности был определен на основе сведений Рос-

стата о численности и составе населения федеральных округов РФ по состоянию на 1 января 2017 г. Это обеспечило репрезентативность исследуемой выборки и точное отражение ею генеральной совокупности — структуры населения данного региона по признакам пола, возраста, уровню образования и типу поселения. Выборку составляли респонденты от 18 до 85 лет, опрошенные респонденты имели различный уровень образования — среднее, начальное профессиональное, среднее профессиональное, неоконченное высшее и высшее. В исследовании приняли участие респонденты, постоянно проживающие как в городской, так и сельской местности. Всего было опрошено 514 человек.

Методы и инструменты исследования

Для реализации поставленной цели в качестве основного метода был использован «Семантический дифференциал» в модификации Д. Пибоди, А.Г. Шмелева [12]. Респондентам было предложено оценить себя в ситуации опасности, безопасности и в своем актуальном состоянии. Последующий анализ полученных результатов представлял собой сопоставление данных оценок. В ходе обработки полученных результатов были применены следующие методы математической обработки данных в электронном пакете SPSS 20.0.: описательная статистика, однофакторный дисперсионный анализ ANOVA с использованием апостериорных критериев парных сравнений, факторный анализ.

Результаты исследования

Проведенная факторно-аналитическая обработка данных позволила выявить, по оценкам респондентов, расположение в факторном пространстве

выделенных в качестве стимулов состояний — «Я в опасности», «Я в безопасности», «Я сейчас» (см. рисунок).

Дальнейший анализ данных позволил выявить характеристики, имеющие наибольшую магнитуду оценок исследуемой выборки применительно к различным предъявляемым ситуациям. При этом

учитывались различия не только между ситуациями «в безопасности» и «в опасности», но и в отношении оценки актуального состояния, так как именно комплексный учет этих аспектов позволяет выявить те характеристики, которые в наибольшей степени характерны, типичны для состояния безопасности (табл. 1).

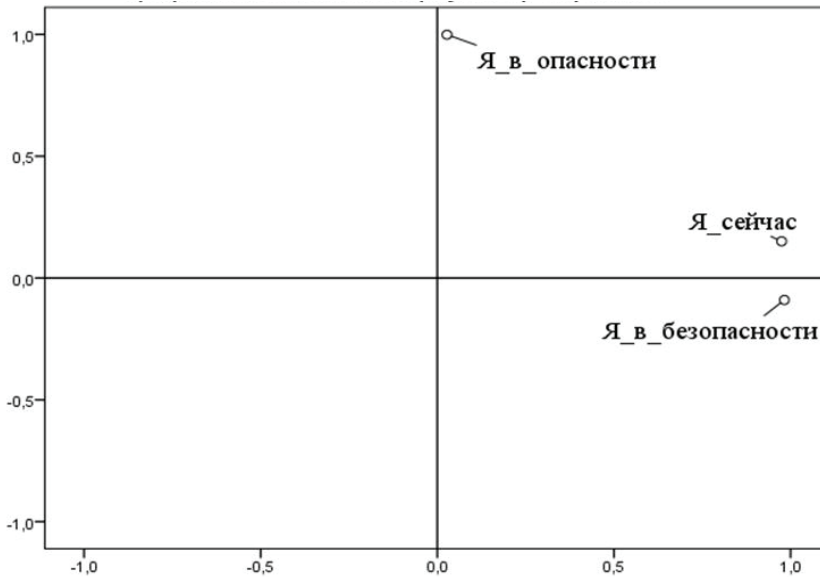

Рис. Факторное пространство самовосприятия респондентов

Таблица 1

Сравнительный анализ психологических характеристик, приписываемых респондентами себе в различных ситуациях (n=514)

Психологические характеристики	Ситуация			Значимые различия
	«Я в безопасности» (среднее)	«Я в опасности» (среднее)	«Я сейчас» (среднее)	
Критичный	3,5	5,28	4,4	Между 1 и 2; между 2 и 3; между 1 и 3; p<0,001
Недоверчивый	3,28	5,53	4,09	Между 1 и 2; между 2 и 3; между 1 и 3; p<0,001
Придирчивый	3,33	4	3,8	Между 1 и 2, p=0,003; между 1 и 3, p=0,0028
Осторожный	4,5	5,53	5,23	Между 1 и 2, p=0,002; между 1 и 3, p=0,002

Психологические характеристики	Ситуация			Значимые различия
	«Я в безопасности» (среднее)	«Я в опасности» (среднее)	«Я сейчас» (среднее)	
Легкомысленный	4	2,33	3,17	Между 1 и 2, $p < 0,001$; между 2 и 3, $p = 0,022$; между 1 и 3, $p = 0,033$
Активный	5	4,77	4,4	Между 1 и 2, $p = 0,041$; между 1 и 3, $p = 0,038$
Восторженный	4,6	3,19	4,19	Между 1 и 2, $< 0,001$; между 2 и 3, $p = 0,002$; между 1 и 3, $p = 0,032$

Полученные результаты свидетельствуют, что наиболее показательными различиями характеризуются такие черты, как «критичный», «недоверчивый» и «легкомысленный». Различия по оценкам данных характеристик для состояний «Я в безопасности» и «Я сейчас» составляют более 0,8 баллов. Таким образом, преобладание именно таких характеристик, как «легковерный», «доверчивый» и «легкомысленный» наиболее ярко отражает состояние безопасности, что и отражается, по оценкам респондентов, в индикаторах данного состояния.

Проведенный факторный анализ позволил выявить факторную структуру личной безопасности респондентов. В результате факторно-аналитической обработки данных было выделено 5 значимых факторов (табл. 2).

Первый фактор (объясняемая дисперсия 25,6%) можно обозначить как «Доверие», второй фактор (объясняемая дисперсия 18,2%) — как «Авантюризм», третий (объясняемая дисперсия 16,3%) — как «Самонадеянность», четвертый фактор (объясняемая дисперсия 14,0%) получил условное название

Таблица 2

Результаты факторного анализа

Переменные	Факторы				
	1	2	3	4	5
Легковерный	0,768				
Доверчивый	0,721				
Легкомысленный	0,633				
Непрактичный		0,841			
Раскрепощенный		0,599			
Смелый		0,578			
Неразборчивый			0,760		
Самоуверенный			0,733		
Веселый				0,700	
Возбужденный				0,639	
Гибкий					0,643

Примечание. Метод выделения: анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. а Вращение сошло за 12 итераций.

«Эмоциональная расторможенность», пятый фактор (объясняемая дисперсия 11,5%) — как «Гибкость».

Интерпретация и обсуждение полученных результатов

Исследование показало семантическую близость состояния «Я в безопасности» и «Я сейчас» в самооценках респондентов. Из этого следует, что сущностными характеристиками состояния безопасности, по оценкам респондентов, будут являться те, которые в наибольшей степени отличаются не только от состава характеристик состояния «Я в опасности», но и, что более важно, — от состава характеристик актуального состояния «Я сейчас». В качестве таких характеристик выступили черты, относящиеся к проявлениям доверия.

В целом, проведенный анализ позволяет заключить, что наличие ситуации, расцениваемой личностью как исключительно безопасной, приводит к снижению уровня критичности и контроля личностью собственного эмоционального состояния, выносимых суждений и поведения. Ощущение отсутствия риска дает личности возможность проявления собственных идей, принятия самостоятельных решений, совершения смелых и творческих действий. В соответствии с полученными результатами, именно в ситуации безопасности личность стремится к свободному выдвижению своих идей, реализации собственных замыслов и планов, обмену идеями и знаниями без дискриминации представителей других национальностей.

Взаимосвязь доверия и психологической безопасности в субъект-субъектном взаимодействии имеет особое значение в межнациональных отношениях, где она призвана укреплять основания межкультурного и межнационального взаимодействия. Важно учитывать, что доверие

в межнациональном контексте основывается на корреляции реципрокальных ожиданий, этических нормативов, культурно-исторической обусловленности этнопсихологических коммуникаций [9], стремлении избежать угроз психологической безопасности личности.

Так, специфика доверия в традиционных межкультурных коммуникациях народов Кавказа связана с превалированием межличностного доверия, доверительных отношений с соседями и родственниками, членами одного тейпа и т. д. Исследования российских ученых показывают, что эта тенденция превалирует в разных социально-демографических группах и национальных образованиях в нашей стране. Масштабный проект ЖМ-2014 показал, что наибольшее доверие у россиян вызывают представители ближнего коммуникативного круга, прежде всего, члены своей семьи и друзья (87% и 59,2% россиян) [8, с. 28]. Эти данные коррелируют с результатами всероссийского опроса 2009 г., который продемонстрировал, что наибольшее доверие респонденты испытывают к родственникам и своим друзьям [13]. Такой аспект направленности доверительных отношений подтверждается в трактовке Ю.Б. Кассебаум, в которой личностное доверие раскрывается как ожидание относительно будущего поведения другого индивида, сопровождающегося теплотой и безопасностью [16]. При изучении межнациональных отношений российские ученые указывают на необоснованность тенденции замены межличностного доверия («частного доверия») к семье, родственникам и т.д. другой формой доверия — социальным доверием к социальным институтам и к государству [1]. В проведенных исследованиях обнаруживается, что различные формы доверия имеют разные механизмы и могут ор-

ганически дополнять друг друга, создавая многогранную картину доверительных взаимодействий.

В межнациональных коммуникациях существенную роль играет феномен группового давления. Важным условием конформизма в коммуникативном взаимодействии выступает степень сплоченности группы и однородность ее групповой структуры, что обуславливает меру доверия членам группы, в том числе другой национальности.

Исследование 2

Описание программы исследования

С целью изучения вопроса о взаимосвязи доверия в группе и характера межнационального взаимодействия в ней был проведен опрос среди студентов колледжей из групп, в которых обучаются лица разной национальности. Выборку составили респонденты от 18 до 20 лет, постоянно проживающие в г. Екатеринбург. Были опрошены 2 группы студентов, в одной из которых был в 2017 г. зафиксирован конфликт с участием лиц различных национальностей.

Межнациональный состав группы 1: русских — 55,5%, татар — 16,6%, армян — 11,1%, киргизов — 16,6%. В составе группы 2: русских — 60%, дагестанцев — 30%, башкир — 10%.

На вопрос «Заслуживают ли доверия члены Вашей группы студенты другой этнической принадлежности, обучающиеся в этой же группе?» были даны ответы представителями группы, где конфликта не было (группа 1, N=18), и группы, где конфликт имел место (группа 2, N=20).

Результаты исследования

По оценкам респондентов из группы 1 заслуживают доверия 83% членов

их учебного коллектива другой этнической принадлежности, 11% — в целом заслуживают, но один студент, по признанию его одногруппников, такого доверия не заслуживает (5,5%).

Во второй группе 70% студентов, с точки зрения респондентов, заслуживают доверия. Среди членов группы различной этнической принадлежности в целом доверия заслуживают 15% респондентов, доверия не заслуживают 15% (3 студента).

Дополнительно респондентам из обеих групп был задан вопрос «Согласны ли Вы с тем, что доверие разным членам Вашей группы влияет на уровень безопасности членов группы?».

В группе 1 на этот вопрос утвердительно ответили 16 студентов (88,9%), затруднились с ответом 2 студента (11,1%). Во второй группе 80% студентов (16 человек) согласились с тем, что доверие в межличностном взаимодействии в межэтнической студенческой группе является фактором психологической безопасности ее членов, негативную позицию занимает 5% (1 студент), а 15% респондентов (3 человека) затруднились сформировать свою позицию.

Интерпретация и обсуждение полученных результатов

Высокий уровень доверия, который продемонстрировали респонденты из обеих групп к членам учебного коллектива другой национальности, свидетельствует о достаточно высоком уровне конформности в поведении студентов. Такие оценки позволяют расценивать межличностное доверие как существенный фактор в ценностных представлениях респондентов, как важнейший аспект сплоченности учебной группы и укоренения в жизнедеятельности обеих групп моделей доверительных отношений. Взаимодей-

стве субъектов предусматривает внимание каждой из сторон к ценностям и смыслам другой личности, к значимости предметно-деятельностной, информационной сферы, ставшей объектом доверительных отношений для каждого из субъектов. С точки зрения психологической безопасности, имеет значение взаимность векторов доверия во взаимоотношениях респондентов, что служит барьером для манипулирования и доминирования в межнациональном взаимодействии.

В исследованиях российских ученых указывается на продуктивность консолидационной парадигмы при рассмотрении социальных взаимодействий, в частности, межэтнических взаимодействий. При этом стратегически важный феномен консолидации раскрывается через динамику социальных отношений, основанных на доверии [6]. Это позволяет интерпретировать доверие как стержневой фактор консолидационной парадигмы в трактовке межнационального взаимодействия россиян.

Вместе с тем, по данным проведенного опроса, 1 студент в группе 1 и 3 человека в группе 2, по мнению респондентов, доверия не заслуживают. Обратим внимание, что в ходе опроса не акцентировалась национальная принадлежность как лиц, заслуживающих доверия, так и его не заслуживающих. Такая позиция связана со стремлением усилить сплоченность группы, не дать оснований и материала для негативных оценок в межнациональном взаимодействии. Естественно предположить, что не заслуживающие доверия респонденты могли получить такие оценки из-за их личностных, коммуникативных, эмоциональных особенностей. Разумеется, надо учитывать и возможность «конечной ошибки атрибуции» [17] и объяснения на этой основе бесосновательности

доверия к одному или трем респондентам их личностными характеристиками. Вместе с тем нельзя и недооценивать значимость личностных черт, коммуникативной компетентности, агрессивности или миролюбия и т. д. у обследованных студентов. С полученными результатами коррелируют и представления респондентов о роли доверия в уровне психологической безопасности членов группы.

Заключение

Проведенные исследования дали возможность получить эмпирическое подтверждение взаимосвязи психологической безопасности личности и наличия доверительных отношений. Установлено, что возможность доверять является одним из основных индикаторов ощущения психологической безопасности.

Взаимосвязь доверия и психологической безопасности в субъект-субъектном взаимодействии усиливает основания межнационального взаимодействия через корреляцию морально-нравственных контекстов, культурно-исторической обусловленности коммуникативного, когнитивного, деятельностного опыта этнопсихологических взаимодействий. При этом масштабная и многоуровневая картина доверительных отношений в условиях полиэтнического взаимодействия характеризуется превалированием межличностного доверия. Доверие представителям ближнего коммуникативного круга ассоциируется с прогнозируемостью, позитивными эмоциями и безопасностью. Приведенные данные позволяют интерпретировать феномен доверия в межличностном общении студентов в полиэтнических группах как значимый фактор их психологической безопасности.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00112 «Психологическая безопасность как интегральный показатель формирования этнической идентичности в межнациональном взаимодействии россиян».

Благодарности

Авторы благодарят за помощь в проведении исследований кандидата психологических наук Л.В. Тарасову.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аккиева С.И.* Доверие как фактор сохранения межнациональной стабильности на Северном Кавказе в условиях глобализации // *Успехи современной науки.* 2016. Т. 3. № 8. С. 166–169.
2. *Веракса А.Н., Рикель А.М.* Психология безопасности как постнеклассическое пространство символов // *Междисциплинарные исследования в психологии безопасности и их современное состояние: материалы VIII Межрегионального симпозиума с международным участием / Под науч. ред. Е.Б. Перельгиной.* Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. С. 28–31.
3. *Гущина Т.В.* Доверие как важная сторона совладающего поведения в контексте межкультурной коммуникации // *Психология общения и доверия: теория и практика: сб. материалов Международной конференции УРАО, ПИ РАО, МГУ (6–7 ноября 2014 г.) / Под ред. Т.П. Скрипкиной.* М.: Университет РАО, 2014. С. 611–613.
4. *Донцов А.И., Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю., Перельгина Е.Б.* Психология безопасности. М.: Юрайт, 2018. 276 с.
5. *Казыдуб Н.Н.* Бесконфликтный дискурс: ритуальное поведение или ответственный поступок? // *Вестник МГЛУ ЕАЛИ.* 2015. Вып. 3(714). С. 62–71.
6. Карточка проекта «Социальные факторы межэтнической консолидации (на примере Республики Мордовия)», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом. № 12-13-13002 [Электронный ресурс] / Руководитель проекта д-р филос. наук, профессор А.А. Сычев. URL: http://ogon.rfbr.ru/sys/a/?colfilter=0&context=_anonymous~&fedcols=1&pgoffset=0&ro_filter=_main.enrfh_tasks.syrecordidw%20%3D%2003d0m00Ij5Rw0A01Y2aLb00~&table=main.enrfh_tasks&target=show_template&template=prg_card.htm (дата обращения: 16.01.2018).
7. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность.* 2001. № 3. С. 121–139.
8. *Кученкова А.В.* Межличностное доверие в российском обществе // *Социологические исследования.* 2016. № 1. С. 26–36.
9. *Магомедов М.Г.* Социальное доверие в российском обществе. М.: Социально гуманитарные знания, 2008. 260 с.
10. *Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. 232 с.
11. *Мукомель В.И., Рыжова С.В.* Доверие и недоверие в межнациональных отношениях // *Социологические исследования.* 2017. № 1. С. 37–46.

12. Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 101–111.
13. Сасаки М., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф., Воронов В.В. Сравнительный анализ доверия в различных странах // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 60–73.
14. Bar-Tal D., Kruglanski A.W. The social psychology of knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 416 p.
15. Flick U., Foster J. Social representations // The Sage handbook of qualitative research in psychology / Ed. by C. Willig, W.S. Rogers. L.: Sage, 2008. P. 195–214.
16. Kassebaum U.B. Interpersonelles Vertrauen: Entwicklung eines Inventars zur Erfassung spezifischer Aspekte des Konstrukts [Электронный ресурс] // Ph.D. thesis, Universität Hamburg. Hamburg, 2004. URL <http://www.sub.uni-hamburg.de/opus/volltexte/2004/2125> (дата обращения: 06.04.2018).
17. Pettigrew T.F. The ultimate attribution error: Extending Allport's cognitive analysis of prejudice // Personality and Social Psychology Bulletin. 1979. Vol. 5. № 4. P. 461–476. doi: 10.1177/014616727900500407
18. Rotter J. B. Generalized expectancies for interpersonal trust // American Psychologist. 1971. Vol. 26. № 5. P. 443–452. doi: 10.1037/h0031464

Trust as a factor of psychological security in interethnic interaction

A.I. DONTSOV*,

*Moscow State University after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia,
a.dontsov@mail.ru*

E.B. PERELYGINA**,

*Liberal Arts University-University for Humanities (LAU), Ekaterinburg, Russia
elena_sutkina@mail.ru*

O.YU. ZOTOVA***,

*Liberal Arts University-University for Humanities (LAU), Ekaterinburg, Russia,
oiambusheva@mail.ru*

S.V. MOSTIKOV****,

*Liberal Arts University-University for Humanities (LAU), Ekaterinburg, Russia,
smostikov@ya.ru*

The direction and role of trust as a factor of psychological security in social interaction is the subject of research attention of Russian and foreign scientists. Confidence appears as a generalized socio-psychological phenomenon, conditioned by the history and experience of previous interpersonal and socio-institutional interactions, features of national cultures and traditions, moral norms and values, attitudes and stereotypes. In the interethnic interaction, a large share in the content of trust relations acquires the experience of interethnic relations, ethno-cultural competence, the lack of intragroup and inter-group aggression, the unity of vectors and perceptions of the security of individual. To identify indicators of a sense of security, a study was conducted comparing respondents' perception (N = 514) of themselves in danger, in safety and in an actual

For citation:

Dontsov A.I., Perelygina E.B., Zotova O.Yu., Mostikov S.V. Trust as a factor of psychological security in interethnic interaction. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 21–34. doi:10.17759/sps.2018090202 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Dontsov Alexander I.* — Academician of the Russian Academy of Education, Honorary President of the Russian Psychological Society, Doctor in Psychology, Professor, Moscow State University after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia, a.dontsov@mail.ru

** *Perelygina Elena B.* — Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Professor, Dean of the Faculty of Social Psychology of the Liberal Arts University-University for Humanities (LAU), Head of the Center for Complex Problems in Psychology of Security, Liberal Arts University-University for Humanities (LAU), Ekaterinburg, Russia, elena_sutkina@mail.ru

*** *Zotova Olga Yu.* — Doctor in Psychology, Development deputy dean of Social Psychology Faculty, professor at General and Applied psychology chair of Liberal Arts University — University for Humanities, Liberal Arts University-University for Humanities (LAU), Ekaterinburg, Russia, oiambusheva@mail.ru

**** *Mostikov Sergey V.* — post-graduate student, Liberal Arts University-University for Humanities (LAU), Yekaterinburg, Russia, smostikov@ya.ru

state. Factorial-analytical processing allowed to reveal the structure of the personal safety of respondents, where as the significant are five factors. The leading factor (explained variance of 25.653%) is trust, which gives grounds to consider the possibility of providing trust as one of the main indicators of psychological security. Studies conducted in polyethnic groups of students also showed that the phenomenon of trust is an important factor in their psychological security.

Keywords: trust, psychological security, interethnic interaction, interpersonal trust, polyethnic groups.

Funding

The article was supported with a grant from the Russian Science Foundation (project № 18-18-00112 «Psychological Security as an Integral Indicator of Ethnic Identity Formation in the course of Interethnic Interaction of Russians»).

Acknowledgements

The authors thank for the assistance in carrying out the research of candidate of psychological sciences Tarasov L.V.

REFERENCES

1. Akkiewa S.I. Doverie kak faktor sohraneniya mezhnacional'noj stabil'nosti na Severnom Kavkaze v usloviyah globalizacii [Trust as a factor of maintaining interethnic stability in the North Caucasus in the context of globalization]. *Uspekhi sovremennoj nauki [The successes of modern science]*, 2016. Vol. 3, no. 8, pp. 166–169.
2. Veraksa A.N., Rikel' A.M. Psihologiya bezopasnosti kak postneklassicheskoe prostranstvo simvolov [Psychology of security as a post-nonclassical space of symbols]. *Mezhdisciplinarnye issledovaniya v psikhologii bezopasnosti i ih sovremennoe sostoyanie: materialy VIII Mezhhregional'nogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem [Interdisciplinary research in the psychology of security and their current state: Proceedings of the VIII Interregional Symposium with International Participation]*. In E.B. Perelygina (ed.). Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2017. pp. 28–31.
3. Gushchina T.V. Doverie kak vazhnaya storona sovladayushchego povedeniya v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii [Trust as an important aspect of coping behavior in the context of intercultural communication]. *Psihologiya obshcheniya i doveriya: teoriya i praktika: sb. materialov Mezhdunarodnoj konferencii URAO, PI RAO, MGU (6–7 noyabrya 2014 g.) [Psychology of communication and trust: theory and practice: a collection of materials of the International Conference URAO, PI RAO, MSU (November 6-7, 2014)]*. In T.P. Skripkina (ed.). Moscow: Universitet RAO, 2014, pp. 611–613.
4. Dontsov A.I., Zinchenko Yu.P., Zotova O.Yu., Perelygina E.B. Psihologiya bezopasnosti [Psychology of safety]. Moscow: Yurajt, 2018. 276 p.
5. Kazydub N.N. Beskonfliktnyj diskurs: ritual'noe povedenie ili otvetstvennyj postupok? [Conflict discourse: ritual behavior or responsible action?] *Vestnik MGLU EALI [Bulletin of MGLU EALI]*, 2015, no. 3(714), pp. 62–71.
6. Kartochka proekta «Social'nye faktory mezhehtnicheskoy konsolidacii (na primere Respubliki Mordoviya)», podderzhannogo Rossijskim gumanitarnym nauchnym fondom. [The card of the project “Social factors of interethnic consolidation (on the example of the Republic of Mordovia)”, supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation]

- no. 12-13-13002 [Elektronnyi resurs]. Rukovoditel' proekta d-r filos. nauk, professor A.A. Sychev. URL: http://ogon.rfbr.ru/sys/a/?colfilter=0&context=_anonymous-&fe dcols=1&pgoffset=0&ro_filter=_main.enrfh_tasks.syrecordidw%20%3D%2003d0m00Ij5Rw0A01IY2aLb00~&table=main.enrfh_tasks&target=show_template&template=prg_card.htm (Accessed: 16.01.2018).
7. Koulman Dzh. Kapital social'nyj i chelovecheskij [Capital is social and human]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2001, no. 3, pp. 121–139.
8. Kuchenkova A.V. Mezhlichnostnoe doverie v rossijskom obshchestve [Interpersonal Confidence in Russian Society]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2016, no. 1, pp. 26–36.
9. Magomedov M.G. Social'noe doverie v rossijskom obshchestve [Social trust in Russian society]. Moscow: Social'no gumanitarnye znaniya, 2008. 260 p.
10. Malahov V. Kul'turnye razlichiya i politicheskie granicy v ehpohe global'nyh migracij [Cultural differences and political boundaries in the era of global migration]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; Institut filosofii RAN, 2014. 232 p.
11. Mukomel' V.I., Ryzhova S.V. Doverie i nedoverie v mezhnacional'nyh otnosheniyah [Confidence and distrust in interethnic relations]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2017, no. 1, pp. 37–46.
12. Pibodi D., Shmelev A.G., Andreeva M.K., Gramenickij A.E. Psihosemanticheskiy analiz stereotipov russkogo haraktera [Psychosemantic analysis of stereotypes of the Russian character]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1993, no. 3, pp. 101–111.
13. Sasaki M., Davydenko V.A., Romashkina G.F., Voronov V.V. Sravnitel'nyj analiz doveriya v razlichnyh stranah [Comparative analysis of trust in various countries]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2013, no. 3, pp. 60–73.
14. Bar-Tal D., Kruglanski A.W. The social psychology of knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 416 p.
15. Flick U., Foster J. Social representations. In C. Willig, W.S. Rogers (ed.). *The Sage handbook of qualitative research in psychology*. L.: Sage, 2008, pp. 195–214.
16. Kassebaum U.B. Interpersonelles Vertrauen: Entwicklung eines Inventars zur Erfassung spezifischer Aspekte des Konstrukts [Elektronnyi resurs]. Ph.D. thesis, Universität Hamburg. Hamburg, 2004. URL <http://www.sub.uni-hamburg.de/opus/volltexte/2004/2125> (Accessed: 06.04.2018).
17. Pettigrew T.F. The ultimate attribution error: Extending Allport's cognitive analysis of prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1979. Vol. 5, no. 4, pp. 461–476. doi: 10.1177/014616727900500407
18. Rotter J.B. Generalized expectancies for interpersonal trust. *American Psychologist*, 1971. Vol. 26, no. 5, pp. 443–452. doi: 10.1037/h0031464

Increasing integrative complexity on convicted terrorists in Indonesia

I.E. PUTRA*,

*Persada Indonesia University, Daya Makara – Universitas Indonesia,
Jakarta, Indonesia, Idhamsyah.eka@ui.ac.id*

F. ERIKHA**,

*Daya Makara – Universitas Indonesia, Jakarta, Indonesia,
fajar.erikha51@ui.ac.id*

R.S. ARIMBI***,

*Daya Makara – Universitas Indonesia, Jakarta, Indonesia,
arimbi.rahardjo@gmail.com*

A. RUFEDAHA****,

*Universitas Nahdlatul Ulama, Daya Makara – Universitas Indonesia,
Jakarta, Indonesia, anyrufaidah@gmail.com*

Located in Indonesia, the aim of the present study was to test the dynamics of integrative complexity of convicted terrorists in a series of dialogs set by the researchers. It was expected that if the meeting containing ideas related to humanity, peace, and intergroup harmony could be able to make the attendees stay until the end, cognitive complexity of the last meeting would be higher than the first meeting. Fifty nine statements were randomly collected from thirty eight convicted terrorists who participated in the meeting. The statements, then, were scored based on the level of cognitive complexity. A measure of cognitive complexity showed significant (Wilks' Lambda = .748,

For citation:

Putra I.E., Erikha F., Arimbi R.S., Rufaeda A. Increasing integrative complexity on convicted terrorists in Indonesia. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 35–45. doi:10.17759/sps.2018090203 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Putra Idhamsyah Eka* – PhD in Psychology, lecturer in Psychology Graduate Programs, Persada Indonesia University; Managing Director of Division for Applied Social Psychology Research, Daya Makara – Universitas Indonesia, Jakarta, Indonesia, Idhamsyah.eka@ui.ac.id

** *Erikha Fajar* – Deputy Managing Director, Division for Applied Social Psychology Research, Daya Makara – Universitas Indonesia; researcher, Center for Societal and Cultural Research, Faculty of Humanites Universitas Indonesia, Jakarta, Indonesia, fajar.erikha51@ui.ac.id

*** *Arimbi Reisa Suci* – researcher, Division for Applied Social Psychology Research, Daya Makara – Universitas Indonesia, Jakarta, Indonesia, arimbi.rahardjo@gmail.com

**** *Rufaedah Any* – senior researcher, Division for Applied Social Psychology Research, Daya Makara – Universitas Indonesia; lecturer, Universitas Nahdlatul Ulama Indonesia, Jakarta, Indonesia, anyrufaidah@gmail.com

F(3, 56) = 6.30, p < .001, partial eta² = .252) increase during the process of the four meetings; compared to meeting 1, the level of integrative complexity in meeting 2, 3, and 4 were consistently higher. The findings indicate the possibility to increase the level of integrative complexity of the members of terrorist groups in a series of dialogs by highlighting the discussion about humanity and peace.

Keywords: *cognitive complexity, integrative complexity, terrorism, aggressiveness, religious radicals, open-mindedness.*

Why is creating peace considered more difficult than creating war? One possible reason is that group members tend to favor their fellow members and derogate the outgroup members [19]. Often, members of different groups have different values in which those values are incompatible to one and another; this difference may be perceived as a threat by ingroup members. Accordingly, it can be understood why having openness to other perceptions or perspectives, which are factors of stimulating the peace process [5; 6], are harder than intentions of outgroup derogation.

Social psychological studies have found that aggressive and violent behaviors are associated with simple and closed thinking, in which people tend to stick to their own perception per se [4; 20]. By addressing these findings, the present study aims to increase the level of integrative complexity (i.e., complex thinking) of convicted terrorists in Indonesia. We set a series of meetings with convicted terrorists, intending to open their closed belief systems and stimulate tolerant perceptions.

Integrative complexity

Integrative complexity is a measurement of an on-going cognitive process in the mind of a person. It focuses on the structures of the statement or the topic instead of the content. That is, how complex are the structures of the statements in response to a topic [18].

Complexity has two components – differentiation and integration. Differentiation refers to the ability to perceive more than one dimension or perspective on a topic. Integration refers to the ability to perceive the relationship between two or more dimensions or perspectives on a topic. The score uses a scale from 1–7, which is determined by the level of differentiation and integration: score 1 means no differentiation and integrations; score 3 means that there is a differentiation, but no integration; score 5 means there is differentiation and integration; and score 7 indicates that the basic principle or universal form of an existing system has been developed [3].

In its development, integrative complexity concept is divided into 3 structure models, which are integrative complexity in general (a model that has been previously explained), dialectical complexity, and elaborative complexity. Furthermore, elaborative complexity is a result of defending a particular point of view in a complex manner. Consider a statement that scores 3 for integrative complexity: “Peanut butter is great, not only because it is delicious, but also because it makes for a healthy meal.” The main viewpoint of peanut butter is strengthened with two different dimensions which are taste-related and health-related. Hence, the two differentiated dimensions resulted in an elaborative differentiation [5, p. 156]. On the other hand, dialectical complexity occurs when there are multiple points of view on a certain topic. For example,

this statement: “Peanut butter is delicious, but I don’t like how it gets stuck on the roof of my mouth” would be considered as dialectical complexity due to the opposing views on “peanut butter” [5, p. 156]. Nonetheless, the present project focuses only on the complex thought of the convicted terrorists based on general integrative complexity model.

Integrative complexity, violence, terrorism, and peace

Throughout studies on integrative complexity, aggressive intentions, the use of violence, and acts of terrorism consistently relate to the low score of integrative complexity. Terrorist groups were found to have simpler rhetoric than non-terrorist groups [5]. Even a study by Conway et al. revealed that the simpler the structures of the terrorist group’s rhetoric, the more the terrorist group will act.

In contrast, another study has shown that the higher the level of integrative complexity, the more people will avoid war or compromise with the opposite groups [6]. During times of peace, talks between conflicting groups tend to exhibit high level of complexity in comparison to times preceding the outbreak of war [16; 17]. Often, complex thinkers tend to be open to other perspectives and accept differences.

Open-mindedness and intentions to create peace

So far, in Indonesia, a number of Islamic fundamentalists (with consistently high level of Islamic fundamentalism) who were involved in terror acts or supported terrorism have turned against terrorism and inhuman acts [14]. One

of the reasons for their disengagement to terrorism is because they see the negative impacts it caused toward their fellow Muslims. They also think Indonesia is not in a state of war so that peace tactics should be applied instead of war tactics [15], and they finally realized that not all outgroup members are bad.

Two *ex-radicals*, and were think-tank group, of *Jamaah Islamiyah*, Nasir Abas and Ali Imron, wrote a book describing how they became radicalized and how they finally decided that peaceful approach is more powerful in spreading their idea [1; 9]. One of the key points of why they turn against terrorism is a change from a closed-mindedness which considered fighting/*jihad*¹ against evil as the only solution to creating welfare for a society governed by Islamic law, to an open-mindedness which sees Islam as a peaceful religion that uses peaceful meanings to reach the same goal. Based on integrative complexity approach, this transformation also indicates a change from simple thinking to more complex thinking.

The present study

Now, what we can understand on the transformation from supporting terrorism to fighting terrorism is their flexibility and openness to see others in a more positive light. In dealing with this, the present study is focused on holding a dialog with convicted terrorists in penitentiaries in Java, Indonesia, which discussed the possibility of peaceful activity, society and cultural diversity, and the negative effect of violent acts on Muslim society. We expected that by highlighting dialogs related to humanity, peace, and intergroup harmony, it would increase the level of integrative complexity.

¹ Exertion, struggle, or “Holy war” (Noor, Yoginder, & Bruinessen, 2008).

The meetings were moderated by moderate religious clerics or Muslims who have experience with peace development between Muslims and non-Muslims. Before the meetings were held, the moderators were trained on ways of how to build discussions with convicted terrorists who are usually sensitive with strangers, to develop a dialog where everybody can share their perceptions or feelings, and to avoid leading an argument or conclusion such as claiming the convicted as bad people.

Method

Sample and location

Thirty eight convicted terrorists participated in the discussion. Six participants were from Cipinang prison, located in Jakarta. Fourteen participants were from Kedung Pane prison, located in Semarang. Thirteen participants were from Batu prison, located in Nusakambangan, Cilacap. Nine participants were from Porong prison, located in Sidoarjo. In each prison, four meetings were scheduled. Five statements from the convicted terrorists were randomly sampled for inclusion in the coded sample (if fewer than five paragraphs were available, all paragraphs in the document were used). In the first meeting 59 paragraphs were collected; the second meeting 40 paragraphs were collected; the third meeting 43 paragraphs were collected; and the fourth meeting 40 paragraphs were collected. Participants who were not involved in all meetings would be excluded for further analysis.

Procedure

Data were collected through a series of 4 meetings which were set for different dialogs. Before the meetings were held, letters asking for

permission were sent to each head of correctional services. After that, we invited the convicted terrorists to voluntarily participate in the meetings. The meeting themes were as follow:

The aperture. The team began the event with talks about general topics such as political activities, everyday life and current issues in prison. The objective was to build rapport with the participants; this is considered as important as we wanted to gain trust from the convicted terrorists (and also their families) Some examples of introduction on first meeting conversations are:

[...] We are from the university, a collaboration between Universitas Indonesia and State Islamic University Jakarta. Our purpose of coming here is to build friendship and secondly we have followed you through mass media, but we don't fully believe what was reported because it may be true or it may not. So we come here, to obtain answers, or talk, or objectively and accurately discuss from the first person [...]. I do not come here to patronize, [...] so we can do light talk and prioritizing objectivity. (Prof. Asep Usmar Ismail – Batu Prison, 23 January 2016).

Discussions on 'takfiri' and refusal of violence. Nowadays, phenomenon of *takfiri*² became widely spread and usually carried out by a member of radical Islamic movements. Subject who did *takfiri* usually has a superficial understanding of the Islamic *fiqh* (Islamic jurisprudence) and base their thinking solely on textual comprehension. In this meeting, speakers would persuade participants to refuse acts of violence in the name of religion. We would lead them to think that peaceful activities are possible. Example of topics that were sent to the participants:

² Declaring someone a *kafir* or unbeliever.

[...] There is a black and white distinction between faith and (Islam) called *takhfir bil haq*, that is how we denounce infidels, it is true because they have exhibited behavior from their remark, thought, maybe also the conviction in their heart is *bil haq* (the real truth). [...] There is a *hadith*³ by Rasulullah PBUH, judging others as infidels when they believe that there is no God but Allah, there is no worship other than to Allah, then the denouncer is an infidel. So in conclusion denouncing others as infidels cannot be done lightly, it cannot be easily done, it should be done carefully. [...] Now, please can I have your judgment of me who for several years, more than 20 years working as a civil servant, as a lecturer [...] a person like me or maybe others here working in their own fields, can they be called as supporter of *thaghut*⁴, [...] Can you easily judge people like us as *thaghut*? (Prof. Asep Usmar Ismail – Cipinang Prison, 1 March 2016).

Discussions on renouncing violence and promoting peace. Subsequent to previously presented topics, participants were also invited to be an agent of peace resolution while in prison or later on after they are released. Example of topics that were sent to the participants:

[T]hat is why we now talk of peace, if we look at the example of Nelson Mandela, we talk about the future. The future is actually ahead, so it is not the past. We actually learn about the past from the past because the past has both good and bad, we are studying today to plan for the future, something like that. [...] So when he was in prison at that time, he also formulated what the future would probably be like, so what is it in the scenario that make him says yes, this is what I think is important, we

are also developing this in Indonesia. Now, in a conflict everyone loses no one wins, but we actually want a solution, we look to the future, we see a better Indonesia. So yeah, we have to learn about the differences, this is what I think, [...] Maybe there is an opinion please sir, maybe there are different opinions, it's okay, we are having a light discussion, how was it in Poso, Tentena and also other places (Dr. Ichsan Malik – Porong Prison, 28 March 2016).

Conclusion. Speakers would make a resume of all topics discussed. Example of closing dialogs delivered by the moderators:

[...] I miss you friends. So I call on you again, and we are thankful, *alhamdulillah*, this is more than what we hoped for, we can have a fairly lengthy discussion and we believe it will not end here. God willing (*insyallah*), when there is another opportunity, with a different format, but I hope you have done your sentence then. When I see you again, it is complete, it is done. We meet outside, I often meet others who have gone out. We meet with brothers who have gone out, something like that, so hopefully what I have said is not only *qodob* (angry) but also *wahab* (blessing). Not of *kasad* (aim) but of *rojak* (hope) and part of me have met with *ustad*. [...] I hope Allah gives guidance (*hidayah*) to us [...] (Prof. Syafi'i Mufid – Kendungpane Prison, 13 April 2016).

Analysis

All meetings were voice recorded and transcribed. Data were divided based on meetings, where each meeting was divided based on prison locations. Each statement of the participants from each prison was

³ 'Prophetic tradition': a report on what the Prophet said or how he acted in a specific situation.

⁴ Idols. In this context it means evil or bad.

randomly sampled. The selected randomized statements were translated into English. Each meeting was examined to check the level of integrative complexity. We used automatic scoring of integrative complexity

developed by Conway and colleagues [7; 8]. The automatic scoring provides a single average score on the same 1–7 scale used in human scoring (see table for selected topics scored for integrative complexity).

Table

Statement extracts for Integrative Complexity

Extract	Integrative Complexity score
I observed that terrorists do not create terror, they only retaliate on what have been done (BESR_3).	1
Because it is the mission for the sending of the prophet and afterward we as his <i>ummah</i> continue the <i>da'wah</i> by minimalizing infidelity so alleviating humans from their worship to no other but Allah, to Allah SWT (CSR_8).	1.5
There is one term religious community tolerance, religious tolerance, for instance they ask our help there are some that set up tents, some who are sick, some who ask for help, but in matters of worship that cannot be done. So according to me as long as they don't bother us, then there is no problem, so actually me living with those people is normal, living together as long as they are not disruptive, but if they disturb, as the Betawinese saying 'you sell, I buy', that to me is religious tolerance and religious community tolerance (BESR_1).	2
Usually in a conflict area we teach how to survive from what the enemies have done and that is positive, however those teachings remain in the local people when that area has resolved the conflict and gained peace, therefore when we exited Maluku and Poso the result was like that they tried revenge and not create conflict, they only think about how to survive and avenge what is currently happening (BESR_4).	2.5
The context of the conflict may remain in <i>da'wah</i> , but afterward it does not mean for instance that the state uses me, what I want is this, I convey that it is <i>Khawarij</i> . They are pro-democracy, I refuse, because the term <i>Khawarij</i> does not exist in democracy, it exists in <i>Sunnah</i> so it is a must. The context is I preach Islam first (BKR_20).	3
<i>Assalamualaikum warrohmatullahi wabbarokatuh</i> . About the slogan from Turkey that the current jihad is <i>ihtisodiyah</i> and economy indeed in Turkey they have the philosophy of mutual cooperation, that is economy-wise for example donations are collective and trustworthy meanwhile us for example when given <i>ihtisodiyah</i> just here okay I'll give 100 thousands, 100 thousands, 100 thousands, can we distribute more than 100 thousands or not, that is the lesson of <i>ihtisodiyah</i> , but what happens here is that it is divided until there is nothing left, it should have been that the 100 thousand be used for selling prepaid cellphone cards, and that would have profit, for example i sell something there is profit which i could return therefore the charity will develop, this is the difference (KMR_5).	3.5
The goal of Islam is not only economic peace, the goal of Islam is to live in Islamic way later on if there are unbelievers there, well they should be regulated, disciplined if needed be, apply some violence etc., the rule does exist in Islam then reducing the number of crimes, can be minimized but crime will never end because Allah created it as a test, crime is a form of a test for people heading in the way of righteousness so if we want to see result the research must be balanced, what is meant by success of a nation (CSR_6).	4

Extract	Integrative Complexity score
There are Islamic countries who are fighting Uni Soviet is also fighting, the point is all of us as human want to be at peace and live peacefully, we do not want to continually fight every day, our soul rejected those that we dislike but it still must be done because it has become a demand, our condition at that time was like that, meaning if you gentlemen want to be fair please survey all of Indonesia regarding the wishes of how Indonesian society is in relation to Islamic <i>sharia</i> (CUR_2).	4.5
In relation to conflict, whatever background I heard from some people it is as if intentional from the agencies or rulers who rule this country to let it happen so as if this conflict is maintained, the police will use certain moments in order to create conflict so not to fully eradicate, we thought those who are involved in the terrorist case when we are really truly want to fight for righteousness but maybe there are certain parties who made it like this so that the conflict lingers on whatever the background and I predict the axis is the best the most of the previous four each state organizer from all sides, whether that is conflict of faith or conflict of <i>aqidah</i> , social conflict, all of this is due to that, I am sure because that is the failure of Indonesia from the beginning since being free from the Dutch. Well, <i>wallahu'alam bisshawwab</i> , the irregularity of the organizer of this nation whether there is no legal format that is appropriate or the case where the actor is inadequate or not credible in organizing the state or so forth, it is chaotic now we know how confusing DPR [<i>House of Representatives</i>] is now what about the police how they attack each other, those are probably the beginning of all these conflicts today, that's all, thank you.	5

Results

As we found that frequencies of topics from meeting 1 to meeting 4 were not always the same, we used the expectation-maximization (EM) technique for data imputation on each meeting with missing score of integrative complexity. MCAR was performed for information that missing data were completely random [2].

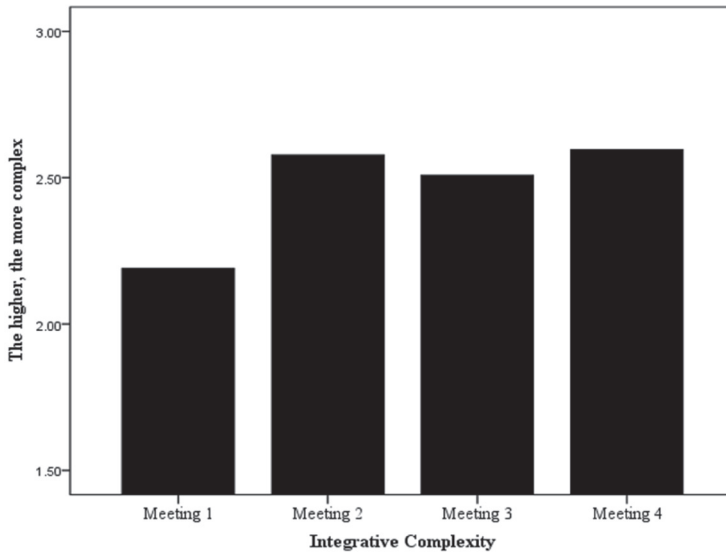
To see differences in the level of integrative complexity from meeting 1 to meeting 4, we conducted one way repeated-measures Analysis of Variance (ANOVA). As shown on figure 1, the higher score was found on meeting 4 ($M = 2.60$, $SD = .80$), followed by meeting 2 ($M = 2.58$, $SD = .77$), meeting 3 ($M = 2.51$, $SD = .68$), and meeting 1 ($M = 2.19$, $SD = .60$) with the lowest scores of integrative complexity.

The result of Mauchly's test was non-significant ($X^2(5) = 9.80$, $p = .081$) which indicated the assumption of sphericity had

been met. There was significantly different level of integrative complexity, Wilks' Lambda = .748, $F(3, 56) = 6.30$, $p < .001$, partial $\eta^2 = .252$. In particular, pairwise comparisons showed that there were significant differences in the scores of integrative complexity comparing meeting 1 to meeting 2 ($p < .01$), meeting 3 ($p < .01$), and meeting 4 ($p < .001$). There were no significant differences comparing meeting 2 to meeting 3 ($p = .61$) and meeting 4 ($p = .898$) as well as meeting 3 to meeting 4 ($p = .46$).

Discussion

The present study tested the dynamics of cognitive complexity of convicted terrorists. Although the findings showed that the arranged discussions with the convicted did not lead to counter their ideology; the meetings were shown to be successful in raising the

level of integrative complexity. Compared to meeting 1, the level of integrative complexity on meeting 2, 3, and 4 were consistently higher.

With these findings, we suggest that when the arranged meeting was accepted and understood solely for maintaining relationship, we may possibly be successful in reducing their suspicion and discontentment toward members outside their group. As a result, we were able to communicate with participants, and all of the attendees stayed until the end of the meeting. Positive rapport building with the participants was also considered to be well-developed. Thus, openness in dialog is highly possible, in which it could stimulate cognitive complexity to increase.

Moreover, our study focused to examine whether highlighting dialogs related to humanity, peace, and intergroup harmony could increase the level of integrative complexity of convicted terrorists. As known, the findings have shown to support our prediction. We consider that the present study did not show whether increasing integrative complexity relates to intentions to develop peace. However, as previous studies have

revealed about the relationship between integrative complexity, positive attitudes and open mind [5; 6; 17], we suggest that positive perceptions among convicted terrorist participants toward others may have possibly increased.

There are evidence showing that reminding people of shared human nature can trigger humanitarian concerns and altruism [10; 11; 12]. The present findings, then, extend what has been found by McFarland and colleagues, in which reminding the sense of humanity can increase cognitive complexity.

In conclusion, we have demonstrated that if we could build a dialog with the so-called *jihadists*, i.e., radical Islamists, it would be possible to lead them to have an open mind and to see social issues in critical ways. In order to gain positive acceptance and dialog, it is important to avoid judgment that what the convicted have done is wrong. The findings indicate that there is the possibility to increase the level of integrative complexity of members of terrorist groups by having a series of dialogs highlighting discussions about humanity and peace.

Acknowledgement

We would like to thank Faisal Magrie, Sapto Priyanto, Nasir Abas, Ichsan Malik, Syafi'I Mufid, Asep U. Ismail, Lucky Winara, Vici Sofiana Putera, and Abubakar Riry for their help in conducting the studies in all 4 prisons. This paper was part of the 2015–2016 In-prison Re-education Research Program headed by our mentor the late Dr. Sarlito W. Sarwono.

REFERENCES

1. Abas N. *Membongkar Jemaah Islamiyah [Revealing Jamaah Islamiyah]*. Jakarta: Grafindo, 2006. 332 p.
2. Acock A.C. Working with missing data. *Family Science Review*, 1997. Vol. 10, no. 1, pp. 76–102.
3. Baker-Brown G., Ballard E.J., Bluck S., Vries B., Suedfeld P., Tetlock P. The conceptual/integrative complexity scoring manual. In C.P. Smith (Ed.), *Motivation and personality: Handbook of thematic content analysis*. New York: Cambridge University Press, 1992, pp. 401–418.
4. Bruch M.A., McCann M., Harvey C. Type A behavior and processing of social conflict information. *Journal of Research in Personality*, 1991. Vol. 25, no. 4, pp. 434–444.
5. Conway G.C., Gornick L.J., Houck S., Togwood K.H., Conway K.R. The hidden implications of radical group rhetoric: Integrative complexity and terrorism. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 2011. Vol. 4, no. 2, pp. 155–65. doi: 10.1080/17467586.2011.627938.
6. Conway L.G., Suedfeld P., Tetlock P.E. Integrative complexity and political decisions that lead to war or peace. In D.J. Christie, R.V. Wagner, D.A. Winter (Eds.). *Peace, conflict, and violence: Peace psychology for 21st century*. New Jersey: Prentice-Hall, 2001, pp. 66–75.
7. Conway L.G., Conway K.R., Gornick L.J., Houck S.C. Automated Integrative Complexity. *Political Psychology*, 2014. Vol. 35, no. 5, pp. 603–624. <http://dx.doi.org/10.1111/pops.12021>.
8. Houck S.C., Conway L.G., Gornick L.J. Automated Integrative Complexity: Current Challenges and Future Directions. *Political Psychology*, 2014. Vol. 35, no. 5, pp. 647–659. doi: 10.1111/pops.12209.
9. Imron A. Ali Imron Sang Pengebom [Ali Imron the bomber]. Jakarta: Republika, 2007. 275 p.
10. McFarland S., Brown D. Who believes that identification with all humanity is ethical? *Psychologia Politica*, 2008, no. 36, pp. 37–49.
11. McFarland S., Brown D., Webb M. Identification with all humanity as a moral concept and psychological construct. *Current Directions in Psychological Science*, 2013. Vol. 22, no. 3, pp. 194–198. doi: 10.1177/0963721412471346.
12. McFarland S., Webb M., Brown D. All humanity is my ingroup: A measure and studies of identification with all humanity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012. Vol. 103, no. 5, pp. 830–853. doi: 10.1037/a0028724.
13. Noor F.A., Yoginder S., Bruinessen M (eds). *Madrassa in Asia: Political Activism and Transnational Linkages*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008. 304 p.
14. Putra I.E., Sukabdi Z.A. Can Islamic fundamentalism relate to non-violent support? The role of certain conditions in moderating the effect of Islamic fundamentalism on supporting acts of terrorism. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2014. Vol. 20, no. 4, pp. 583–589. doi: 10.1037/pac0000060.
15. Putra I.E., Sukabdi Z.A. Basic concepts and reasons behind the emergence of religious terror activities in Indonesia: An inside view. *Asian Journal of Social Psychology*, 2013. Vol. 16, no. 2, pp. 83–91. doi:10.1111/ajsp.12001.

16. Suedfeld P., Tetlock P. Integrative complexity of communications in international crises. *The Journal of Conflict Resolution*, 1977. Vol. 21, no. 1, pp. 169–184.
17. Suedfeld P., Tetlock P.E., Ramirez C. War, peace, and integrative complexity: UN speeches on the Middle East problem, 1947–1976. *Journal of Conflict Resolution*, 1977. Vol. 21, no. 3, pp. 427–442.
18. Suedfeld P., Tetlock P., Streufert S. Conceptual/integrative complexity. In C.P. Smith (Ed.), *Handbook of thematic content analysis*. New York: Cambridge University Press, 1992, pp. 393–400.
19. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982. Vol. 33, pp. 1–39.
20. Winter D.A. Slot rattling from law enforcement to lawbreaking: A personal construct theory exploration of police stress. *International Journal of Personal Construct Psychology*, 1993. Vol. 6, no. 3, pp. 253–267.

Увеличение интегративной сложности у осужденных террористов в Индонезии

И.Э. ПУТРА*,

**Университет Персады Индонезия, Дайя Макара — Университет Индонезии,
Джакарта, Индонезия, Idhamsyah.eka@ui.ac.id**

Ф. ЭРИКХА**,

**Дайя Макара — Университет Индонезии, Джакарта, Индонезия,
fajar.erikha51@ui.ac.id**

Р.С. АРИМБИ***,

**Дайя Макара — Университет Индонезии, Джакарта, Индонезия,
arimbi.rahardjo@gmail.com**

Э. РУФАЭДА****,

**Университет Нахдлатул Улама Индонезия, Дайя Макара — Университет
Индонезии, Джакарта, Индонезия, anurufaidah@gmail.com**

Для цитаты:

Путра И.Э., Эрикха Ф., Аримби Р.С., Руфаэда Э. Увеличение интегративной сложности у осужденных террористов в Индонезии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 35–45. doi:10.17759/sps.2018090203

* *Путра Идхамся Эка* — PhD, преподаватель программ по психологии, Университет Персады, Индонезия; управляющий директор, Отдел прикладной социальной психологии, Дайя Макара — Университет Индонезии, Джакарта, Индонезия, Idhamsyah.eka@ui.ac.id

** *Эрикха Фаджар* — заместитель управляющего директора, Отдел прикладной социальной психологии, Дайя Макара — Университет Индонезии; исследователь, Центр социокультурных исследований, факультет гуманитарных университетов Индонезии, Джакарта, Индонезия, fajar.erikha51@ui.ac.id

*** *Аримби Рейса Сучи* — исследователь, Отдел прикладной социальной психологии, Дайя Макара — Университет Индонезии, Джакарта, Индонезия, arimbi.rahardjo@gmail.com

**** *Руфаэда Эни* — старший научный сотрудник, Отдел прикладной социальной психологии, Дайя Макара — Университет Индонезии; преподаватель, Университет Нахдлатул Улама Индонезия, Джакарта, Индонезия, anurufaidah@gmail.com

В статье представлены материалы проведенного в Индонезии исследования, целью которого было изучение динамики изменения интегративной сложности в серии диалогов между осужденными террористами и исследователями. Предполагалось, что если участник мог продержаться до конца встречи, на которой обсуждались идеи гуманности, мира и межгрупповой гармонии, то уровень когнитивной сложности при последней встрече будет выше, чем при первой. В случайном порядке были выбраны 59 утверждений из записей встреч с 38 осужденными террористами. Далее утверждения были оценены по шкале когнитивной сложности. Проведенный анализ показал, что когнитивная сложность значительно увеличилась в курсе четырех встреч. Таким образом, по сравнению с первой встречей уровень интегративной сложности осужденных террористов при второй, третьей и четвертой встречах были стабильно выше. Полученные результаты свидетельствуют о возможности увеличения уровня интегративной сложности у членов террористических групп при помощи серии диалогов, акцентирующих внимание на темах гуманности и мира.

Ключевые слова: когнитивная сложность, интегративная сложность, терроризм, агрессивность, религиозный радикализм, открытость.

Социально-психологические аспекты противодействия терроризму в мультикультурном пространстве

М.Я. ЯХЬЯЕВ*,

**ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
Махачкала, Россия, muchtar59@mail.ru**

Э.Г. ИСАЕВА**,

**ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
Махачкала, Россия, isaeva07@yandex.ru**

А.Р. СУТАЕВА***,

**ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
Махачкала, Россия, aida.sutaeva@mail.ru**

В статье представлены результаты исследования трансформации социальных процессов в современном обществе, связанных с формированием и эскалацией деструктивных проявлений терроризма. Отражен подход к пониманию сущности терроризма на основе авторской концепции внутриличностной конфликтности. Первоначально по итогам кросскультурного мониторингового анализа с охватом более 1930 респондентов были обозначены психологические предпосылки проявлений терроризма. На втором этапе на эмпирической выборке более 300 субъектов выделен спектр качеств, обеспечивающих противостояние и стабилизацию личности в мультикультурном пространстве. Психологическая безопасность определяется как условие обеспечения профилактики терроризма и формирования мультикультурного толждества. Рассматриваются вопросы превенции и нейтрализации террористических тенденций на основе актуализации механизмов обеспечения психологической

Для цитаты:

Яхьяев М.Я., Исаева Э.Г., Сутаева А.Р. Социально-психологические аспекты противодействия терроризму в мультикультурном пространстве // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 46–59. doi:10.17759/sps.2018090204

* *Яхьяев Мухтар Яхьяевич* — доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и философии, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия, muchtar59@mail.ru

** *Исаева Эльмира Гаджиевна* — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и профессиональной деятельности, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия, isaeva07@yandex.ru

*** *Сутаева Аида Рамазановна* — кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии развития и профессиональной деятельности, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия, aida.sutaeva@mail.ru

безопасности личности: гармонизации, эмоциональной устойчивости и защитных стратегий.

Ключевые слова: терроризм, профилактика, экстремальная среда, стрессогенная ситуация, механизмы регуляции, маргинальность сознания, психологическая безопасность, толерантность, внутриличностная устойчивость, зомбирование, манипуляции, эмоциональная стабильность, жертва, моббинг.

Введение

Терроризм в наши дни превратился в один из доминирующих факторов угрозы национальной и психологической безопасности для общества и личности. Он связан с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, дестабилизирующих социальную ситуацию на планете. Экстремизм характерен для групп, принявших идеологию насилия и проповедующих нравственную неразборчивость, особенно в средствах достижения целей [2; 15] «В случае терроризма цель — это всегда экстремальная форма социального влияния: радикальное изменение установок и поведения социальных объектов, на которых направлено это влияние» [19, с. 107].

Общепринятое определение феномена «терроризм» и отчетливое разграничение понятий «террор» и «терроризм» в современной литературе отсутствуют. Террор определяется как устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, жестоком запугивании и уничтожении. В научном сообществе проблему современного международного терроризма рассматривают как комплексный социокультурный и социально-психологический системный феномен в контексте развития взаимоотношений исламской и христианской цивилизаций, их геополитической динамики, анализа причин

исламского религиозного возрождения и роста исламского фундаментализма и воинственности [6; 19; 20]. Обязательными признаками при всех определениях террора остаются насилие, запугивание, страх. Обобщая эти определения, Д.В. Ольшанский пишет: «Террор есть цель и результат используемых для их достижения действий и методов. Террор складывается из террористических актов — отдельных слагаемых, звеньев, компонентов, способов и инструментов террора» [12, с. 16].

В целях более четкого логического разграничения понятий «террор» и «терроризм» мы предлагаем определение террора как способа политического действия, состоящего в угрозах применения и реальном применении грубых, прямых, физических или психологических насильственных действий против противников с целью подавления у них способности к сопротивлению. Превращение таких действий в организованную систему, в способ активности конкретной общественно-политической организации (государственной или оппозиционной) является основанием определения террора как особой политики.

Логически более широкое по отношению к террору понятие «терроризм» характеризует не только сам способ террористического действия, но и террористические действия в контексте социально-исторической практики в целом. Терроризм включает в себя и террористи-

ческие действия, и формы их социальной организации, их социально-историческое содержание и происхождение, а также субъектов и объектов террористической деятельности. Терроризм мы определяем как специфический способ политической деятельности, состоящий в применении определенными социальными группами методов террора в борьбе с политическими противниками для достижения своих социально-политических целей [15].

Террор и терроризм не обязательно связаны с политической деятельностью, хотя именно в политической сфере они находят более заметное воплощение. Террор представляет собой способ преступного давления на политику принятия государственных решений, на общественное мнение, актуализации состояния безысходности, паники, социального ожидания опасности и бессилия. И к этому средству могут прибегать как различные группы и организации, так и отдельные лица, в том числе обычные уголовники, психопаты, маньяки и другие субъекты с отклонениями в психике.

Терроризм отличается от других аналогичных форм насилия специфическими признаками. Ю.В. Ващенко провел анализ зарубежных работ и обнаружил согласие большинства авторов в отношении следующих ключевых признаков терроризма: 1) терроризм заключается в использовании крайних форм насилия или в угрозе таким насилием; 2) цели террористического акта выходят за пределы причиняемого им разрушения; 3) цели террористического акта достигаются путем психологического воздействия; 4) жертвы терроризма избираются преимущественно по их символическому значению [9].

Учет социального содержания мотивации террористических действий и

диктуемых этой мотивацией конкретных целей позволяет провести различие между терроризмом и экстремизмом. Экстремизм более масштабен, жесток и деструктивен, чем политический террор. Для экстремиста террористические действия выступают одни из способов реализации своих убеждений, способов борьбы. В экстремизме акцент смещается с цели на сами разрушительные действия, на насилие ради насилия, прикрываемого абстрактно-утопическими идеалами экстремиста, в которые он, однако, абсолютно верит. Экстремисты могут избирать и другие способы действия, кроме прямых деструктивных действий, пересекающихся с террором. Однако террор остается самым распространенным видом действия экстремистов, хотя и не единственным. Разрушительные действия экстремистов не исчерпываются лишь террором и даже не акцентируются на целях устрашения и запугивания своих противников, а совершаются ради самого разрушения.

Террор порождается социальным страхом от безысходности или остроты социально-политической ситуации и является парадоксальным способом избавления от страха путем приведения в состояние ужаса тех, кто вызывает этот страх. Страх перед неприемлемой социально-политической системой рождает террор против этой системы. Все террористы, уповающие на запугивание политических противников, ошибочно полагают, что запугиванием врагов можно излечиться от собственного страха. Террор порождает лишь эскалацию страха, нарастание масштабов террора и нравственную деградацию личности [22].

Определить источник террористической цепочки составляет сложность даже для спецслужб. Следует понять психологический смысл и психодинамику тен-

денций развития сознания и личности террористической акцентуации.

Террористические тенденции возникают вследствие социальной дезадаптации и асоциальных диспозиций субъекта. «Жертвы для террористов в ситуациях страха и депрессии воплощают символическую цель» [2, с. 159]. Перед специалистами возникла задача выработки и принятия мер по противодействию угрозам информационного и психологического терроризма, разрушающего принципы гуманизма, демократии как важнейших идей мультикультурализма. Это учение о межкультурной коммуникации, бесконфликтном сосуществовании в социальном пространстве глобальной культуры, которые не являются надстройкой над национальными культурами, а представляет собой своего рода новую разновидность социальной ризомы с учетом многокультурности и многоэтничности современного мира [11].

Для сохранения стабильности в регионе и в стране в целом необходима реализация комплексных мер, направленных на укрепление мирного сосуществования и сотрудничества в рамках единого этноконфессионального, религиозного и территориального пространства [15].

С учетом особой актуальности проблемы противодействия экстремизму и терроризму творческим коллективом в рамках реализации целевого проекта, предусмотренного программой стратегического развития Дагестанского государственного университета, был реализован проект 18-С «Разработка идеологических и психологических основ профилактики экстремизма и терроризма» на базе «Центра проблем предупреждения экстремизма и терроризма» (2012–2014 гг.) [13]. Руководитель проекта — профессор М.Я. Яхьяев.

Наше исследование посвящено определению социально-психологических

предпосылок проявлений терроризма, установлению базового фактора противодействия терроризму, превенции и нейтрализации террористических тенденций в мультикультурном пространстве, связанных с формированием и эскалацией деструктивных проявлений личности. Нас интересовал индивид в особых состояниях и специфических модусах человеческого существования, его психологическая безопасность и личностная устойчивость как условия обеспечения профилактики терроризма и формирования проявлений мультикультурных тенденций.

В исследовании проверялись следующие *гипотезы*: 1) противодействие терроризму целесообразно основывать на конкретных психологических предпосылках, активирующих общественно опасные противоправные модели поведения; 2) структура террористической акцентуации включает отдельные проявления профиля внутрличностной конфликтности, уязвимые в отношении подверженности идеологии терроризма и снижающие жизнестойкость субъекта.

Программа исследования

Первоначально для решения поставленных целей был проведен мониторинг, направленный на выявление отношения к экстремизму у дагестанской и чеченской молодежи, определение общественного мнения о роли и значении религиозно-идеологических образов ислама, приоритетов и идеологических основ профилактики экстремизма и терроризма.

На втором этапе исследования мы ограничили объем эмпирической квотной выборки до 330 человек и 1) определили комплекс значимых показателей

по модусу существования в режиме психологической безопасности и устойчивости; 2) разработали и внедрили профилактические программы, направленные на расширение репертуара поведения и минимизацию социального риска.

На третьем этапе по результатам нашего срезового и лонгитюдного исследования мы наметили основные подходы, которые целесообразно учесть при разработке моделей противодействия терроризму на основе тенденций развития террористической акцентуации и обусловленности ее базовым или метапсихологическим уровнем.

Описание выборки

Участниками анкетного опроса ($n=1930$) выступили представители Чеченской республики ($n=100$) и различных регионов республики Дагестан (РД) со сроком постоянного проживания не менее 15 лет, в возрасте от 14 до 25 лет ($n=1800$). В мониторинговую группу вошли также студенты — выходцы из РД, обучающиеся в московских вузах ($n=30$).

Субъектами *экспериментального* исследования выступили школьники СШ № 37 г. Махачкалы ($n=150$), учащиеся гимназии № 2 г. Грозного Чеченской республики ($n=50$), студенты и магистранты ДГУ ($n=100$), работники ООО «ГАЗПРОМ» — руководители и лица, входящие в резерв руководящего состава ($n=30$). Выборку представляли респонденты разной этнической и возрастной категории от 14 до 25 лет ($n=330$). Расширение территориального радиуса проводимого анализа позволило представить общую кросскультурную картину психологических основ активизации террористической деятельности по Северному

Кавказу, структурных составляющих ресурсности личности и осознания социально-негативной значимости терактов.

При разработке программ мы опирались на учение о синергизме, согласно которому неравновесность, нестабильность отражает естественное состояние саморегулирующейся и согласованной системы, приводящее к самоизменению. Обращение к скрытым пластам человеческой психики, которыми определяется и экстремистская природа человека, основывалось на анализе и изучении глубинных структур психики, символического языка бессознательных процессов и путей их выражения. Весьма существенными для анализа современной ситуации представляются результаты разработок в сфере теории культуры и философии, в рамках которых развивается мультикультурализм.

Методы и методики

В результате исследования были созданы научно-практические модули, ориентированные на развитие межкультурной компетенции и психологической устойчивости и безопасности (ПБ), для школьников, студентов, психологов, работников промышленности. Разработаны и внедрены в практику тренинговые курсы, направленные на формирование нетерпимости ко всем факторам экстремистских проявлений, укрепление и культивирование толерантного сознания. Сотрудниками коллектива проводились беседы, круглые столы, встречи школьников и студентов с деятелями науки и культуры, представителями религиозного духовенства, работниками силовых структур, специалистами в области антитеррора. В учебно-воспитательный процесс образовательных учреждений

Республики Дагестан и Чеченской республики с 6-х по 8-е классы ($n=200$) были включены программы «Антитеррор», построенные по модульному типу. Выбор экспериментальных программ основывался на системных принципах, механизмах, закономерностях онтогенетического и межэтнического развития школьников. Ориентировочную основу стратегии выбора образовательных и тренинговых программ составляли две позиции: формирование ментальной структуры в процессе интеллектуально-поисковой деятельности и активизация внутреннего потенциала, способствующего трансформации ресурсных предрасположений в субъектные проекции личностного свойства как условия психологической безопасности и устойчивости индивида [13].

В поисках проблемного поля модуса безопасного бытия мы, согласно нашей гипотезе, выделили спектр свойств и качеств, обеспечивающих противостояние и стабилизацию личности в мультикультурном пространстве: креативность, самооценку, рефлексию, эмоциональную устойчивость и жизнестойкость как интегрирующее личностное образование. Применяли следующие методики: опросник креативности Д. Джонсона; методика Дембо-Рубинштейн; тест 16факторного личностного опросника Р. Кеттелла; тест жизнестойкости С. Мадди. Диагностику черт профиля внутриличностной конфликтности (ВЛК), уязвимых в отношении подверженности идеям терроризма, провели дважды: до и после эксперимента.

Уроки проводили школьные психологи и студенты ДГУ и ЧГПУ в течение 12 недель по следующим темам: «Уверенность в себе», «Как победить своего дракона», «Я и моя тень», «Преобразование мира», «Я и мои друзья», «Под прессом эмоций», «Анатомия конфликта», «Моя дремлю-

щая природа», «Искусство дипломатии», «Диалектика добра и зла» [13]. В ходе изучения курса учащиеся усвоили основы бесконфликтной коммуникации; повысили социокультурную компетентность, способствующую успешному толерантному общению; научились способам конструктивного взаимодействия и диалога.

В качестве базового фактора противодействия терроризму мы рассматривали феномены внутриличностной устойчивости и психологической безопасности [4; 8].

Результаты исследования

Мониторинг показал, что экстремистские настроения и чувство незащищенности чаще всего возникают в ситуациях, характеризующихся отсутствием пространства для конструктивного взаимодействия и социальных установок, ориентирующих на пластичность копинг-стратегий, например, при воздействии флэшмоб-технологий провокационного и противоправного свойства. В процессе анализа анкетного массива обнаружены тенденции развития личности в изменяющемся российском обществе и выявлены две психотипические категории.

Первую категорию образуют субъекты с высоким уровнем критичности, сопротивляемости негативным воздействиям и преобладанием продуктивных копингов (61%); во вторую категорию вошли индивиды, находящиеся в зоне маргинальности сознания, сомнений, эмоциональной неустойчивости, колеблющегося социального интеллекта, поиска алгоритмов реагирования на современные трудности мультикультурного взаимодействия (39%).

Данные, полученные в работе, подтвердили выдвинутую нами гипотезу о том,

что террористическая акцентуация в свою структуру включает проявления внутриличностной конфликтности, отдельные черты профиля которой уязвимы в отношении влияния идеологии терроризма. В качестве симптомов ВЛК мы выделили: низкий уровень креативности, неуверенность и эмоциональную неустойчивость. Следует отметить, что мы не исследовали нравственную составляющую креативности, ее созидательную или деструктивную направленность. Результаты одного из фрагментов нашего эксперимента, направленного на анализ влияния программ «Антитеррор» на личность школьников подросткового возраста, свидетельствуют о позитивном восхождении от внутриличностной конфликтности к внутриличностной устойчивости. На рисунке отражена картина развития анализируемых нами качеств из блока внутриличностной конфликтности у респондентов (n=200) до и после эксперимента в процентном выражении.

Изменчивость показателя жизнестойкости отражает динамику сдвигов во внутриличностном пространстве предпосылок террористической акцентуации.

Наибольшему числу респондентов присущ высокий уровень связи развития качеств из блока ВЛК и жизнестойкости (70%), у 20% наблюдается средний уровень, и только у 10% был выявлен низкий уровень корреляции. Таким образом, можно утверждать, что формирование отмеченных проявлений обуславливает развитие жизнестойкости.

Результаты исследования вносились в справочную базу, созданную с поддержкой электронных таблиц EXCEL2000 для среды WINDOWS. Оценка среднегрупповых сведений была основана на критерии Стьюдента (t+), учитывался норматив доверительности (P<0,05; P<0,01). Ориентировались на коэффициенты корреляции выше несущего критическую величину уровня достоверности по К. Пирсону. Достоверные положительные корреляции были установлены между показателями террористической акцентуации и жизнестойкостью ($r = 0,45$; $p < 0,001$). Показатель жизнестойкости положительно коррелировал практически со всеми субтестами, но наиболее высокие коэффициенты корреляции были

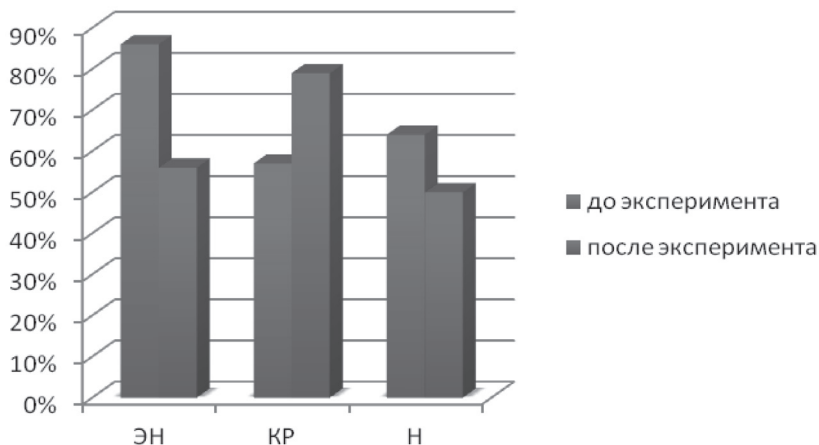

Рис. Динамика развития качеств из блока внутриличностной конфликтности: ЭН — эмоциональная неустойчивость; КР — креативность; Н — неуверенность

отмечены с эмоциональной устойчивостью ($r = 0,19$; $p < 0,000$) и самооценкой ($r = 0,14$; $p < 0,05$).

На базе эмпирических исследовательских поисков подтверждено, что у представителей второй ступени обучения стабилизировалась самооценка, более гармоничными стали границы ее идеальных и реально действующих на данный момент проявлений, повысилась эмоциональная устойчивость, адаптивность обрела способность жизнестойкости, т.е. социального противостояния. Позитивное формирование проявлений антитеррористической устойчивости в экспериментальной группе является следствием преодоления кризиса личностной гармонизации. На основе стабилизации эмоционального фактора, повышения креативности и самооценки не только формируется состояние психологической безопасности и личностной устойчивости, но и происходит высвобождение естественных ресурсов, обеспечивающих изменение картины смысловых миров, присутствующих в зоне безопасности личности.

Обнаружена связь характеристик психической безопасности личности и яруса сформированности внутриличностной конфликтности—устойчивости, спроецированной в профиле коэффициента механизма гармонизации. Механизм гармонизации, согласно концепции Э.Г. Исаевой, сфокусирован в соотношении идеального и реального конструктов мира, изоморфен компонентам субъект-субъектной и субъект-объектной структуры личности. Уровень сформированности механизма гармонизации задает координатное поле проявлениям ресурсной активации индивида, целостности и интегральности через преодоление кризисов и травм личности, невротичного отношения к своему Я и непродуктивных чувств [13].

Нереализованное Я, обусловленное значимыми во внутриличностном пространстве, но неразрешенными проблемами и потребностями, активирует различные формы компенсаторного поведения, проявления личностного диссонанса, деструкции, разочарования, сомнения и агрессию. Обобщение результатов анализа деформации показателей психологической безопасности привело к заключению о закономерно вытекающей ее связи с феноменами внутриличностной конфликтности. Общность психологического ядра обнаруживается в следующих характеристиках интеллектуального, эмоционального и поведенческого блоков: мыслительная вязкость, эмоциональная неустойчивость, импульсивность, ослабление социальных контактов, снижение уровня познавательной и поисковой активности [3].

Обсуждение результатов исследования

На основе проведенного эмпирического исследования мы пришли к выводу, что трансформация внутриличностной конфликтности во внутриличностную устойчивость выступает основным условием психологической безопасности личности и формирования противостояния деструктивным воздействиям [8; 13]. Динамика воплощения жизненных программ реализуется в радиусе от идеального к реальному: от стремления к достижениям, от простейших до сложнейших экзистенциальных сценариев, предполагающих постижение истины, разрешение конфликта, изменение самоотношения, социометрической позиции, предпочтение продуктивно преобразующей стратегии в ситуациях

противостояния дестабилизирующим социальным воздействиям [21]. Внутриличностная устойчивость способствует включению рефлекса цели, проявление которого заключается в защищенности от прессинга окружающих, стремящихся манипулятивно вопреки потребностям самого субъекта влиять на его сознание и поведение, ограничивая свободу выбора.

Экспериментально доказано, что процесс гармонизации личности и формирования ее психологической безопасности имеет фазовый, стадийный характер. Если отталкиваться от понимания категориального строя психологии [14], то кризисные противоречия внутриличностной конфликтности и маргинальности сознания можно рассматривать как базисный уровень, а внутриличностную устойчивость и психологическую безопасность как метапсихологический уровень. Метапсихологические категории выполняют интегрирующую функцию и являются разворотом латентных образований базисного уровня. Таким образом, мы утверждаем, что основу конструктивного противодействия террористическим угрозам образует идея тождественности внутриличностной конфликтности (ВЛК) как сущностной характеристики внутриличностной устойчивости (ВЛУ) и маргинализации как сущностной характеристики психологической безопасности (ПБ).

Восхождение на метауровень состояния безопасности а, следовательно, личностного противодействия террористическим тенденциям не всегда линейно направленно. Сохраняя законы процесса, динамика развития может сопровождаться всплесками и регрессией симптомов феноменологической картины внутриличностной конфликтности и маргинальности. В процессе исследования было доказано, что трансфор-

мация обозначенных уровней, картина интенсивности их характеристик, энергоемкости и объема обусловлены иерархичностью структур, степенью глубины негативных образований, уровнем сформированности механизма гармонизации.

Характеристики внутриличностной конфликтности и устойчивости, маргинальности сознания и безопасности образуют диалектическое единство внутриличностного пространства, картину трансформации в позитивный блок субъективных реальностей психотипа.

Опыт изучения психологической безопасности личности представлен в рамках различных психологических школ. Для нас стратегический интерес представляет понимание угроз как базового феномена концепции безопасности [4]. Основная опасная реальность для индивида исходит из глубин его бессознательного, которая способна на личностном уровне придать угрожающую окраску даже внешне нейтральным факторам [4]. Достижение защищенности связано и с развитием социально приемлемых форм, особенно в экстремальных ситуациях.

Ключевую ролевую миссию в обеспечении психологической безопасности, создаваемой на базе внутриличностной стойкости, играет развитие готовности к преодолению коллизий во внутреннем пространстве, ориентация на внедрение продуктивных копинг-стратегий, влияющих на проявления адаптивности, стрессоустойчивости, сопротивляемости [8]. Индивид, субъективно ощущая коллизии, приходит в замешательство, испытывает ощущения страха и тревоги [12]. Внутриличностная конфликтность субъекта, проявляемая в рефлексивной вязкости, акцентуации на собственных недостатках и неспособности управлять собой, позволяет окружающим легко манипулировать

им. В трактовке характеристик травмы Д. Винникотта, Д. Калшеда, К. Масона отмечается, что кризисный травматический опыт драматических событий и потерь для некоторых обуславливает формирование дезадаптивного, моббингового состояния, а иногда и преступного поведения [12].

Превенция террористических угроз неперспективна без ориентировки на знание психотипических особенностей личности террориста. Знание психологических особенностей современного террориста представляет возможность конструирования соответствующей модели его поведения и формирование программ противодействия. Отечественные и зарубежные ученые отмечают общие характеристики современных террористов [6; 12; 23; 24]. В качестве портретных приоритетов личности «среднестатистического террориста» выделяются; хладнокровие, мстительность, агрессивность, жестокость, гневливость, затаенная обида, склонность к насилию, демонстративность, неуравновешенность, цинизм, максимализм, деформированное понятие о нравственном достоинстве.. [20, с. 114]. Часть террористов — люди с патологическим складом личности, но многие из них не представляют никаких отклонений от нормы. Есть такие, которые «больны» сверхценной идеей реформаторства и осмысленно идут на совершение террористического акта, от-

лично осознавая итоговый результат для окружающих [20, с. 117]

Для некоторых молодых людей вовлечение в террористические группировки дает шанс обретения компенсаторной модели идентичности, так как они получают ложные обещания предельно изменить реальную жизненную ситуацию; обеспечить социально предпочитаемое пространство в иерархической картине статусов ощущение принадлежности, избранности; неподвластности; выход за границы повседневности [12].

Выводы

В процессе обобщения теоретико-эмпирических результатов исследования сформулированы следующие выводы.

1. Решение проблем противодействия терроризму и экстремизму продуктивно на основе позитивной динамики от базисного уровня развития личности к метауровню: от внутриличностной конфликтности к внутриличностной устойчивости, от маргинализации сознания к состоянию психологической безопасности.

2. Базовыми факторами противодействия терроризму, превенции и нейтрализации террористических тенденций в мультикультурном пространстве выступают феномены внутриличностной устойчивости и психологической безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов В.А., Антонов Ю.М.* Международный терроризм — возрастающая угроза национальной безопасности России. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2005. 166 с.
2. *Антонян Ю.М.* Экстремизм и его причины. М.: Логос. 2010. 288с.
3. *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. Москва: Смысл, издательский центр «Академия», 2007. 528 с.
4. *Баева И.А., Якиманская И.С.* Мониторинг психологической безопасности образовательной среды и качества образования в условиях модернизации

- [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n1/59067.shtml (дата обращения: 28.05.2017).
5. Бакаев А.А. Отечественная историография политического терроризма в Российской империи начала XX века. М.: ВНИИ МВД России, 2005. 135 с.
 6. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 122с.
 7. Зинченко Ю.П., Сурнов К.Г., Тхостов А.Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2007. № 2. С. 20—34.
 8. Исаева Э.Г., Мусалаева А.Р. Стратегии консультативной работы психолога. М.: Илекса, 2011. 248 с.
 9. Криминология: учебник для вузов / Под общ. ред. проф. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005. 912 с.
 10. Кузьмин А.В. Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде: дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2014. 426 с.
 11. Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб, 2000. 208 с.
 12. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 318 с.
 13. Психолого-философские аспекты противодействия терроризму: учеб. пособие / Сост. З.С. Акбиева, Э.Г. Исаева, А.Р. Сутаева, М.Я. Яхьяев, З.Г. Яхьяева. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2016. 132 с.
 14. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 496 с.
 15. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления: учебник. / Под ред. М.Я. Яхьяева. М.: Парнас, 2011. 296 с.
 16. Свиридов А.А. Социально-культурная деятельность вузов по профилактике экстремизма в молодежной среде: автореф. дис.... канд. пед. Наук. Тамбов, 2014. 26 с.
 17. Скориков Д.Г. Расследование преступлений экстремистской направленности: автореф. дис.... канд. юрид. Наук. Волгоград, 2014. 29 с.
 18. Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 173 с.
 19. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 240 с.
 20. Сутаева А.Р., Исаева Э.Г., Исмаилова Э.К. Психология личности. М.: Парнас, 2016. 126 с.
 21. Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В. Террористическая угроза. Теоретико-эмпирическое исследование. М.: Институт психологии РАН, 2014. 160 с.
 22. Христенко В.Е. Психология жертвы. Харьков: Консум, 2001. 256с.
 23. Psychology of Terrorism / В. Bongar, et al (eds.). Oxford. N.Y.: Oxford University Press, 2007. 492 p.
 24. Understanding Terrorism: Psychological Roots, Consequences, and Interventions / F.M. Moghaddam, A.J. Marsella (eds.) Washington, DC: American Psychological Association, 2004. 328 p.

Social and psychological aspects of terrorism 's counteraction in multicultural field

M.Y. YAHYAEV*,
Dagestan State University, Makhachkala, Russia,
muchtar59@mail.ru

E.G. ISAEVA**,
Dagestan State University, Makhachkala, Russia,
isaeva07@yandex.ru

A.R. SUTAEVA***,
Dagestan State University, Makhachkala, Russia,
aida.sutaeva@mail.ru

There are presented the results of a study of the transformation of social processes in modern society connected with the formation and escalation of destructive manifestations of terrorism in the article. There is reflected the approach to understanding the essence of terrorism based on the authors' concept of intrapersonal conflict. Initially, authors identify the psychological preconditions for manifestations of terrorism that were based on the results of a cross-cultural monitoring analysis with coverage of more than 1930 respondents. At the second stage, on the empirical sample of more than 300 subjects, authors distinguish a spectrum of qualities that ensure personal confrontation and stabilization in a multicultural field. Psychological security is defined as a condition for ensuring the prevention of terrorism and the formation of a multicultural identity. The issues of prevention and neutralization of terrorist tendencies are considered on the basis of actualization of such mechanisms of personal psychological security's insurance as harmonization, emotional stability and protective strategies.

Keywords: *terrorism, prevention extreme environment, stressful situation, mechanisms of regulation, marginality of consciousness, psychological safety, tolerance, intrapersonal sustainability, manipulations, emotional stability, victim, mobbing.*

For citation:

Yahyaev M.Y., Isaeva E.G., Sutaeva A.R. Social and psychological aspects of terrorism's counteraction in multicultural field. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 46–59. doi:10.17759/sps.2018090204 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Yahyaev Muchtar Y.* – Doctor in Philosophy, Dean of faculty of Psychology and Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Social and Political Sciences, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, muchtar59@mail.ru

** *Isaeva Elmira G.* – Doctor in Psychology, Professor at the Department of Psychology of Development and Professional Activities, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, isaeva07@yandex.ru

*** *Sutaeva Aida R.* – PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Psychology of Development and Professional Activities, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, aida.sutaeva@mail.ru

REFERENCES

1. Abramov V.A., Antonov G.A. Mezhdunarodnyi terrorism – vozrastayushchaya ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii [The international terrorism – the increasing threat of national security of Russia]. Chita: Publ. ChitGU, 2005. 166 p.
2. Antonjan Ju.M. Ekstremizm i ego prichiny [Extremism and its reasons]. Moscow: Logos, 2010. 288 p.
3. Asmolov A.G. Psihologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka [Psychology of the personality: cultural and historical understanding of the person's development]. Moscow: Smysl, Akademiya, 2007. 528 p.
4. Baeva I.A., Yakimanskaya I.S. Monitoring psychological safety of educational environment and education quality in the context of modernization [Elektronnyi resurs]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2013. no. 1. (Accessed 28.05.2017). (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Bakaev A.A. Otechestvennaya istoriografiya politicheskogo terrorizma v Rossiiskoi imperii nachala XX veka. M.: VNII MVD Rossii [Domestic historiography of political terrorism in the Russian Empire at the beginning of the XX century]. Moscow: VNII MVD Rossii, 2005. 135 p.
6. Zhuravlev A.L., Nestik T.A., Sosnin V.A. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty geopoliticheskoi stabil'nosti i yadernogo sderzhivaniya v XXI veke [Social and psychological aspects of geopolitical stability and nuclear control in the XXI century]. Moscow: Publ. Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2016. 122 p.
7. Zinchenko Yu.P., Surnov K.G., Tkhostov A.Sh. Motivatsiya terrorista [Motivation of the terrorist]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Psychology Bulletin]*. Seriya 14, Psihologiya. 2007. no. 2. pp. 20–34.
8. Isaeva E.G., Musalaeva A.R. Strategii konsul'tativnoi raboty psikhologa [Strategy of the psychologist advisory work]. Moscow: Ileksa, 2011. 248 p.
9. Kriminologiya: uchebnik [Criminology]. In Sochivko D.V., et al. (eds.). Moscow: PER SJe, 2012.
10. Kuz'min A.V. Sotsial'no-kul'turnaya profilaktika ekstremizma v molodezhnoi srede: diss. ... dokt. ped. nauk [Welfare prevention of extremism among young people. Dr. Sci. (Pedagogy) diss.]. Tambov, 2014. 426 p.
11. Kuropyatnik A.I. Mul'tikul'turalizm: problemy sotsial'noi stabil'nosti polietnicheskikh obshchestv [Multiculturalism: problems of social stability of multiethnic societies]. Saint Petersburg, 2000. 208 p.
12. Ol'shanskii D.V. Psihologiya terrorizma [Terrorism psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2002. 318 p.
13. Psikhologo-filosofskie aspekty protivodeistviya terrorizmu: uchebnoe posobie: uchebnoe posobie [Psychological and philosophical aspects of counteraction to terrorism]. In Akbieva Z.S., et al. (composite authors). Moscow: Centr strategicheskoy kon'junktury, 2016. 132 p.
14. Petrovskii A.V., Yaroshevskii M.G. Teoreticheskaya psikhologiya: uchebnoe posobie [Theoretical psychology]. Moscow: Akademija, 2003. 496 p.
15. Sviridov A.A. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' vuzov po profilaktike ekstremizma v molodezhnoi srede: Avtoref. diss.... kand. psihol. Nauk [Welfare activities of higher

- education institutions for prevention of extremism among young people. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Tambov, 2014. 26 p.
16. Skorikov D.G. Rassledovanie prestuplenii ekstremistskoi napravlenosti: Avtoref. diss. ... kand. jurid. Nauk [Investigation of extremist orientation crimes. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Volgograd, 2014. 29 p.
17. Solodovnikov S.A. Terrorizm i organizovannaya prestupnost': monografiya [Terrorism and organized crime]. Moscow: JuNITI-DANA, 2006. 173 p.
18. Sosnin V.A., Nestik T.A. Sovremennyi terrorizm. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz [Modern terrorism. Social and psychological analysis]. Moscow: Publ. Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2008. 240 p.
19. Sutaeva A.R., Isaeva E.G., Ismailova E.K. Psikhologiya lichnosti [Psychology of the personality]. Moscow: Parnas, 2016. 126 p.
20. Tarabrina N.V., Bykhovets Yu.V. Terroristicheskaya ugroza. Teoretiko-empiricheskoe issledovanie [Terrorist threat. Theoretical and empirical research]. Moscow: Publ. Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2014. 160 p.
21. Khristenko V.E. Psikhologiya zhertvy: uchebnik [Psychology of the victim]. In Hristenko V.E. (ed.). Har'kov: Konsum, 2001. 256 p.
22. Psychology of Terrorism. In Bongar B et al. (eds.). Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2007. 492 p.
23. Understanding Terrorism: Psychological Roots, Consequences, and Interventions. In Moghaddam F.M, Marsella A.J. (eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. 328 p.

Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков

А.А. РЕАН*,

*Институт образования НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
arean@hse.ru*

И.А. КОНОВАЛОВ**,

*Институт образования НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
ikonovalov@hse.ru*

В статье приводятся результаты исследования, целью которого являлось изучение социально-перцептивных представлений подростков о таких социальных группах, как родители, одноклассники, учителя, полицейские и чиновники. В исследовании приняли участие 7000 старшеклассников из различных городов и сел Российской Федерации в возрасте от 14 до 18 лет. Отдельно рассматриваются представления подростков, обучающихся в школах для лиц с девиантным поведением (127 человек), данные сопоставляются с общей выборкой. Для составления социально-перцептивных образов различных социальных групп была использована методика «80 прилагательных» А.А. Реана. Для оценки связи предпочтений в выборе дескрипторов и специфики группы испытуемых были использованы таблицы сопряженности, статистическая значимость оценивалась с помощью критерия Хи-квадрат. На основании полученных результатов можно сделать вывод о преобладании положительных характеристик при описании родителей, негативных характеристик при описании полицейских и чиновников, при описании одноклассников и учителей использовались как положительные, так и отрицательные характеристики. Выявлены статистически

Для цитаты:

Реан А.А., Коновалов И.А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 60–80. doi:10.17759/sps.2018090205

* *Реан Артур Александрович* — Академик Российской академии образования (РАО), доктор психологических наук, профессор, научный руководитель и директор федерального проекта «Крепкая семья», председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, заведующий лабораторией профилактики асоциального поведения, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, arean@hse.ru

** *Коновалов Иван Александрович* — аналитик лаборатории профилактики асоциального поведения, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ikonovalov@hse.ru

значимые связи предпочтений в частоте выбора различных характеристик при описании представителей социальных групп и специфики испытуемых.

Ключевые слова: *социальная перцепция, образ, представления, старшеклассники, асоциальные подростки*

Представления подростков о различных социальных явлениях в настоящее время вызывают значительный научный и общественный интерес. В частности, в зоне этого интереса оказываются и представления о различных социальных группах, чья деятельность так или иначе сопрягается с жизнью подростков.

Социально-перцептивные процессы в подростковом возрасте тесно вплетены в структуру межличностного общения со сверстниками и значимыми взрослыми. Отметим, что в состав социально-перцептивных процессов входят как восприятие внешнего облика, так и составление представления о социально-психологических характеристиках воспринимаемых субъектов [3]. На процесс и результат построения подобных образов оказывают влияние объективные характеристики (особенности макро-, и микросоциума, в котором существует человек) и индивидуальные особенности субъекта восприятия.

К основным социально-перцептивным механизмам классически относятся: эмпатия, атрибутивные процессы, идентификация, рефлексия и стереотипизация [1]. В рамках классификации А.А. Реана предлагается выделять шесть групп социально-перцептивных стереотипов: антропологические, этно-национальные, социально-статусные, социально-ролевые, экспрессивно-эстетические, вербально-поведенческие [17]. Независимо от того, осознает или нет человек наличие у себя тех или иных стереотипов, сформированные эталоны всегда

вливают на процесс оценивания человеком другого человека и построения взаимодействия с ним. Более того, чем более неосознаваемыми являются социально-перцептивные стереотипы, тем больше они способны влиять как на оценку другого человека, так и на особенности взаимодействия с ним.

В рамках нашего исследования будут рассмотрены стереотипизированные представления подростков о таких значимых социальных категориях, как родители, ближайшее социальное окружение (одноклассники и учителя), а также представители правоохранительных органов (полицейские) и власти (чиновники). В фокус нашего рассмотрения попадают именно личностные характеристики указанных категорий граждан.

Специфика социально-перцептивного образа родителей является индикатором психологического благополучия ребенка и, в частности, подростка [18]. Это относится, в первую очередь, к образу матери. Однако социальные роли матерей и отцов в современном обществе претерпевают существенные изменения. В большей степени указанная тенденция характерна для развитых западных государств, однако подобные явления постепенно становятся нормой и в России.

Наряду с традиционным распределением ролей в семье, где на матери лежит ответственность за воспитание ребенка, а отец является преимущественно «кормильцем», складываются и альтернативные модели распределения обязанностей в семьях [6].

Иными словами, в современном обществе происходит существенное изменение форм и практик родительства. Происходит увеличение разнообразия форм жизни семьи: существенные изменения претерпевают варианты состава семьи, увеличивается число семей, где один из родителей не является родным, возрастает количество супружеских пар без детей. Помимо этого и, что более существенно, происходит «... размывание понятных, наглядно представленных опытом взросления стереотипов и образцов воспитания детей в семье» [11, с. 1], возрастает разнообразие семейных воспитательных практик [11].

В контексте указанных тенденций анализ представлений подростков о членах своей семьи и приписываемых им качествах кажется нам чрезвычайно актуальным, тем более, если речь идет о стереотипизированных образах.

Подростки и ближайшее социальное окружение

Взаимоотношения подростков со сверстниками является неотъемлемой частью развития: без подобного общения невозможно формирование коммуникативной компетентности и самооценки [14]. Социально-перцептивные процессы подростка находятся в тесной взаимосвязи со спецификой социометрического статуса ребенка в группе сверстников, а также особенностями коллектива [14]. Влияние сверстников из ближайшего социального окружения оказывается существенным медиатором возникновения тех или иных поведенческих особенностей школьников (например, агрессии) [26; 27]. Наиболее значимой категорией ближайшего социального окружения яв-

ляется школьный коллектив, т.е. одноклассники. Школьная среда сверстников может выступать значимым фактором психологического благополучия ребенка, а может оказаться и фактором риска: буллинг и травля в школе имеют крайне неблагоприятные последствия для психики ребенка [9].

Общение современных подростков в значительной степени переместилось в Сеть, подобная коммуникация зачастую оказывается тесно переплетена с межличностным взаимодействием в ситуациях реального общения [13; 22]. В среде современных подростков Интернет является источником информации для формирования мнения о социальных явлениях и нормах, в том числе это относится к гендерным и социальным стереотипам [12; 25]. В нашем исследовании степень включенности подростков в онлайн-жизнь не фиксировалось, однако не отметить указанную особенность современного поколения подростков при рассмотрении проблемы нельзя.

Подростки и социальная сфера

Политическая социализация современных подростков происходит в ситуации ценностно-нормативной неопределенности [20]. По мнению В.С. Собкина, данное явление имеет ряд характерных черт. Так, например, эмоциональная оценка жизненных перспектив описывается скорее как пессимистичная: происходит сдвиг культурных ценностей: ценности молодежной субкультуры ориентированы на западные образцы; происходит вытеснение глубинных нормативно-ценностных структур, сложившихся у предыдущих поколений, в частности, в советском обществе; в

коммуникативном пространстве ярко выражено множество политических мнений и оценок, отражающих взгляды различных социальных групп, при этом происходит «ослабление собственно смысловых культурных напряжений, от которых зависит актуализация механизмов личностного самоопределения подростка» [20, с. 196].

К тому же, использование интернета (в большинстве случаев посредством социальных сетей) обеспечивает современным подросткам легкий доступ к актуальной информации, касающейся общественных и политических явлений. Однако наибольшая активность современного поколения российских подростков в интернете посвящена общению [22]. Отметим, что политика и общественная сфера занимают более скромное место в списке интересов современных подростков, при этом интересуется данная сфера общественной жизни преимущественно мальчиков [22].

Политическое сознание подростков попадает в фокус научного рассмотрения в ряде работ: проанализированы представления подростков о современных политиках [23], представители общественно-политической сферы были широко представлены в качестве идеалов и антиидеалов современных подростков в исследовании В.С. Собкина и Е.А. Калашниковой. Отметим, что исследователями прямо не задавался источник выбора идеализированных образов [21].

В нашем исследовании анализируются представления подростков о менее ярких фигурах политической жизни — раскрываются особенности обобщенного социально-перцептивного образа чиновников, стереотипных представлений о данной категории граждан.

Индивидуальные особенности подростков и социальная перцепция

Как было указано выше, на процесс и результат социальной перцепции оказывают влияние индивидуальные особенности познающего субъекта. В рамках ряда исследований была изучена связь различных личностных и индивидуальных особенностей современных подростков со спецификой социально-перцептивных образов различных категорий людей. Приведем некоторые примеры.

Так, например, изучается специфика представлений о родителях подростками с интернет-зависимостью [5]. Было показано, что для подростков с различной степенью интернет-зависимости при описании образа родителей (матери и отца) характерны различия, связанные с восприятием взаимодействия с родителями, их личностных качеств, родительских установок и привычных стратегий воспитания [5].

В исследовании, посвященном анализу представлений о родителях подростков, склонных к алкоголизации [2], было установлено, что существуют специфические маркеры риска начала употребления алкоголя у девушек и юношей. У юношей они отражают актуализацию и обострение реакции эмансипации на фоне переживания давления со стороны родителей. У девушек же они представлены нарушенными взаимоотношениями с матерью с доминированием переживания эмоциональной отгороженности, отвержения [2].

Стоит отметить и оценку значимости субъективного образа родителей при психологическом консультировании подростков: в работе А.А. Писаревой показано существование взаимосвязи

между индивидуально-личностными качествами подростков и их отношением к образу родителей, а также представлена зависимость субъективного видения подростком своих родителей и уровнем их социальной адаптации [10].

В работе Н.Л. Васильевой установлена связь между характером отношения к образам родителей и особенностями эмоциональной сферы личности [4].

В нашем исследовании будут рассмотрены социально-перцептивные портреты различных категорий граждан у подростков, обучающихся в школах для лиц с девиантным поведением, в сравнении с подростками из обычных школ.

Программа исследования

В выборке старшеклассников были представлены подростки из городов (с различной численностью населения) и сел России. Выборка является репрезентативной. В исследовании приняли участие 7000 подростков. Возрастной состав выборки: 14 лет — 0,4%, 15 лет — 9,1%, 16 лет — 49,9%, 17 лет — 37,5%, 18 лет — 2,3%, старше — 0,8%. Представлены следующие классы: десятый класс — 57%, одиннадцатый класс — 43%. Состав выборки по полу: женский — 57,9%, мужской — 42,1%. Характеристика выборки по составу семьи: мать, двое детей — 6,5%, мать, один ребенок — 11,3%, мать, трое и больше детей — 2%, отец, двое детей — 0,4%, отец, один ребенок — 0,9%, отец, трое и более детей — 0,6%, отец, мать, двое детей — 41,5%, отец, мать, один ребенок — 22,5%, отец, мать, трое детей — 14,3%. Выборка учащихся школ для лиц с девиантным поведением составила 127 человек, из них 75 юношей, 52 девушки. Средний возраст — 15 лет и 8 месяцев.

Подростковый и юношеский возраст в современной международной традиции рассматривается в единстве и часто этот этап обозначается одним термином — подростковый возраст [16]. Правда, при этом выделяют обычно две стадии данного возраста — ранний подростковый (до 14 лет) и старший подростковый (до 19 лет), что соответствует в отечественной традиции выделению подросткового и юношеского возраста.

Итак, подростковый и юношеский возраст рассматриваются в границах: от 11 до 19 лет, с выделением раннего и старшего подросткового возраста [16]; от 10 до 17 лет, с выделением подросткового возраста и первого периода юности [24]; от 12 до 18 лет [7]; от 12 до 19 лет [8]. В отечественной психологии сходного подхода к периодизации подросткового возраста (от 11 до 19 лет) придерживается коллектив авторов монографии «Психология человека от рождения до смерти» [15].

В связи с вышесказанным, всю выборку нашего исследования справедливо относить к подросткам, подразумевая при этом наличие в ней представителей как раннего, так и старшего подросткового возраста.

В исследовании применялась методика «80 прилагательных» А.А. Реана. В рамках данной методики испытуемым предлагается на выбор 80 характеристик, с помощью которых они должны оценить представителей различных социальных групп: родителей (мать и отец), одноклассников, учителей, полицейских и чиновников. Испытуемые могли использовать любое число из списка предлагаемых дескрипторов по отношению к каждой из категорий. Формирование обобщенных социально-перцептивных представлений о каждой из указанных

категорий предполагает анализ топ-10 качеств (наиболее часто используемых испытуемыми) и антитоп-10 качеств (наименее часто используемых испытуемыми). Для оценки связи предпочтений в выборе дескрипторов и специфики группы испытуемых были использованы таблицы сопряженности, статистическая значимость оценивалась с помощью критерия Хи-квадрат.

Результаты и их интерпретация

Обратимся к результатам методики «80 прилагательных» А.А. Реана. Данные, касающиеся восприятия матери и отца респондентами, были детально проанализированы в предыдущих работах [18; 19]. В настоящей статье мы рассмотрим результаты, касающиеся образов других категорий людей, которых оценивали респонденты в ходе исследования. К таким категориям относятся «Одноклассники», «Учителя», «Полицейские» и «Чиновники». Далее будет проведен сопоставительный анализ данных, полученных на общей выборке с данными, полученными на выборке учащихся школ для лиц с девиантным (асоциальным) поведением.

При оценке одноклассников респонденты используют преимущественно негативные прилагательные — «ленивый» (64%), «завистливый» (61%), «нерешительный» (61%), «нескромный» (64%), «глупый» (53%), «слабовольный» (48%), «трусливый» (47%). Однако наибольший вес имеет такая положительная характеристика, как «веселый» (78%). Также в Топ-10 вошли такие положительные качества, как «любопытный» (62%) и «приветливый» (58%). Отметим, что составляющие большинство характеристи-

ки сложно назвать однозначно негативными. Скорее они представляют собой отсылку к типичным проблемам подростков и, как следствие, определенным установкам, свойственным данному возрастному периоду. Иными словами, по нашему мнению, в данных характеристиках зафиксирован «портрет» типичного подростка.

Антитоп-10 характеристик для категории «Одноклассники» представлены в табл. 1.

Таблица 1
Антитоп-10 прилагательных, использованных для оценки категории «Одноклассники» респондентами из общей выборки

Прилагательное	% встречаемости
Серьезный	14,47
Деликатный	14,28
Семейственный	13,00
Ласковый	10,54
Суровый	10,54
Требовательный	9,46
Авторитетный	8,91
Мудрый	8,64
Строгий	6,28
Властный	4,60

Антитоп-10 характеристик производит впечатление портрета «взрослого человека», вполне логично, что данные дескрипторы были в наименьшей степени использованы при описании обобщенного портрета одноклассников, являющихся подростками.

Социально-перцептивный портрет категории «Учителя» выглядит вполне согласующимся с ролевой моделью представителей данной профессии. Топ-10 характеристик для указанной категории выглядит следующим образом.

Наиболее часто отмечаемыми характеристиками являются «требовательный» (69%) и «умный» (59%). Отметим, что характеристика «деликатный» вошла в топ-10, однако заняла последнее место (47%). При этом характеристика «ворчливый», являющаяся хотя и не антиподом, но все-таки стоящая в оппозиции к упомянутой выше категории, заняла более высокое положение — 4-е место. Данную характеристику, как более типичную для российского учителя, отметили 55% опрошенных. На наш взгляд, это в некоторой степени отражает существующее положение вещей в повседневной жизни российской школы. Помимо указанных, в топ 10 характеристик по категории «Учителя» попали следующие: «строгий» (56%), «мудрый» (53%), «дисциплинированный» (53%), «приличный» (52%), «ответственный» (50%), «серьезный» (48%).

Охарактеризуем наименее часто используемые характеристики по отношению к категории «Учителя». За исключением характеристики «ласковый» (12%) все остальные дескрипторы, попавшие анти топ-10 по категории «Учителя», носят явно негативный характер. Отметим «вес» характеристик, вошедших в анти топ-10 качеств по данной категории. Минимальный процент — 9% получил такой дескриптор, как «ленивый». Максимальный — 17% получил дескриптор «слабовольный». Остальные характеристики располагаются в диапазоне от 11 до 16%. По сравнению с остальными, в данной категории зафиксирован наибольший процент распространенности негативных характеристик.

Это, конечно, отрадный момент, потому что отвергаемыми качествами, не характерными, по мнению подростков,

для учителей, оказываются почти исключительно отрицательные характеристики: «наглый» (16%), «нерешительный» (14%), «лживый» (14%), «завистливый» (13%), «жадный» (11%), «глупый» (11%), «трусливый» (11%). Некоторое сожаление, пожалуй, вызывает лишь то, что в этом списке не характерных для учителей качеств оказался и дескриптор «ласковый». Похоже, ласка — не центральное профессиональное качество учителя старших классов. И подчеркнем это обстоятельство — именно старших классов. Возможно, для начальной школы социально-перцептивный портрет учителя в этом аспекте будет иным, и качество «ласковый» займет там более высокое место.

Обратимся к социально-перцептивному портрету категории «Полицейские». Отметим, что все характеристики, вошедшие в обобщенный портрет полицейских являются крайне негативными. Полицейские, в представлении респондентов, выглядят как жестокие (57%), злые (51%), подозрительные (51%) и т. д. Добавим также, что распределение по всем 80 прилагательным выглядит таким образом, что все негативные характеристики за редким исключением («серьезный» — 20-е место, 39%, «строгий» — 27-е место, 34%, самоуверенный — 28-е место, 33%) расположились в первых сорока рангах.

Помимо указанных выше в социально-перцептивный портрет полицейских вошли такие характеристики, как «суровый» (49%), властный (48%), «несправедливый» (48%), «холодный» (47%), «наглый» (47%), «озлобленный» (46%), «сердитый» (45%).

Соответственно, анти топ-10 для данной категории состоит из исключительно позитивных характеристик (табл. 2).

Таблица 2
Антитоп-10 прилагательных,
использованных для оценки категории
«Полицейские» респондентами
из общей выборки

Прилагательное	% встречаемости
Семейственный	11,67
Веселый	11,27
Чуткий	11,04
Скромный	9,50
Аккуратный	9,49
Мудрый	9,24
Доверчивый	8,49
Заботливый	6,77
Искренний	5,74
Ласковый	4,53

Понятно, что некоторые негативные характеристики могут являться профессионально значимыми — например, «подозрительный». Но в целом, полученный портрет не может не вызывать тревоги. Доверие к праву и правовой системе — это не в последнюю очередь и доверие к представителям закона. А иначе неизбежна актуализация и укоренение тенденции — «закон, что дышло — как повернешь, так вышло».

Полученные данные являются основанием для множества вопросов и позволяют выдвинуть ряд гипотез — является ли данная картина следствием правового нигилизма? Или наоборот, сам правовой нигилизм является следствием такого представления подростков о личности типичного представителя правопорядка? И в утвердительном случае, типичен ли данный феномен для представителей современной молодежи? Альтернативная гипотеза может состоять в том, что полученные результаты являются отражением реального поведения сотрудников правопорядка. Или

же отражением трансляции через средства массовой информации негативного образа полиции. Выяснение данных вопросов требует проведения отдельного исследования.

В целом можно также констатировать, что и социально-перцептивный портрет чиновников респондентами описывается через выбор исключительно негативных характеристик.

Отдельно отметим, что по сравнению с категорией «Полицейские» топовые позиции имеют даже больший вес — как «жадного» охарактеризовали собирательный образ чиновника 74% респондентов, «бездушного» — 68%, «лживого» — 67%, «эгоистичного» — 62%, для сравнения полицейских охарактеризовали как «жестоких» 57% респондентов.

В список наиболее характерных для чиновников качеств, по мнению респондентов, попали дескрипторы «властный» (61%), «коварный» (59%), «двуличный» (57%), «несправедливый» (56%), «черствый» (55%), «наглый» (55%).

Антитоп-10 характеристик также выглядит очень согласованно, в него вошли исключительно положительные характеристики (табл. 3). То есть самые отвергаемые характеристики, те которые, по мнению большинства подростков, совсем не свойственны чиновникам представляют собой список положительных человеческих качеств.

В целом полученные данные свидетельствуют о крайне негативном представлении современной молодежи о чиновниках.

В ходе исследования рассмотренные выше данные были сопоставлены с данными, полученными на выборке учащихся школ для лиц с девиантным поведением. Выборка составила 127 человек. Ниже рассмотрим по парам соответству-

Таблица 3
Антитоп-10 прилагательных,
использованных для оценки категории
«Чиновники» респондентами
из общей выборки

Прилагательное	% встречаемости
Мудрый	7,33
Правдивый	6,99
Чуткий	6,58
Веселый	6,06
Добрый	5,44
Доверчивый	5,40
Надежный	5,05
Искренний	4,55
Заботливый	3,95
Ласковый	3,46

ющих категорий данные из указанных выше выборок.

Характеризуя данные, полученные при описании категории «мать» (табл. 4), мы можем констатировать, что испытуемые из обеих выборок характеризуют мать исключительно положительно.

Для описания используются только положительные прилагательные. Списки топ-10 прилагательных практически

идентичны, за исключением следующего: в топ-10 по общей выборке попало прилагательное «человечный» (78%), в топ-10 прилагательных по выборке учащихся школ для лиц с девиантным поведением попало прилагательное «авторитетный» (66%). Согласно уже опубликованным данным по нашему исследованию, качество «авторитетный» наиболее характерно для портрета отца и является неизменным атрибутом его образа во всех группах респондентов: и в общей выборке, как у юношей, так и у девушек, и в полных, и в неполных семьях [19]. На наш взгляд, появление характеристики «авторитетный» в образе матери у детей из школ для лиц с асоциальным поведением неслучайно.

Если проанализировать указанные характеристики по классам отношений (по В.Н. Мясичеву и Б.Г. Ананьеву), то можно сделать вывод о том, что большинство дескрипторов связаны с характеристикой отношений к другим людям. В топ-10 также вошли дескрипторы, связанные с отношением к делу («аккуратный»), и не вошли характеристики связанные с отношением к себе.

Таблица 4
Сравнение топ-10 прилагательных, использованных для оценки категории «Мать»

Общая выборка		Выборка учащихся школ для лиц с девиантным поведением	
Прилагательное	% встречаемости	Прилагательное	% встречаемости
Заботливый	89,75	Ласковый	80,41
Ласковый	87,90	Заботливый	77,78
Добрый	86,25	Добрый	75,47
Аккуратный	83,74	Искренний	69,89
Семейственный	83,35	Правдивый	69,15
Искренний	82,84	Семейственный	67,35
Надежный	78,70	Аккуратный	67,33
Человечный	77,66	Надежный	66,67
Честный	75,25	Приличный	66,30
Приличный	74,68	Авторитетный	65,71

Говоря об отличиях между двумя рядами данных, мы можем отметить следующее — в топ-10 для выборки учащихся школ для лиц с девиантным поведением вошли прилагательные, имеющие меньший «вес».

Если проанализировать антитоп-10 характеристик, можно сказать, что в случае обеих выборок антитоп-10 составили исключительно негативные характеристики. «Вес» соответствующих ранговых позиций практически не отличается, однако, несколько отличается состав прилагательных.

Так, в антитоп-10 для обеих выборок вошли «озлобленный» (по 4%), «черствый» (по 4%), «трусливый» (по 4%), «лживый» (3% и 4%), «бездушный» (по 3%). В антитоп-10 только по общей выборке вошли: «жестокий» (3%), «неблагодарный» (3%), «жадный» (3%), «завистливый» (3%), «глупый» (2%). В антитоп-10 только по выборке учащихся школ для лиц с девиантным поведением вошли «мрачный» (4%), «ленивый» (4%), «холодный» (3%), «наглый» (2%), «несправедливый» (2%).

Рассмотрим социально-перцептивный портрет отцов в представлении респондентов из наших выборок. Состав характеристик по классам отношений (по В.Н. Мясичеву и Б.Г. Ананьеву) применительно к категории «Отец» выглядит более разнообразно по сравнению с категорией «Мать» — в топ-10 по обеим выборкам появляются дескрипторы, связанные с отношением к делу, — «ответственный» (61% и 50%) и интеллектуальная характеристика «умный» (64% и 48%).

Как и в случае с категорией «Мать» мы также можем сказать, что в топ-10 для выборки учащихся школ для лиц с девиантным поведением вошли прилагательные, имеющие меньший «вес». В топ-10

по обеим выборкам вошли такие характеристики, как «семейственный» (68% и 52%), «добрый» (67% и 49%), надежный (67% и 51%), заботливый (65% и 52%), умный (64% и 48%). В топ-10 только по общей выборке вошли следующие прилагательные: авторитетный (66%), мудрый (63%), человечный (62%), честный (62%). В топ-10 только по выборке учащихся школ для лиц с девиантным поведением вошли «приличный» (53%), «справедливый» (50%), «миролюбивый» (50%), «правдивый» (49%).

Отметим, что типично мужской дескриптор «авторитетный» не присутствует в списке топ-10 значимых характеристик портрета отца у учащихся школ для лиц с девиантным поведением. При этом, как было отмечено выше, именно эта характеристика вошла в топ-10 характеристик образа матери. На наш взгляд, данный факт очень интересен. Можно предположить, что семьи подростков с асоциальным поведением характеризуются смещением социальных ролей матери и отца и соответственно паттернов поведения родителей. Происходит снижение роли отца и возрастание авторитета матери. Однако детализация анализа данной закономерности требует проведения дополнительных исследований с привлечением иных методических подходов.

В антитоп-10 по обеим выборкам вошли такие дескрипторы, как «несправедливый» (7% и 8%), «неблагодарный» (по 7%), «двуличный» (6% и 5%), «бездушный» (6% и 7%), «глупый» (5% и 8%) и «лживый» (6% и 8%), «завистливый» (4% и 8%). Только по общей выборке: «жадный» (7%), «трусливый» (6%), «коварный» (6%). Только по выборке учащихся школ для лиц с девиантным поведением: «нерешительный» (8%), «наглый» (7%), «недоверчивый» (5%).

Говоря о категории «Одноклассники» стоит отметить, что обе выборки респондентов дают, в целом, схожие характеристики по данной категории.

Отметим также, что в выборке учащихся школ для лиц с девиантным поведением среди топ-10 присутствует даже больше положительных характеристик, чем в общей выборке. В последней в топ-10 попали такие положительные характеристики, как «веселый» (78%) и «любопытный» (62%). В выборке учащихся с девиантным поведением в топ-10 попали характеристики «веселый» (68%), «приветливый» (49%), «любопытный» (49%). Как уже было сказано ранее, данные наборы характеристик, представленные в табл. 5, напоминают «портрет типичного подростка», отражающий трудности и конфликты, характерные для данного возрастного периода.

Обратим внимание на списки анти-топ-10 характеристик по обеим выборкам. По общей выборке в антитоп вошли «взрослые» характеристики, такие как «серьезный» (14%), «семейственный»

(13%), «требовательный» (9%), «авторитетный» (9); «мудрый» (8%), «строгий» (6%) и такие негативные характеристики, как «суровый» (11%), «властный» (5%). По выборке учащихся школ для лиц с девиантным поведением в антитоп вошли следующие характеристики, которые можно обозначить как «взрослые» — «авторитетный» (16%), «заботливый» (14%), «ласковый» (10%), «строгий» 9%, а также такие негативные характеристики, как «бездушный» (14%), «жестокый» (13%), «властный» (10%), «злой» (10%).

Охарактеризуем образы учителей в представлении подростков из разных типов школ. Как респонденты из общей выборки, так и респонденты из выборки учащихся школ для лиц с девиантным поведением составили социально-перцептивный портрет, вполне согласующийся с ролевой моделью педагога.

В целом, характеристики, попавшие в данный список, отражают с одной стороны, профессионально важные качества, необходимые для работы педагогом: «требовательный» (68% и 49%), «умный»

Таблица 5

Сравнение топ-10 прилагательных, использованных для оценки категории «Одноклассники»

Общая выборка		Выборка учащихся школ для лиц с девиантным поведением	
Прилагательное	% встречаемости	Прилагательное	% встречаемости
Веселый	78,00%	Веселый	68,00%
Ленивый	63,67%	Ленивый	58,82%
Любопытный	61,84%	Нерешительный	58,14%
Завистливый	61,28%	Завистливый	52,27%
Нерешительный	60,70%	Хитрый	49,45%
Приветливый	58,40%	Упрямый	49,44%
Нескромный	54,06%	Слабовольный	49,40%
Глупый	52,66%	Приветливый	48,96%
Слабовольный	48,27%	Любопытный	48,96%
Трусливый	47,43%	Трусливый	48,75%

(59% и 54%), «строгий» (56% и 44%), «дисциплинированный» (53% и 44%), «ответственный» (50% респондентов в общей выборке), «аккуратный» (45% опрошенных в выборке школ для лиц с девиантным поведением). С другой стороны, они, возможно, указывают на «профессиональные деформации»: «ворчливый» (55% и 51%). В антитоп-10 по обоим выборкам попали такие характеристики, наличия которых не предполагает ролевая модель профессии «педагог».

В обоих списках, как в общей выборке, так и в группе асоциальных подростков, преобладают негативные характеристики. Для общей выборки — «слабовольный» (17%), «наглый» (16%), «нерешительный» (14%), «лживый» (14%), «завистливый» (13%), «глупый» (11%), жадный (11%), «трусливый» (11%) и «ленивый» (9%). Исключение составило прилагательное «ласковый» (12%).

Среди ответов респондентов из выборки учащихся школ для лиц с девиантным поведением преобладают: «нескромный» (13%), «жадный» (13%),

«коварный» (13%), «завистливый» (11%), «глупый» (10%), «ленивый» (9%), «нерешительный» (9%), «трусливый» (9%). Исключение составили такие позитивные характеристики как «доверчивый» (15%) и «ласковый» (14%).

Характеризуя полицейских, обе категории респондентов оказались также вполне единодушны. Социально-перцептивные портреты полицейских даны в крайне негативном свете (табл. 6). Отметим, что в описании преобладают дескрипторы, которые по классам отношений можно отнести к отношениям к другим людям.

В антитоп-10 характеристик (табл. 7) также по обоим выборкам попали исключительно положительные характеристики, т. е. список не характерных для полицейских качеств составляют именно положительные характеристики.

Однако стоит отметить, что респонденты общей выборки в процентном соотношении несколько чаще характеризовали представителей профессии «полицейский» положительно, о чем свидетельствует частота употребления

Таблица 6

Сравнение топ-10 прилагательных, использованных для оценки категории «Полицейские»

Общая выборка		Выборка учащихся школ для лиц с девиантным поведением	
Прилагательное	% встречаемости	Прилагательное	% встречаемости
Жестокий	56,60	Жестокий	57,14
Злой	50,99	Наглый	51,69
Подозрительный	50,74	Злой	51,69
Суровый	48,67	Озлобленный	49,41
Властный	48,25	Подозрительный	47,67
Несправедливый	48,12	Мрачный	46,25
Холодный	47,54	Несправедливый	46,07
Наглый	47,02	Бездушный	44,44
Озлобленный	46,76	Эгоистичный	44,32
Сердитый	45,80	Неблагодарный	44,32

прилагательных, попавших в анти- топ-10.

Сходную ситуацию мы также можем зафиксировать и в отношении восприятия категории «Чиновники» (табл. 8 и 9).

В топ-10 по данной категории по обоим выборкам попали исключительно негативные дескрипторы. Отметим, что «вес» характеристик в данных, получен-

ных на общей выборке в среднем несколько больше. Анти- топ-10, наоборот, составляют исключительно положительные характеристики. Следует подчеркнуть, что как в случае с полицейскими, так и в случае с чиновниками, речь идет не о реальном портрете этих групп, а об их восприятии подростками, о представлении об этих группах в сознании молодежи.

Таблица 7

Сравнение анти- топ-10 прилагательных, использованных для оценки категории «Полицейские»

Общая выборка		Выборка учащихся школ для лиц с девиантным поведением	
Прилагательное	% встречаемости	Прилагательное	% встречаемости
Семейственный	11,67	Уравновешенный	6,45
Веселый	11,27	Надежный	6,25
Чуткий	11,04	Миролюбивый	6,25
Скромный	9,50	Честный	5,32
Аккуратный	9,49	Веселый	5,00
Мудрый	9,24	Скромный	4,35
Доверчивый	8,49	Мудрый	4,21
Забогливый	6,77	Искренний	2,15
Искренний	5,74	Доверчивый	1,05
Ласковый	4,53	Ласковый	1,03

Таблица 8

Сравнение топ-10 прилагательных, использованных для оценки категории «Чиновники»

Общая выборка		Выборка учащихся школ для лиц с девиантным поведением	
Прилагательное	% встречаемости	Прилагательное	% встречаемости
Жадный	74,48	Жадный	54,95
Бездушный	67,51	Бездушный	42,22
Лживый	66,53	Лживый	39,29
Эгоистичный	62,24	Эгоистичный	38,64
Властный	61,15	Коварный	37,65
Коварный	59,81	Наглый	37,08
Двуличный	57,48	Властный	37,08
Несправедливый	56,00	Неблагодарный	36,36
Черствый	55,54	Черствый	33,77
Наглый	54,56	Несправедливый	33,71

Таблица 9

**Сравнение антитоп-10 прилагательных, использованных
для оценки категории «Чиновники»**

Общая выборка		Выборка учащихся школ для лиц с девиантным поведением	
Прилагательное	% встречаемости	Прилагательное	% встречаемости
Мудрый	7,33	Аккуратный	5,94
Правдивый	6,99	Справедливый	5,21
Чуткий	6,58	Миролюбивый	5,21
Веселый	6,06	Искренний	4,30
Добрый	5,44	Заботливый	4,04
Доверчивый	5,40	Веселый	4,00
Надежный	5,05	Находчивый	3,41
Искренний	4,55	Доверчивый	3,16
Заботливый	3,95	Надежный	3,13
Ласковый	3,46	Ласковый	3,09

Однако выявленные проблемы от этого не становятся менее серьезными. Негативные представления на уровне сознания подростков о столь важных социальных группах, как представители исполнительной власти и силовых структур, не может не сказываться на регуляции социального и правового поведения. В данном случае все завязано в единый симптомокомплекс: представления, отношения, установки, поведение.

Попробуем обобщить полученные на основе анализа топ-10 и антитоп-10 результаты. В целом, мы можем утверждать, что социально-перцептивные «портреты» членов семьи, матери и отца составлены из исключительно положительных характеристик, социально-перцептивные «портреты» представителей власти и сотрудников правопорядка представлены исключительно в негативном свете. «Одноклассники» и «учителя» занимают промежуточное положение.

В целом, отметим, что сопоставительный анализ топ-10 и антитоп-10 по категориям позволил выделить скорее

сходства, нежели различия между рядами данных, полученными по указанным выше выборкам. Далее мы попытаемся охарактеризовать различия.

Был произведен анализ связи между группами испытуемых (общая выборка и учащиеся школ для лиц с девиантным поведением) и предпочтениями в выборе дескрипторов по отношению к различным социальным группам. Указанная оценка была произведена с помощью таблиц сопряженности, статистическая значимость оценивалась с помощью критерия Хи-квадрат. Ввиду значительного различия между численностью выборок испытуемых, для проведения статистической оценки из общей выборки случайным образом были извлечены данные по 127 наблюдениям (по каждому из дескрипторов), которые в дальнейшем использовались для статистической оценки. Статистическая обработка была произведена в R studio (R v. 3.4.2.). Поправка на множественные сравнения реализована по методу Беньямини—Хохберга.

Отметим, что респонденты из общей выборки чаще приписывают матери такие положительные характеристики, как «аккуратный» ($\chi^2=8,138$, $df=1$, $p=0,004$), «семейственный» ($\chi^2=10,466$, $df=1$, $p=0,001$), «человечный» ($\chi^2=4,574$, $df=1$, $p=0,032$). Отдельно обратим внимание на дескриптор «равнодушный» — именно эту характеристику респонденты с девиантным поведением значительно чаще приписывали матерям ($\chi^2=10,737$, $df=1$, $p=0,001$). По остальным дескрипторам статистическая значимость отсутствует.

Создается впечатление, что, несмотря на то, что, в целом, образ матери у подростков с девиантным поведением является вполне положительным, о чем свидетельствует анализ топ-10 и антитоп-10, матери данной категории учащихся, вероятно, имеют ряд поведенческих особенностей, что отражается в чуть большей вероятности употребления некоторых негативных дескрипторов, в частности, «равнодушный» и меньшей вероятности употребления позитивных. Обратим также внимание на то, что характеристика «равнодушный» была использована респондентами общей выборки не слишком часто — в 8% случаев, в то время как в выборке учащихся с девиантным поведением — 31%.

Похожую ситуацию можно наблюдать и в отношении отцов. Респонденты из общей выборки в целом чаще приписывают социально-перцептивному портрету отца положительные характеристики.

Подростки из общей выборки чаще предпочитают следующие дескрипторы по отношению к категории «Отец»: «авторитетный» ($\chi^2=8,356$, $df=1$, $p=0,003$), «веселый» ($\chi^2=7,043$, $df=1$, $p=0,007$), «человечный» ($\chi^2=3,872$, $df=1$, $p=0,049$), «добрый» ($\chi^2=6,3008$, $df=1$, $p=0,012$), «мудрый» ($\chi^2=5,914$, $df=1$, $p=0,015$), «искренний» ($\chi^2=14,793$, $df=1$, $p=0,000$).

Относительно характеристики «равнодушный», респонденты из выборки учащихся школ для лиц с девиантным поведением чаще, чем подростки из общей выборки приписывали ее отцам, однако данная связь статистически значимой не оказалась.

На основе полученных данных можно сделать предположение, что именно фигура отца и его модель поведения выступают одним из главных факторов наличия или отсутствия девиантного поведения у подростка. С одной стороны, отец выполняет контролирующие функции («авторитетный», «мудрый»), с другой стороны, важна эмоциональная доступность («человечный», «добрый», «искренний»).

Характеризуя предпочтения для категории «Одноклассники» нами было зафиксировано лишь одно различие — по дескриптору «независимый» ($\chi^2=4,808$, $df=1$, $p=0,028$). Респонденты из общей выборки характеризовали одноклассников подобным образом в 23% случаев, респонденты из выборки для лиц с девиантным поведением в 38% случаев. Таким образом, разница составила 15%.

Сходная ситуация характерна и для категории «Учителя». Респонденты из общей выборки значимо чаще отдавали предпочтение дескрипторам «требовательный» ($\chi^2=8,448$, $df=1$, $p=0,003$) и «раздражительный» ($\chi^2=5,651$, $df=1$, $p=0,017$). Можно предположить, что указанные различия связаны с особенностями организации педагогического процесса в разных типах школ: обычных школах и школах для подростков с девиантным поведением. Вероятно, этим же и объясняется различие по дескриптору «независимый» для категории «Одноклассники».

Достаточно интересная картина складывается в отношении представителей

власти и правопорядка. Респонденты из общей выборки чаще характеризуют сотрудников правопорядка как «дисциплинированных» ($\chi^2=18,608$, $df=1$, $p=0,000$). Респонденты из выборки учащихся школ для лиц с девиантным поведением чаще характеризуют сотрудников правопорядка как «неблагодарных» ($\chi^2=4,031$, $df=1$, $p=0,044$). По остальным дескрипторам статистически значимых связей не выявлено.

Результаты проверки статистической значимости связи предпочтений в выборе дескриптора и группы испытуемых по отношению к категории «Чиновники» представлены в табл. 10. Важно, что все приведенные характеристики носят негативный характер, описывают отношение к другим людям. Также отметим, что респонденты из выборки учащихся школ для лиц с девиантным поведением, реже характеризовали чиновников подобным образом.

Таблица 10

Оценка связи предпочтений выбора дескриптора для категории «Чиновники» и группы испытуемых

Прилагательное	χ^2	p-значение
Бездушный	6,671	0,009
Властный	13,183	0,001
Глупый	6,306	0,012
Гордый	16,585	0,000
Двуличный	12,676	0,001
Жадный	4,574	0,032
Жестокий	7,249	0,007
Ленивый	11,328	0,000
Лживый	9,863	0,000
Мелочный	7,249	0,007
Наглый	6,346	0,011
Эгоистичный	6,918	0,008
Подозрительный	5,699	0,016
Равнодушный	11,05	0,000
Хитрый	6,333	0,011

Обсуждая полученные данные и объясняя их, можно предположить, что учащиеся школ для лиц с девиантным поведением значительно чаще лично сталкивались в своей жизни с чиновниками и потому менее склонны приписывать им негативные характеристики на основе предубеждений. По-видимому, верно и обратное, подростки в целом (из общей выборки) редко сталкиваются в реальной жизни с чиновниками и представителями власти. Возможно, столь негативный портрет чиновников построен на основе распространенных социальных установок и предубеждений, транслируемых подросткам взрослыми, в том числе в семье, а также, конечно, средствами массовой информации.

Выводы

Попробуем сделать ряд выводов из проделанного анализа. Во-первых, можно констатировать, что социально-перцептивные портреты различных социальных групп в восприятии респондентов из общей выборки и выборки учащихся школ для лиц с асоциальным поведением выглядят достаточно согласованно. Так, например, члены семьи — отец и мать получают в описании респондентов исключительно положительные характеристики. Одноклассники характеризуются обеими группами респондентов с использованием как положительных, так и отрицательных дескрипторов, отражающих, на наш взгляд, типичные проблемы и характерные особенности подросткового возраста. Учителя характеризуются через набор профессиональных качеств, типичных для данной профессии. Полицейские и чиновники получили крайне негативные характеристики в ответах респондентов. Актуальным является вопрос:

связано ли это с проявлением социальной стереотипизации, правового нигилизма и подросткового негативизма, либо же это отражает реально существующие общественные явления и проблемы.

Говоря о различиях, обнаруженных нами в ходе исследования, следует сказать, что образ матери у учащихся из школ для лиц с девиантным поведением является вполне положительным. Однако матери данной категории учащихся, вероятно, имеют ряд поведенческих особенностей, что отражается в несколько большей вероятности употребления некоторых негативных дескрипторов. В частности, характеристики «равнодушный» и в целом, в более низком проценте встречаемости положительных характеристик, вошедших в топ-10. Также полученные данные дают основание полагать, что именно фигура отца и его модель поведения, вероятно, выступает

главным фактором наличия или отсутствия девиантного поведения у подростка. С одной стороны, отец выполняет контролирующие функции («авторитетный», «мудрый»), с другой стороны, важна эмоциональная доступность («человечный», «добрый», «искренний»). О том же свидетельствует и «перемещение» дескриптора «авторитетный» из социально-перцептивного портрета отца в образ матери у учащихся с асоциальным поведением.

Заслуживает внимания также обнаруженный нами достаточно интересный факт «более мягкой» (в процентном выражении) критики чиновников учащимися школ для лиц с асоциальным поведением. Мы полагаем, что это, возможно, связано с наличием большего личного опыта общения с представителями власти и, в связи с этим, с меньшей стереотипизацией представлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001 290 с.
2. Алёхин А.Н., Локтева А.В., Дубинина Е.А. Образ родителей у подростков, склонных к алкоголизации // Тюменский медицинский журнал. 2014. № 1. С. 28—30.
3. Бодаев А.А. Восприятие человека человеком. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 123 с.
4. Васильева Н.Л. Исследование образов родителей // Вопросы психического здоровья детей и подростков (Научно-практический журнал психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин). 2012 (12). № 2. С. 45—50.
5. Водяха Ю.Е. Сравнительный анализ образа отца и образа матери у подростков с интернет-зависимостью // Педагогическое образование в России. 2015. № 1. С. 119—123.
6. Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
7. Квинн В. Прикладная психология. СПб.: Питер, 2000. 560 с.
8. Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000. 992 с.
9. Кутузова Д.А. Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать // Психология и школа: ежеквартальный научно-практический журнал. 2006. № 4. С. 53—73
10. Писарева А.А. Значимость образов родителей в психологическом консультировании подростка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 105. С. 188—192.

11. *Поливанова К.Н.* Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7. № 3. С. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301
12. *Поливанова К.Н., Бочавер А.А., Нисская А.К.* Взросление пятиклассников: 1960-е vs 2010-е // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 185–205.
13. *Поливанова К.Н., Королева Д.О.* Социальные сети как новая практика развития городских подростков // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. №. 1. С. 173–182.
14. Психология подростка: учебник / Под редакцией А.А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 480 с.
15. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 656 с.
16. *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: «Питер» 2000. 624 с.
17. *Реан А.А.* Психология личности. СПб.: Питер, 2016. 288 с.
18. *Реан А.А.* Восприятие матери: общие тенденции и гендерно-социальные особенности // Национальный психологический журнал. 2017. № 2(26). С. 85–91.
19. *Реан А.А.* Семья в структуре ценностей молодежи // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 1. С. 62–76.
20. *Собкин В.С.* Подросток и политика: изменение ценностных ориентаций // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 180–216.
21. *Собкин В.С., Калашникова Е.А.* Представления об идеалах и антиидеалах у учащихся основной и старшей школы // Человек и образование. 2017. № 2 (51). С. 20–28.
22. *Собкин В.С.* Подросток: включенность в сетевое взаимодействие и отношение к образованию [Электронный ресурс] // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 2. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/6962> (дата обращения 05.10.2017).
23. *Собкин В.С., Мнацаканян М.А.* Отношение современных старшеклассников к политическим лидерам (по материалам психосемантического исследования) // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 4. С. 41–59. doi:10.17759/sps.2015060404
24. *Фельдштейн Д.И.* Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. М.: Флинта, 1999. 672 с.
25. *Щекотуров А.В.* Социализация подростков в эпоху средств массовой коммуникации // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2011. № 1 (21). С. 99–103.
26. *McMahon S. D. et al.* Aggressive and prosocial behavior: Community violence, cognitive, and behavioral predictors among urban African American youth // American Journal of Community Psychology. 2013. Т. 51. № 3–4. С. 407–421.
27. *Molano A. et al.* Selection and socialization of aggressive and prosocial behavior: The moderating role of Social-Cognitive processes // Journal of Research on Adolescence. 2013. Т. 23. № 3. С. 424–436.

Adolescent's socio-cognitive representations (images) of different social groups

A.A. REAN*,

*Institute of Education, National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia,
arean@hse.ru*

I.A. KONOVALOV**,

*Institute of Education, National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia,
ikonovalov@hse.ru*

The article is dedicated to the results of the study, which was aimed at the research of adolescent's socio-cognitive representations (images) of social groups (parents, classmates, teachers, policemen, public officials). 7000 high-school students from different cities and villages of Russia took part at the research. Age: 14–18. Deviant adolescent's socio-cognitive representations (images) are also studied. The sample of deviant adolescents – 127 participants. Method: «80 adjectives» (by A. Rean) technique was used. Contingency table method was used for the evaluation of correlation between adjective choice preferences and the participant's group. χ -square test was used for statistical significance evaluation. The major findings are: adolescents use mostly positive adjectives for description of parents, mostly negative descriptors for policemen and public officials, both for classmates and teachers. Descriptor-choice preferences are found among different groups of participants.

Keywords: social perception, image, adolescents, deviant adolescents.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. i dr. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Moscow: Publ. Aspekt Press, 2001. 290 p.
2. Alekhin A.N., Lokteva A.V., Dubinina E.A. Obraz roditeli u podrostkov, sklonnykh k alkogolizatsii [Alcoholization high risk adolescent's parental image]. *Tyumenskii meditsinskii zhurnal [Tyumenian medical journal]*, 2014, no. 1, pp. 28–30.

For citation:

Rean A.A., Kononov I.A. Adolescent's socio-cognitive representations (images) of different social groups. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 60–80. doi:10.17759/sps.2018090205 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Rean Artur A.* – Member of Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Professor, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, arean@hse.ru

** *Kononov Ivan A.* – research analyst, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ikonovalov@hse.ru

3. Bodalev A.A. Vospriyatie cheloveka chelovekom [Perception of human by a human]. Saint Petersburg: Publ. Leningradskogo universiteta, 1965. 123 p.
4. Vasil'eva N.L. Issledovanie obrazov roditel'ei [Parental image research]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov (Nauchno-prakticheskii zhurnal psikhiatrii, psikhologii, psikhoterapii i smezhnykh distsiplin)* [Research and practice journal of psychiatry, psychology, psychotherapy and related disciplines], 2012 (12), no. 2, pp. 45–50.
5. Vodyakha Yu. E. Sravnitel'nyi analiz obraza ottsa i obraza materi u podrostkov s internet-zavisimost'yu [Comparative analysis of high risk internet addiction adolescent's parental images]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogic education in Russia], 2015, no. 1, pp. 119–123.
6. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya: Uchebnoe posobie [Psychology of family relationships and basic principles of family consulting: Student's book]. Moscow: Gardariki, 2005. 320 p.
7. Kvinn V. Prikladnaja psihologija [Applying Psychology]. Saint Petersburg: Publ. Piter, 2000. 560 p.
8. Krajg G. Psihologija razvitija [Human Development]. Saint Petersburg: Publ Piter, 2000. 992 p.
9. Kutuzova D.A. Travlya v shkole: chto eto takoe i chto mozjno s etim delat'. [School bullying: what is it and what could be done]. *Psikhologiya i shkola: ezhekvartal'nyi nauchno-prakticheskii zhurnal* [Psychology and school: quarterly research and practice journal], 2006, no. 4, pp. 53–73.
10. Pisareva A.A. Znachimost' obraza roditel'ei v psikhologicheskom konsul'tirovanii podrostka [The Role of Parental Image in psychological consulting of adolescents]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Issues of Russian state educational university of A.I. Gertsen], 2009, no. 105, pp. 188–192.
11. Polivanova K.N. Parenting and Parenthoodas Research Domains [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2015. Vol. 7, no. 3, pp. 1–11. doi:10.17759/psyedu.2015070301. (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Polivanova K.N., Bochaver A.A., Nisskaya A.K. Vzroslenie pyatiklassnikov: 1960 e vs 2010-e [The Fifth-grader's moving into adulthood: 1960th vs 2010th]. *Voprosy obrazovaniya* [Education issues], 2017, no. 2, pp. 185–205.
13. Polivanova K.N., Koroleva D.O. Sotsial'nye seti kak novaya praktika razvitiya gorodskikh podrostkov [Social media as a new practice of urban adolescent's development]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation], 2016, no. 1, pp. 173–182.
14. Psikhologiya podrostka. Uchebnik [Psychology of adolescent. Textbook.]. In A.A. Rean (ed.). Saint Petersburg: Praim-Evroznak, 2003. 480 p.
15. Psihologija cheloveka ot rozhdenija do smerti [Human psychology from birth till death]. In F.A. Rean (ed.). Saint Petersburg: Praim-Evroznak, 2002. 624 p.
16. Rajs F. Psihologija podrostkovogo i junosheskogo vozrasta [The adolescent: Development, relationships and culture]. Saint Petersburg: Piter, 2000. 624 p.
17. Rean A.A. Psikhologiya lichnosti [Psychology of personality]. Saint Petersburg: Piter, 2016. 288 p.

18. Rean A.A. Vospriyatie materi: obshchie tendentsii i genderno-sotsial'nye osobennosti [Perception of mother: general trends and gender social characteristics]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]*, 2017, no. 2(26), pp. 85–91.
19. Rean A.A. Sem'ya v strukture tsennosti molodezhi [Attitude of the youth to the institute of family and family values]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 2017. Vol. 14, no. 1, pp. 62–76.
20. Sobkin V.S. Podrostok i politika: izmenenie tsennostnykh orientatsii [An Adolescent and politics: the value's change]. *Voprosy obrazovaniya [Education issues]*, 2008, no. 4, pp. 180–216.
21. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Predstavleniya ob idealakh i antiidealakh u uchashchikhsya osnovnoi i starshei shkoly [Middle and high student's images of ideals and antiideals]. *Chelovek i obrazovanie [Person and Education]*, 2017, no. 2 (51), pp. 20–28.
22. Sobkin V.S. Podrostok: vklyuchennost' v setevoe vzaimodeistvie i otnoshenie k obrazovaniyu [Social media involvement and educational attitudes] [Elektronnyi resurs]. *Kommunikatsii. Media. Dizain [Communications. Media. Design]*, 2017. Vol. 2, no. 2. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/6962> (Accessed 05.10.2017).
23. Sobkin V.S., Mnatsakanyan M.A. Perception of Political Leaders in Modern School Students (A Psychosemantic Research). *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 41–59. doi:10.17759/sps.2015060404. (In Russ., abstr. in Engl.)
24. Fel'dshtejn D.I. Psihologiya vzrosleniya: strukturno-soderzhatel'nye karakteristiki processa razvitiya lichnosti [The psychology of growing up: the structural and content characteristics of the process of personality development]. Moscow: «Flinta», 1999. 672 p.
25. Shchekoturov A.V. Sotsializatsiya podrostkov v epokhu sredstv massovoi kommunikatsii [Adolscent's socialization in the age of social media]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series "Social Sciences"]*, 2011, no. 1 (21), pp. 99–103.
26. McMahon S.D. et al. Aggressive and prosocial behavior: Community violence, cognitive, and behavioral predictors among urban African American youth. *American Journal of Community Psychology*, 2013. Vol. 51, no. 3– 4, pp. 407–421.
27. Molano A. et al. Selection and socialization of aggressive and prosocial behavior: The moderating role of Social-Cognitive processes. *Journal of Research on Adolescence*, 2013. Vol. 23, no. 3, pp. 424–436.

Представления о справедливости и стили воспитания родителей как фактор морального развития подростков

Т.П. АВДУЛОВА*,

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
avdulova@bk.ru*

Д.П. УХАНОВА**,

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
nedasha.net@mail.ru*

Исследуются взаимосвязи между представлениями родителей о справедливости и особенностями морального развития старших подростков. Представлен статистический анализ взаимосвязи между представлениями родителей и подростков о справедливости, где обнаружены положительные значимые связи в отношении выраженности показателей чувствительности к справедливости с четырех позиций (жертвы, свидетеля, нарушителя, бенефициара). Показаны положительные значимые связи между уровнем совестливости подростков и отцов; между компонентами стиля воспитания родителей и показателями чувствительности к справедливости у подростков, а также представлениями подростков о стиле воспитания их родителей. В стиле воспитания родителей наиболее значимыми оказались следующие компоненты: уровень протекции, требований, удовлетворения потребностей и проекция детских качеств на подростка. Обнаружены различия во влиянии воспитательной позиции матерей и отцов на чувствительность к справедливости у подростков, в частности, негативное влияние материнской инфантилизации.

Ключевые слова: *подростковый возраст, чувствительность к справедливости, моральное развитие, стиль воспитания, уровень совестливости.*

Для цитаты:

Авдулова Т.П., Уханова Д.П. Представления о справедливости и стили воспитания родителей как фактор морального развития подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 81–92. doi:10.17759/sps.2018090206

* *Авдулова Татьяна Павловна* — кандидат психологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, avdulova@bk.ru

** *Уханова Дарья Павловна* — магистрант, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, nedasha.net@mail.ru

Постановка проблемы исследования

Вопросы морального развития в подростковом возрасте актуальны не только с практической точки зрения в связи с расширением психологического сопровождения социализации и формирования ценностных ориентиров. Понимание механизмов морального развития как вершины формирования сознания и становления личности проливает свет на общетеоретические закономерности развития психики в отрочестве и юности, отражая процессы синтеза и интеграции, которые в классической психологии были зашумлены интенсивным изучением кризисных явлений и конфликтов в детско-родительских отношениях.

Развитие моральной позиции в отрочестве обеспечивается динамичным социальным и личностным самоопределением, принципиальными изменениями в мировоззрении и убеждениях, а отношения взрослого субъекта с миром все больше опосредуются нравственными представлениями. Вместе с тем этическая картина мира в значительной степени формируется по модели предрешенной идентичности, отражая семейные представления и ценности. Доминирующей является позиция, согласно которой моральное сознание и поведение подростков формируются преимущественно под влиянием сверстников или уровня интеллекта, который, в свою очередь, определяет развитие морального сознания и суждений [12]. В психологии недостаточно эмпирических исследований, где выделялась бы ответственность предыдущего поколения в процессе становления моральной позиции у подростков, исследовался фактор родительской позиции.

Традиционные представления о сепарации подростков как магистральной линии развития ведут к дифференцированному анализу и их моральных представлений, тогда как в реальности картина моральной позиции подростков в значительной степени остается связанной с позицией родителей. Определяющие для развития в отрочестве процессы интеграции личности вбирают, пропуская через субъекта, родительские конструкты, касающиеся представлений о справедливости, о должном. В этом контексте нам представляется принципиально важным изучать представления о справедливости самих родителей как прямого фактора морального развития подростков.

В.С. Собкин, опираясь на результаты исследования представлений современного российского подростка о значимых личностных качествах, делает вывод, что явными доминантами из многообразия характеристик являются такие качества, как доброта, честность, уважение к другим, мужество, патриотизм. «Блок, объединяющий моральные качества, является наиболее важным, причем его значимость определяется не только частотой упоминания входящих в него характеристик, но и их семантическим разнообразием» [8, с. 49].

Внутри семейного фактора можно выделить такие значимые для морального развития показатели отношений, как взаимное уважение, интенсивность и качество общения родителей с детьми, характер обратной связи и дисциплинирующих воздействий. Подчеркивается также значение доверительных отношений и эмоциональной привязанности. Наряду с этим, естественным фактором становится собственная нравственная позиция родителей, регулируемая представлениями о справедливости, которые могут быть оценены как с точки зрения

значимости (уровня), так и через определение субъективной позиции, т. е. того, «... какой личный опыт проецирует (субъект) на готовность быть обиженным, чувствовать себя защитником слабых или проявлять великодушие в ущерб собственным интересам» [6, с. 25].

Кроме того, в современных исследованиях мы находим ряд подтверждений сохраняющегося глубокого влияния родителей на развитие старших подростков. Так, исследование удовлетворенности различными сферами жизни, а также изучение самоотношения и доверия к себе в разных сферах показало значимое влияние родителей и более высокий уровень положительных показателей у подростков, воспитывающихся в семьях, в сравнении с подростками из учреждений социального обеспечения (детских домов) [4]. Показано, что родительский стиль воспитания влияет на просоциальную мотивацию у подростков, но при условии согласованности и авторитетности позиции обоих родителей [4].

Справедливость представляет собой базовое моральное качество личности, регулирующее представления человека о себе, его поведение и отношения с окружением. С.К. Нартова-Бочавер, анализируя исследования справедливости, заключает, что «... люди стремятся уравнять друг друга в распределении благ, и это стремление столь сильно, что они готовы ради него поступиться даже частью собственных преимуществ» [6, с. 17]. Понимание справедливости и проявления активности, направленной на восстановление справедливости, изучаются в современной психологии во взаимосвязи с индивидуальными качествами личности и когнитивными представлениями, но фактически не исследовались как транслируемая позиция, как формируемая

картина мира. Особую ценность влияние семьи приобретает, парадоксальным образом, в современном поликультурном пространстве, когда однозначные социокультурные нормы уже не могут быть основанием нравственности [5].

Классическое исследование М. Хоффмана о влиянии стиля воспитания на моральное развитие детей показало преимущественную роль стратегий индукции по сравнению со стратегиями лишения любви или принуждающего требования. Моральная зрелость детей формировалась под воздействием объяснений, подчеркивающих вред для окружающих определенных действий и с помощью обоснований репарационных действий [9]. В отношении других воспитательных воздействий были обнаружены отрицательные корреляции.

В исследованиях Е. Палмер и С. Холлин важнейшими компонентами семейного воспитания, связанными с моральным развитием, являются контроль за поведением ребенка и эмоциональное отношение, т. е. базовые стилистические характеристики воспитания. Высокие показатели контроля, сопряженные с эмоциональной зависимостью (несамостоятельностью), значимо связаны с низкими показателями морального развития, особенно для девочек [11].

О.А. Гулевич, обобщая отечественные и зарубежные исследования, выделяет ряд условий моральной социализации [2]:

- включение черт, связанных с различными моральными нормами, в Я-концепцию;
- наличие социального контроля со стороны других людей;
- наличие поведенческих навыков, необходимых для совершения действия;
- умение правильно интерпретировать конфликтную ситуацию, понимать характер отношений между участниками;

— принятие человеком ответственности за свое поведение и действия других людей;

— эмпатия по отношению к жертве;

— отсутствие квази-обязательств перед другими членами своей группы.

Большинство выделенных условий возникают и осуществляются в семейных отношениях, становясь основой морального развития подростка.

С другой стороны, такие известные авторы как Д. Юм, Дж. Ролз, М. Сэндел [7] ставят под сомнение роль семьи в формировании представлений о справедливости и вообще выводят семью за границы справедливости, подчеркивая неравенство, нарушение паритетов, искажение правил морали в семье. Соответственно, в нашем исследовании мы ставили вопрос о родительском влиянии на представления подростков о справедливости и о влиянии компонентов стиля воспитания как механизма присвоения правил справедливости в семье.

Целью исследования было изучение взаимосвязи между представлениями родителей о справедливости и особенностями морального развития старших подростков. Исследование было направлено на проверку следующих **гипотез**: 1) подростки в своих представлениях о справедливости воспроизводят представления родителей о справедливости;

2) чувствительность подростков к справедливости взаимосвязана со стилем воспитания, реализуемом родителями в отношении подростков.

Процедура исследования

В исследовании принимали участие 27 полных семей. Респондентами выступили 27 подростков в возрасте от 16 до 17 лет и 54 взрослых (отцы и матери подростков) в возрасте от 37 до 45 лет. Всего исследованием были охвачены 81 респондент. Средний возраст подростков — 16 лет 2 месяца. Средний возраст родителей — 39 лет. Структура исследования отражена в табл. 1, где показаны применявшиеся методики для подростков и их родителей.

Чувствительность к справедливости оценивалась по четырем показателям: с позиции жертвы, с позиции свидетеля, с позиции нарушителя и с позиции бенефициара. По данным автора методики и других исследователей, между четырьмя показателями измерения чувствительности к справедливости, с одной стороны, существует значимая связь, а с другой стороны, они отражают разные реакции субъекта на несправедливость. Особенно отличается позиция жертвы, которая отражает идентификацию с не-

Таблица 1

Методики исследования

Родители	Подростки
Чувствительность к справедливости (М. Шмитт, адаптация С.К. Нартовой-Бочавер)	Чувствительность к справедливости (М. Шмитт, адаптация С.К. Нартовой-Бочавер)
Шкала совестливости (В.В. Мельников, Л.Т. Ямпольский)	Шкала совестливости (В.В. Мельников, Л.Т. Ямпольский)
Анализ семейных взаимоотношений (АСВ) (Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис)	Родителей оценивают дети (зеркальное АСВ) (И.А. Фурманов и А.А. Аладыин)

справедливостью и ее прямое переживание.

По методикам «АСВ» и «Зеркального АСВ» анализировались следующие компоненты стиля: гиперпротекция (Г+), гипопротекция (Г-), степень удовлетворения потребностей ребенка (шкалы У+ и У-), уровень требований (шкалы Т+ и Т-), уровень запретов (З+ и З-), строгость санкций (шкалы С+ и С-), предпочтение в подростке детских качеств (ПДК), воспитательная неуверенность (ВН) и фобия утраты ребенка (шкала ФУ).

Шкала совестливости позволяет оценить уровень общей ориентации на моральные нормы и правила.

При анализе результатов исследования использовались непараметрический U-критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ по критерию Пирсона с помощью статистического пакета программ SPSS 20.0 for WINDOWS.

Основные результаты и их интерпретация

На рис. 1 приведены процентные соотношения высокого, среднего и низкого

уровня проявления основных позиций в отношении чувствительности к справедливости в родительской группе.

Когда мы рассматриваем показатели дифференцированно, а не по средним значениям, то очевидно, что достаточно большое количество родителей проявляют чувствительность к несправедливости с позиции нарушителя, реже всего высокие значения обнаруживаются при идентификации с позицией бенефициара.

Распределение уровней чувствительности к различным позициям в отношении справедливости подростков представлено на рис. 2.

Исходя из данных, представленных на рис. 2, можно с уверенностью сказать, что доминирующей для подростков является позиция бенефициара, при этом процент низких значений по этой категории минимальный (11%). Реже всего подростки идентифицируют себя с позицией нарушителя по отношению к справедливости (максимальный процент низких значений по категории «нарушитель»), т. е. в основном подростки испытывают чувство вины в ситуациях, когда, например, они кого-то используют и активно реагируют на ситуацию несправедливости со стороны нару-

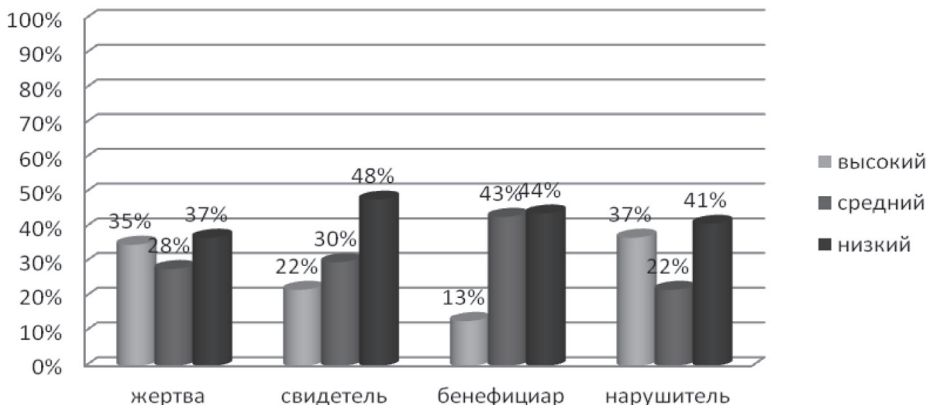

Рис. 1. Распределение уровней чувствительности к справедливости родителей

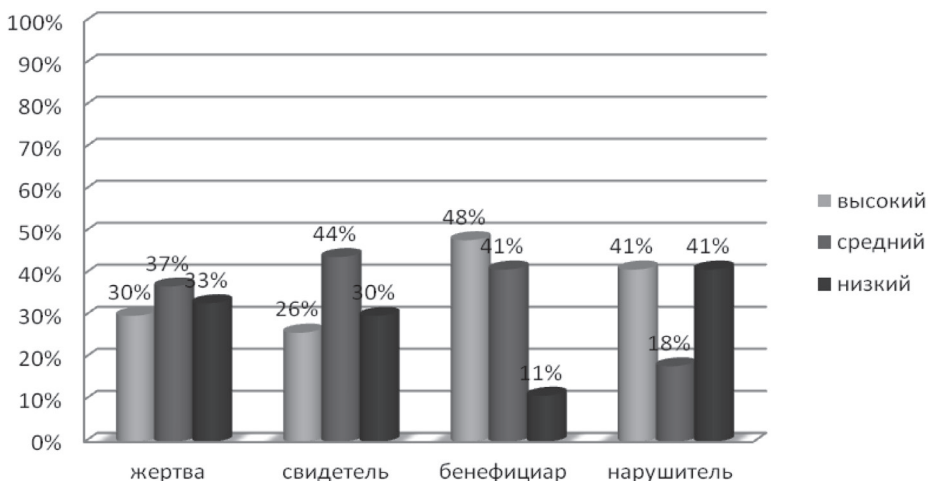

Рис. 2. Распределение уровней чувствительности к справедливости у подростков

шителя. В отношении позиции жертвы высокие значения продемонстрировали 30% испытуемых. В целом, подростки демонстрируют существенно более высокий уровень чувствительности к справедливости в сравнении с родителями, т. е. чаще откликаются на ситуации несправедливости.

Данные статистического анализа взаимосвязи чувствительности к справедливости для подростков и родителей отражены в табл. 2.

Статистический анализ данных подтвердил высокую положительную связь

между чувствительностью к справедливости родителей с позиций жертвы, свидетеля, бенефициара и нарушителя, с одной стороны, и чувствительностью к справедливости подростка с тех же позиций, — с другой. Чем выше уровень выраженности той или иной позиции у родителя, тем выше эта позиция выражена у подростка. Тем самым была надежно подтверждена первая исследовательская гипотеза о том, что подростки в своих представлениях о справедливости воспроизводят представления родителей о справедливости.

Таблица 2

Корреляции между чувствительностью к справедливости у подростков и их родителей

Подростки	Родители	r	p
Чувствительность бенефициара	Чувствительность бенефициара у отцов	,963	≤0,01
	Чувствительность бенефициара у матерей	,892	≤0,01
Чувствительность жертвы	Чувствительность жертвы у отцов	,976	≤0,01
	Чувствительность жертвы у матерей	,853	≤0,01
Чувствительность нарушителя	Чувствительность нарушителя у отцов	,680	≤0,01
	Чувствительность нарушителя у матерей	,599	≤0,01
Чувствительность свидетеля	Чувствительность свидетеля у отцов	,958	≤0,01
	Чувствительность свидетеля у матерей	,590	≤0,01

Исследование взаимосвязи стиля родительского воспитания и особенностей моральной позиции у подростков отражены в табл. 3. Помимо компонентов стиля воспитания отцов (индекс «о») и матерей (индекс «м») мы также проанализировали связь с собственными представлениями подростков о родительском воспитании, основываясь на данных «Зеркального АСВ». Эти показатели даны с индексом «подростки» (подр).

На высокую чувствительность подростка к справедливости с позиции жертвы, т. е. доминирование переживания жалости, влияют такие компоненты стиля родительского воспитания, как: «искусственная инфантилизация» ребенка с материнской стороны (ПДК_м), гиперпротекция со стороны отца (обратная зависимость), минимальные родительские требования, по мнению самого подростка. Прямая значимая связь между ПДК_м и чувствительностью жертвы у подростков говорит о том, что чем больше мать стимулирует сохранение в подростковом возрасте таких детских чувств, как непосредствен-

ность, наивность и т. д., тем выше у подростка будет выражена чувствительность к несправедливости в отношении жертвы, т. е. восприятие несправедливости через призму жалости к жертве.

Аналогично и с недостаточностью требований к подростку. Чем меньше, с точки зрения подростка, обязанностей в семье он будет иметь, тем больше будет выражена его чувствительность жертвы.

Чувствительность жертвы обнаруживает для подростков отрицательную корреляцию, связанную с гиперпротекцией отца. Чем меньше своего внимания, времени и сил отец тратит на подростка, тем выше уровень сформированности у подростка позиции жертвы по отношению к справедливости. Таким образом, преимущественная готовность идентифицироваться с жертвой ниже у подростков, отцы которых активно включены в воспитание, поддерживают подростка.

В этом контексте важно вспомнить, что в ряде исследований убедительно показана общая тенденция пассивности и

Таблица 3

Корреляции между чувствительностью к справедливости у подростков и компонентами стиля воспитания родителей, а также показателями «Зеркального АСВ» у подростков

Подростки	Родители Подростки	r	p
Чувствительность жертвы	ПДК _м	,760	≤0,01
	Г _о ⁺	-,589	≤0,05
	Т _{подр} ⁻	,790	≤0,01
Чувствительность свидетеля	ПДК _м	,627	≤0,05
	У _м ⁻	,576	≤0,05
	С _м ⁻	-,694	≤0,05
	Т _о ⁺	-,810	≤0,01
	ФУ _о	-,594	≤0,05
Чувствительность нарушителя	ВН _о	-,689	≤0,05

подмены реального поведения внешними эмоциональными проявлениями в ситуациях несправедливости для субъектов, демонстрирующих чувствительность жертвы [6]. Кроме того, доминирующая чувствительность жертвы определяет страх субъекта самому не оказаться в ряду обиженных, что, в свою очередь, ведет к низкой просоциальной активности и высокой вероятности эгоистического поведения» [10].

На высокую выраженность позиции свидетеля по отношению к справедливости влияют такие факторы родительского воспитания, как проекция детских качеств, игнорирование потребностей подростка и минимальность санкций со стороны матери, чрезмерность требований-обязанностей и фобия утраты ребенка со стороны отца. Иными словами, статистически значимая зависимость наблюдается между выраженной чувствительностью подростка-свидетеля и пренебрежением потребностями подростка, а также его психологической инфантилизацией со стороны матери.

Недостаточное стремление родителя к удовлетворению потребностей подростка, зачастую связанных с моральным развитием (например, потребность в эмоциональном контакте и общении), так же как неготовность матери принимать факт взросления подростка ведут к высокой чувствительности подростка к справедливости с точки зрения свидетеля, т. е. позиции невмешательства при нарушении справедливости.

Обратные корреляции между чувствительностью к справедливости у подростков и компонентами стиля воспитания родителей были выявлены для позиции крайне редкого применения наказаний со стороны матерей. Также фобия утраты ребенка и чрезмерность

требований-обязанностей отрицательно коррелируют с чувствительностью свидетеля. Чем больше указаний отца на то, что можно делать, а что нельзя поступает в адрес ребенка, тем самым лишая его всякой самостоятельности в выборе способа поведения, тем меньше у подростка выражена чувствительность к справедливости. Низкий уровень чувствительности свидетеля говорит о том, что субъект не включается в переживания по поводу несправедливости в отношении других людей. Позиция свидетеля является наименее вовлеченной в моральный конфликт по сравнению с тремя другими.

На высокий уровень чувствительности к справедливости с позиции нарушителя влияет фактор отцовской воспитательной неуверенности. В ситуации, когда отец берет на себя вину в совершении воспитательных ошибок, когда он позволяет подростку собой манипулировать и пасует перед доминирующей позицией ребенка, у подростка не возникает чувства вины, когда он, например, обогащается за счет другого. Чем в большей степени родитель «идет на поводу» у ребенка, тем в меньшей степени у подростка проявляется чувствительность к справедливости со стороны нарушителя.

Отметим, что наиболее благоприятная позиция чувствительности бенефициара у подростков не обнаружила значимых корреляций ни с одним компонентом стиля воспитания родителей.

Таким образом, вторая исследовательская гипотеза, направленная на оценку влияния стиля воспитания родителей на чувствительность подростков к справедливости нашла свое подтверждение. Основываясь на теоретическом обзоре и понимании закономерностей возрастного развития, с одной стороны, мы понимаем, что корреляционные свя-

зи позволяют говорить только о взаимосвязи переменных. С другой стороны, первичность родительской воспитательной позиции, родительского отношения и родительских образцов в онтогенезе, доказанность родительского влияния по другим показателям развития свидетельствуют о наличии влияния родительской позиции на представления подростков о справедливости.

Важно отметить также значимую положительную связь между уровнем совестливости у подростков и уровнем совестливости у отцов ($r = ,676$ при $p \leq 0,05$). Данный показатель также усиливает роль родительского фактора в моральном развитии подростков. Корреляций с уровнем совестливости матерей не обнаружено. Наоборот, обнаружены отрицательные связи между уровнем совестливости у подростков и чувствительностью бенефициара у матерей ($r = -,673$ при $p \leq 0,05$), а также чувствительностью свидетеля у матерей ($r = -,539$ при $p \leq 0,05$).

Оценка значимости различий осуществлялась при сравнении показателей у мальчиков-подростков и девочек-подростков. Значимые различия не были обнаружены ни по одному из показателей. Влияние пола на представления о справедливости и зависимость от родительской позиции в нашем исследовании выявлены не были.

Заключительные выводы

Формирование чувствительности к справедливости у подростков осуществляется в системе родительских ценностей и той системы воспитательных воздействий, которые фактически становятся механизмом ранжирования и при-

своения отношения к справедливости как субъективного регулятора. В зависимости от присваиваемой позиции в отношении справедливости формируется и поведение подростков. Гипертрофированная детская позиция подростка связана с формированием преимущественной ориентации на позицию жертвы в ситуациях несправедливости, связана как с родительскими образцами, так и с механизмами воспитательного воздействия, ограничивающими самостоятельность и независимость подростка. А такая позиция, как чувствительность нарушителя, отрицательно связана с воспитательной неуверенностью отцов, т. е. уверенная включенность отцов в воспитание подростков обеспечивает достаточно высокий уровень чувствительности нарушителя. Чувствительность к справедливости с позиции нарушителя обеспечивает достаточно активную моральную позицию субъекта и готовность вмешиваться в ситуации несправедливости.

В целом, по данным нашего исследования, отцы играют более важную роль в формировании положительной моральной идентичности у подростков, тогда как материнская опека задерживает развитие этого вектора.

На наш взгляд, дифференциация чувствительности к справедливости задает амбивалентную связь между ценностью справедливости как таковой и моделями ее реализации, отражая базовое противоречие, по сути, конфликт между ценностью справедливости и средствами ее достижения. Здесь уместно вспомнить слова известного современного философа, подчеркивающие это различие цели и средства: «Даже если признать, что насилие может вести к справедливости, то это вовсе не значит, будто оно само является справедливым делом»

[3, с. 39]. Выделение в чувствительности к справедливости различных позиций отражает активный поиск субъектом тех средств, которые он считает адекватными для достижения справедливости. А родительские образцы и система воспитания определяют условия, в которых подросток интериоризирует свою модель справедливости.

Нам еще предстоит определить, как формируются позиции справедливости у подростков в неполных семьях и как связано чувство справедливости с реальным поведением в отношении различных субъектов общения, насколько устойчивой является эта позиция и какое место она занимает в общей структуре моральной идентичности личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головей Л.А., Данилова М.В., Данилова Ю.Ю. Самоотношение и отношения со значимыми взрослыми как факторы удовлетворенности жизнью у подростков // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 108–125. doi:10.17759/sps.2017080107.
2. Гулевич О.А. Основные стадии моральной социализации // Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010. С. 52–66.
3. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасиления // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35–41.
4. Кармакар Р. Зависимость просоциальной мотивации подростков от восприятия ими последовательности родительского воспитания // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 2. С. 101–115. doi:10.17759/sps.2017080207
5. Мироненко И.А. Проблема нравственности в современной российской психологии // Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 15–28.
6. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. № 1. С. 16–32.
7. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, изд-во НГУ, 1995. 535 с.
8. Собкин В.С., Буреломова А.С., Смылова М.М. Представления современного российского подростка о значимых личностных качествах // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 44–55.
9. Hoffman M.L. Moral Development // Carmichael's manuals of child psychology / In P.H. Mussen (Ed.), New York. 1970. Vol. 2. P. 712–722.
10. Lotz S., Baumert A., Fechtenhauer D., Gresser F., Schlusser T. Justice Sensitivity, Moral Emotions, and Altruistic Punishment [Электронный ресурс]. IACM 23rd Annual Conference Paper. SSRN. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1612791 (дата обращения: 1.12.2017).
11. Palmer E.J., Hollin C.R. Sociomoral reasoning perceptions of parenting and self-reported delinquency in adolescents // Applied Cognitive Psychology. 2001. Vol. 37. P. 822–829.
12. Siegler R. Children's Thinking (2-nd ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1991. 528 p.

Representations of justice of parents as factor of moral development of teenagers

T.P. AVDULOVA*,
Moscow pedagogical state university, Moscow, Russia,
avdulova@bk.ru

D.P. UKHANOVA**,
Moscow pedagogical state university, Moscow, Russia,
nedasha.net@mail.ru

Interrelations between representations of parents of justice and features of moral development of the senior teenagers are investigated. The statistical analysis of interrelation between representations of parents and teenagers of justice where positive correlations concerning level of indicators of sensitivity to justice from four positions are found (the victim, the perpetrator, the observer and the beneficiary) is submitted. Positive significant interrelation between the level of conscience of teenagers and fathers are shown; between components of style of education of parents and indicators of sensitivity to justice of teenagers and also representations of teenagers of style of education of their parents. In style of education of parents the most significant were following components: level of a patronage, requirements, satisfactions of needs and projection of children's qualities to the teenager. Differences in influence of an educational position of mothers and fathers on sensitivity to justice are found in teenagers, in particular negative impact of a maternal infantilization.

Keywords: *teenagers, sensitivity to justice, moral development, style of education, level of conscience.*

REFERENCES

1. Golovei L.A., Danilova M.V., Danilova Y.Y. Samootnoshenie i otnosheniya so znachimymi vzroslymi kak faktory udovletvorennosti zhizn'yu u podrostkov [The self-relation and the relations with significant adults as factors of satisfaction with life of teenagers]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society]*, 2017, Vol. 8, no. 1, pp. 108–125. doi:10.17759/sps.2017080107.

For citation:

Avdulova T.P., Ukhanova D.P. Representations of justice of parents as factor of moral development of teenagers. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 81–92. doi:10.17759/sps.2018090206 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Avdulova Tatyana P.* — PhD in Psychology, associate professor, Moscow pedagogical state university, Moscow, Russia, avdulova@bk.ru

** *Ukhanova Daria P.* — undergraduate, Moscow pedagogical state university, Moscow, Russia, nedasha.net@mail.ru

2. Gulevich O.A. Osnovnye stadii moral'noi sotsializatsii [Main stages of moral socialization]. In A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich (ed.). *Psikhologiya npravstvennosti*. Moscow: Publ. «IPRAN», 2010, pp. 52–66.
3. Guseinov A.A. Ponyatiya nasiliya i nenasiliya [Concepts of violence and non-violence]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 1994, no. 6. pp. 39.
4. Karmakar R. The impact of perception of consistency and inconsistency in parenting style on pro-social motives of adolescents. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 101–115. doi:10.17759/sps.2017080207. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Mironenko I.A. Problema npravstvennosti v sovremennoi rossiiskoi psikhologii [Morality problem in modern Russian psychology]. In Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (ed.). *Psikhologiya npravstvennosti*. Moscow: Publ. «IPRAN», 2010, pp. 15–28.
6. Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B. Psikhologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoi personologii: teorii i empiricheskie issledovaniya [Theories and empirical researches of justice in the foreign personality psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2014, no. 1, pp. 16–32.
7. Rawls J. Teoriya spravedlivosti [A Theory of Justice]. Novosibirsk: Publ. NGU, 1995. 535 p.
8. Sobkin V.S., Burelomova A.S., Smyslova M.M. Modern Russian Adolescents' Notions of Significant Personal Traits. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2011, no. 1, pp. 44–55. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Hoffman M.L. Moral Development. In P.H. Mussen (Ed.), *Carmichael's manuals of child psychology*. New York, 1970. Vol. 2, pp. 712–722.
10. Lotz S., Baumert A., Fechtenhauer D., Gresser F., Schlösser T. Justice Sensitivity, Moral Emotions, and Altruistic Punishment. IACM 23rd Annual Conference Paper. SSRN. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1612791 (дата обращения: 1.12.2017).
11. Palmer E.J., Hollin C.R. Sociomoral reasoning perceptions of parenting and self-reported delinquency in adolescents. *Applied Cognitive Psychology*, 2001. Vol. 37, pp. 822–829.
12. Siegler R., *Children`s Thinking* (2-nd ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1991. 528 p.

Динамика развития субъектности студентов и учебных групп на различных этапах обучения в вузе

А.С. ЯРОЦКАЯ*,
ФГАОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,
a.s.yarockaya@gmail.com

Статья посвящена проблеме развития субъектности будущих специалистов в вузе. Учебная студенческая группа исследуется в качестве среды для развития субъектности студентов и общности, обладающей собственным субъектным потенциалом. В качестве сущностных характеристик субъектности малой учебной студенческой группы исследуются: уровень развития групповой субъектности, взаимосвязанность — взаимозависимость членов группы, способность группового субъекта проявлять различные формы совместной активности и способность малой студенческой группы выступать субъектом саморефлексии. На выборке из 24 учебных студенческих групп (N = 364 студента очного отделения, возраст от 17 до 25 лет) выявлены средние и процентные показатели уровня развития субъектности студентов на различных курсах обучения. Исследование взаимосвязи уровня развития субъектности студентов и субъектных характеристик малых учебных групп, уровня развития групповой субъектности позволило выявить и описать качественные особенности, динамику развития субъектности учебных групп и будущих специалистов в ходе шестилетнего обучения.

Ключевые слова: *шестилетнее обучение в вузе, малая учебная студенческая группа, будущий специалист, динамика развития субъектности, уровень развития субъектности малой группы, уровень развития субъектности личности.*

Для цитаты:

Яроцкая А.С. Динамика развития субъектности студентов и учебных групп на различных этапах обучения в вузе // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 93–109. doi:10.17759/sps.2018090207

* Яроцкая Анастасия Сергеевна — аспирант, кафедра социальной психологии, Таврическая академия (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»), Симферополь, Россия, a.s.yarockaya@gmail.com

Введение

Как известно, современные социальные процессы характеризуются быстротой, изменчивостью и нестабильностью. Поэтому прогнозирование и процесс выработки долгосрочной стратегии профессионального совершенствования существенно осложняется [7]. Так, например, в «Атласе новых профессий» междисциплинарность и многофункциональность профессий являются основным трендом, а способность работать в условиях неопределенности становится одной из ключевых компетенций [4]. Востребованность коллективных форм организации трудового процесса (например, создание проектных команд) и необходимость в специалистах, готовых обучаться самостоятельно в течение жизни, отражают основные тенденции на мировом и российском рынке труда [6; 31]. В связи с этим перед современным высшим образованием стоит комплексная цель — развивать у будущих специалистов профессиональные и личностные компетенции, способствующие успешной трудовой деятельности в условиях неопределенности. Так, например, во ФГОС третьего поколения для высшего образования существенная роль отводится формированию общекультурных и общепрофессиональных социально-личностных компетенций эффективного межличностного взаимодействия, самоорганизации и самоуправления [28]. Особенно актуальным становится развитие у будущих специалистов таких личностных качеств как: способность проявлять инициативу в профессиональной сфере и нести ответственность за принятые решения, умение сотрудничать и самостоятельно обучаться, способность создавать собственный продукт и анализировать процесс его создания, осознавать возмож-

ности и ставить достижимые цели, развивать свои профессиональные навыки в долгосрочной перспективе.

Очевидно, что профессиональное становление в современных условиях требует от будущих специалистов развития рефлексии, самоопределения и саморегуляции, которые реализуются благодаря субъектно-объектной сущности человека [1; 5; 19; 20; 22; 32]. В свою очередь, субъектность, или способность личности преобразовывать себя и внешнюю среду в соответствии с внутренней мотивацией и ограничениями действительности, может быть выражена в различной степени и развита в определенных условиях. Важно отметить, что проблема развития субъектности будущих специалистов в ходе получения высшего образования не является принципиально новой. Различные подходы и системы высшего образования различаются по степени опоры на «самостоятельность» студентов в учебно-воспитательном процессе, но, так или иначе, задействуют субъектный потенциал студентов.

Традиционно данная проблема исследовалась и решалась в русле педагогики и педагогической психологии. Однако в настоящее время в рамках новой области научного знания и психологической практики — социальной психологии образования — предлагается несколько иной взгляд на проблему личностного и профессионального развития студентов. Возрастные, индивидуальные аспекты профессионального и личностного становления студентов изучаются в контексте корпоративной культуры образовательной среды, с учетом внутригрупповых и межгрупповых взаимоотношений [2; 3; 15; 16]. И действительно, такой интегративный взгляд на учебно-воспитательный процесс необходим, поскольку, малые учебные группы являются непосредственной средой для

развития студентов и существуют достаточно длительное время, чтобы существенно повлиять на личность и субъектность будущих специалистов.

В отечественной и современной российской психологии исследовались различные аспекты жизнедеятельности учебных студенческих групп, а также взаимосвязь свойств учебной группы и личностных качеств, навыков студентов. В отдельных исследованиях изучается влияние учебной студенческой группы на ценностно-мотивационную сферу, успеваемость, нравственное самоопределение, лидерские качества студентов [8; 30].

В рамках теории интрагруппового структурирования ряд исследований посвящен типологии и развитию статусно-ролевых структур учебной группы [13; 14; 15; 16; 21]. В частности, установлено, что занимаемая студентом в малой учебной группе статусная позиция и система отношений межличностной значимости опосредуют успешность образовательного процесса [16]; способность студентов осознавать свое место в статусно-ролевой структуре малой учебной группы изменяется в ходе обучения, а также различается у среднестатусных студентов, лидеров и аутсайдеров [14]; среднестатусные студенты выполняют объединяющую функцию по отношению к другим статусно-ролевым стратам [21] и т. д.

В микрогрупповой теории взаимозависимость между студентами и характеристиками их учебных групп раскрывается через влияние неформальных подгрупп на процессы и феномены групповой динамики [23; 24; 25; 26]. Так, социально-психологическая адаптация индивидов, групповая и микрогрупповая идентичность студентов, сплоченность и доверие исследуются как феномены групповой динамики, опосредованные статусно-ролевой

структурой микрогрупп и членством индивида в неформальной подгруппе [24].

Динамика развития субъектности малой учебной группы в образовательном учреждении в большей степени была раскрыта в ряде работ [9; 10; 11; 15; 17; 18; 27; 29]. Важно отметить, что в настоящее время принято различать поэтапное и поуровневое развитие группового субъекта. Если под поэтапным развитием группового субъекта подразумевается смена периодов жизнедеятельности группы, которые имеют свои качественные особенности, обусловленные внешними социальными условиями и внутригрупповой динамикой, то поуровневое развитие группы представляет собой качественное и количественное соотношение характеристик групповой субъектности, которые позволяют групповому субъекту проявлять различные виды совместной активности более эффективным способом, достигать качественно иного уровня интеграции и самоорганизации [10]. В рамках социально-психологической концепции группового субъекта было установлено, что в ходе пятилетнего обучения развитие групповой идентичности студентов взаимосвязано с развитием самоидентичности учебных групп и заключается в изменении соотношения и степени выраженности их компонентов; уровень развития самосознания группового субъекта повышается с увеличением длительности его существования; преобладание различных видов совместной активности на различных этапах обучения соотносено с доминирующим типом групповой субъектности («потенциальной», «реальной», «рефлексирующей», по А.Л. Журавлеву) [10; 12].

Как показывает комплексный анализ источников, проблема взаимосвязи свойств учебной группы и личностных качеств, навыков студентов раскрыта

не полностью. Наиболее актуальным ее аспектом, на наш взгляд, является динамический аспект развития субъектности учебных групп и студентов. Поэтому основная **цель** данного исследования заключалась в том, чтобы выявить качественные особенности взаимосвязи субъектности учебных групп и субъектности студентов на различных этапах шестилетнего обучения.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что сила взаимосвязи между уровнем развития субъектности студентов и субъектными характеристиками, уровнем развития субъектности их учебных групп изменяется на различных курсах обучения в вузе.

Программа исследования

Выборку эмпирического исследования составили 364 студента очного отделения с первого по четвертый курс бакалавриата, первого и второго курсов магистратуры, 24 учебные группы факультета психологии, географического, физического факультетов Таврической академии КФУ имени В.И. Вернадского, г. Симферополь. Возраст испытуемых 17–25 лет. Форма организации эмпирического исследования – срезовая.

В качестве диагностического инструментария использовались следующие **методики**.

- Тест-опросник «Уровни развития группового субъекта» К.М. Гайдар (индивидуальный вариант), который разработан в рамках концепции социально-психологической зрелости группового субъекта Л.И. Уманского и социально-психологической концепции группового субъекта К.М. Гайдар. Шкалы опросника отображают такие параметры, как: орга-

низационное, интеллектуальное, волевое и эмоциональное единство малой группы; направленность и подготовленность группы к совместной деятельности; тип самовосприятия группового субъекта. Сочетание и степень выраженности описанных выше параметров резюмируются в пяти соответствующих уровнях развития группового субъекта: досубъектном – низком; квазисубъектном – ниже среднего; мезосубъектном – среднем; просубъектном – выше среднего; протосубъектном – высоком [9].

- Тест-опросник «Типы группового субъекта» К.М. Гайдар (индивидуальный вариант), в основу которого положена типологическая концепция группового субъекта А.Л. Журавлева. Шкалами опросника служат три сущностные характеристики группового субъекта: «взаимосвязанность и взаимозависимость членов группы», «способность группового субъекта проявлять различные формы совместной активности», «групповая саморефлексивность» [9].

- Тест-опросник «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)» М.А. Щукиной, отражающий уровень развития внеситуативной субъектности личности. Суммарный показатель субъектности личности складывается из показателей следующих шкал: активность–реактивность, автономность–зависимость, целостность–неинтегративность, опосредованность–непосредственность, креативность–репродуктивность, самооценочность–малоценность. Статистические нормы методики отображают три уровня развития субъектности – низкий, средний, высокий [32].

Для количественной обработки данных использовались методы математической статистики: Т-критерий Стьюдента для независимых выборок, коэффициент корреляции г Пирсона.

Результаты исследования

Для анализа динамики развития субъектности студентов на различных этапах обучения обратимся к показателям процентного соотношения уровней развития субъектности личности (табл. 1).

Опираясь на данные табл. 1, мы можем отметить следующие тенденции. Во-первых, процент студентов с низким уровнем развития субъектности постепенно снижается в ходе обучения и на последних курсах достигает минимальных показателей. Во-вторых, средний уровень развития субъектности преобладает на всех этапах обучения, однако процентные показатели изменяются не линейно. Начиная со второго и вплоть до четвертого года обучения, процент студентов со средним уровнем развития субъектности личности снижается — на фоне повышения показателей высокого уровня развития субъектности и снижения процента студентов с низким уровнем развития субъектности личности. Однако для первого курса магистратуры характерна другая картина: показатели среднего уровня развития субъектности студентов вновь повышаются и достигают своего максимума (74,62%) — на фоне снижения показателей низкого и высокого уровня развития субъектности. В-третьих, показатели высокого уровня развития субъектности студентов также изменяются в ходе обучения не линейно. Если для первого и второго года обучения процент студентов с высоким уровнем развития субъектно-

сти практически не различается (14,06% и 14,03% соответственно), то на третьем и четвертом курсах наблюдается существенное повышение процентных показателей (20,96% и 29,41% соответственно). В то же время для первого курса магистратуры характерно снижение процента студентов с высоким уровнем развития субъектности (фактически на 10%). Однако на втором курсе магистратуры процент студентов с высоким уровнем развития субъектности вновь повышается на 9,17% в сравнении с показателями предыдущего курса.

В целом, показатели среднего уровня развития субъектности личности изменяются в пределах 60–74% в зависимости от курса обучения; для показателей низкого уровня развития субъектности характерно постепенное уменьшение (от 15,62% на первом курсе бакалавриата до 5,97%, 6,34% на первом и втором курсах магистратуры соответственно); процент студентов с высоким уровнем развития субъектности неравномерно увеличивается, достигая максимальных показателей на четвертом курсе бакалавриата (29,41%) и втором курсе магистратуры (28,57%). Для выявления статистических различий в средних показателях развития субъектности студентов на разных курсах обучения был использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок (табл. 2).

Статистические данные указывают на то, что средние показатели уровня развития субъектности студентов постепенно повышаются в ходе обучения.

Таблица 1

Уровень развития субъектности студентов на разных курсах обучения

УРСЛ	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс	1-й курс магистратуры	2-й курс магистратуры
Высокий	14,06%	14,03%	20,96%	29,41%	19,4%	28,57%
Средний	70,31%	73,68%	69,35%	60,70%	74,62%	65,07%
Низкий	15,62%	12,28%	9,67%	9,08%	5,97%	6,34%

Таблица 2

Сравнение средних значений уровня развития субъектности студентов на разных курсах обучения в вузе (t – критерий Стьюдента)

Курс обучения	Среднее	1-й курс:	2-й курс:	3-й курс:	4-й курс:	1-й курс магистратуры:	2-й курс магистратуры:
1-й курс:		t					
	162,70	-	0,58	0,27	0,08	0,00*	0,00*
2-й курс:	165,84	0,58	-	0,58	0,23	0,04*	0,00*
3-й курс:	168,96	0,27	0,58	-	0,48	0,13	0,02*
4-й курс:	173,25	0,08	0,23	0,48	-	0,52	0,18
5-й курс:	176,91	0,00*	0,04*	0,13	0,52	-	0,42
6-й курс:	180,95	0,00*	0,00*	0,02*	0,18	0,42	-

Примечание: «*» – статистически значимые различия выявлены при $p < 0,05$.

Однако, статистически значимые различия зафиксированы между показателями первого, второго, третьего курсов бакалавриата и первого, второго курсов магистратуры ($p < 0,05$). Следовательно, уровень развития субъектности студентов в среднем существенно повышается лишь на последних двух курсах, а на протяжении первых четырех лет обучения отмечается умеренное линейное повышение средних показателей уровня развития субъектности личности.

Поскольку в рамках гипотезы исследования нас интересуют особенности взаимосвязи уровня развития субъектности студентов и субъектных характеристик их малых учебных студенческих групп на различных этапах обучения в вузе, для выявления особенностей этой взаимосвязи, после проверки данных на нормальность распределения, был применен коэффициент корреляции r Пирсона. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции r – Пирсона между уровнем развития субъектности студентов и характеристиками субъектности малых учебных групп на разных курсах обучения

Курс обучения	Уровень развития групповой субъектности	Взаимосвязанность – взаимозависимость	Совместная активность	Саморефлексивность группового субъекта
1-й курс	0,41*	0,7*	0,11	0,17
2-й курс	0,47*	0,45*	0,57*	0,23
3-й курс	0,62*	0,51*	0,57*	0,31*
4-й курс	0,35*	0,11	0,52*	0,5*
1-й курс магистратуры	0,59*	0,26*	0,46*	0,32*
2-й курс магистратуры	0,34*	0,16	0,29*	0,33*

Примечание: «*» – коэффициент корреляции статистически значим при $p < 0,05$.

Итак, для первого курса характерна умеренная положительная взаимосвязь между уровнем развития субъектности студентов и уровнем развития их малых учебных групп ($r=0,41^*$), а также сильная положительная корреляция между уровнем развития субъектности студентов и взаимосвязанностью—взаимозависимостью членов группы ($r=0,7^*$). Таким образом, на первом курсе субъектность студентов и их малых учебных групп развивается в контексте внутrigрупповых взаимоотношений.

На втором курсе умеренная положительная взаимосвязь зафиксирована между уровнем развития субъектности студентов и уровнем развития субъектности их малой учебной группы ($r=0,47^*$), способностью группового субъекта проявлять различные формы групповой активности ($r=0,57^*$), взаимосвязанностью—взаимозависимостью членов группы ($r=0,45^*$).

Для третьего курса характерна иная картина. Уровень развития субъектности студентов положительно взаимосвязан со всеми характеристиками групповой субъектности, в том числе и со способностью группы выступать субъектом саморефлексии. Между уровнем развития субъектности студентов и уровнем развития групповой субъектности ($r=0,62^*$), способностью группы проявлять различные формы совместной активности ($r=0,57^*$), взаимосвязанностью—взаимозависимостью членов группы ($r=0,51^*$) выявлена умеренная положительная взаимосвязь. Однако корреляция между уровнем развития индивидуальной субъектности и саморефлексивностью группового субъекта может быть охарактеризована как слабая ($r=0,31^*$).

На четвертом курсе взаимосвязь уровня развития субъектности студентов и характеристик групповой субъектности

имеет следующие особенности. Между уровнем развития индивидуальной и групповой субъектности обнаружена слабая умеренная взаимосвязь ($r=0,35^*$), тогда как корреляция между уровнем развития субъектности студентов и взаимосвязанностью—взаимозависимостью членов группы исчезает ($r=0,11$). Однако положительная умеренная взаимосвязь между уровнем развития субъектности студентов и способностью малой группы проявлять различные формы совместной активности сохраняется ($r=0,52^*$), а положительная взаимосвязь уровня развития субъектности студентов и саморефлексивности малой учебной группы возрастает и становится умеренной ($r=0,5^*$).

На первом курсе обучения в магистратуре тенденции, выявленные на третьем курсе бакалавриата, возобновляются — обнаружена положительная взаимосвязь между уровнем развития субъектности студентов и всеми характеристиками групповой субъектности. Однако корреляция между уровнем развития индивидуальной субъектности и взаимосвязанностью—взаимозависимостью членов группы остается слабой ($r=0,26^*$). Взаимосвязь между остальными переменными положительная и умеренная.

К концу второго года обучения в магистратуре положительная взаимосвязь между уровнем развития субъектности студентов и уровнем развития групповой субъектности, способностью группы проявлять различные виды совместной активности, саморефлексивностью группового субъекта становится слабой ($r=0,34^*$; $r=0,29^*$; $r=0,33^*$ соответственно). Взаимосвязанность—взаимозависимость членов группы и уровень развития субъектности студентов не коррелируют между собой ($r=0,16$).

Таким образом, гипотеза эмпирического исследования подтвердилась: сила

взаимосвязи между уровнем развития субъектности студентов и субъектными характеристиками, уровнем развития субъектности их малых учебных групп изменяется и имеет качественные особенности на разных курсах обучения в вузе.

Обсуждение результатов исследования

Итак, анализ полученных данных показал, что динамика развития субъектности студентов в ходе шестилетнего обучения имеет в целом прогрессивный и равномерный характер. В среднем, уровень развития субъектности студентов существенно повышается на первом и втором курсах магистратуры, увеличение количества студентов с высоким уровнем развития субъектности приходится на четвертый курс бакалавриата и первый курс магистратуры. Данная тенденция может быть обусловлена влиянием личностных, возрастных, групповых, социально-психологических факторов, их констелляцией. В частности, повышение уровня развития субъектности личности в период ранней зрелости может быть взаимосвязано с расширением круга возрастных задач, «освоением» новых социальных ролей в межличностном общении, учебно-профессиональной, профессиональной деятельности. Уровень развития субъектности личности может, с одной стороны, детерминировать процесс социализации, вторичной сепарации, профессионального становления субъекта, с другой — служить следствием этого процесса, характеризовать развитие личности. Внутри- и межгрупповые отношения, общение, совместная учебно-профессиональная деятельность, межличностная, групповая идентификация и т. д. являются неотъемлемыми проявлениями групповой

динамики, жизнедеятельности малой учебной студенческой группы как группового субъекта совместной активности и поэтому длительное время обуславливают процесс профессионального становления, субъектного, личностного развития студентов. Так, например, на четвертом курсе бакалавриата и втором курсе обучения в магистратуре увеличение процента студентов с высоким уровнем развития субъектности, возможно, обусловлено актуализацией самоопределения на этапе выбора дальнейшего профессионального пути, активизацией процессов социального межличностного и межгруппового сравнения.

Анализ полученных данных также показал, что на различных курсах обучения взаимосвязь субъектных характеристик студентов и малых учебных групп имеет следующие качественные особенности. Поскольку первостепенной задачей первокурсников является адаптация к учебно-профессиональной деятельности в вузе, а для малых учебных групп — интеграция в различных сферах жизнедеятельности, адаптация к организационной культуре факультета и вуза, сфера внутригрупповых отношений является ключевой для развития субъектности студентов и их малых учебных групп. На данном этапе чувство общности, схожесть интересов, «совместность» имеют большое значение для развития субъектности студентов, ведь первокурсникам важно найти свое место в формирующейся статусно-ролевой структуре малой группы. Несмотря на то, что в социальной среде обычного типа уровень развития субъектности групп первого курса еще недостаточно высок для выполнения сложных видов совместной деятельности, малая учебная студенческая группа первого года обучения уже может проявлять различные виды совместной

активности, в которой общение имеет первостепенное значение.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что на втором курсе для развития субъектности студентов и малых учебных групп важно не только групповое единство, но и возможность проявлять различные формы совместной активности (общение, внутри- и межгрупповые взаимоотношения, совместное познание и поведение, совместная деятельность и т. д.). Несмотря на то, что среди различных видов совместной активности на данном этапе групповой жизнедеятельности преобладает общение, групповое поведение и взаимоотношения, уровень развития субъектности учебных групп второго курса уже позволяет осуществлять различные виды совместной деятельности. В то же время большинство групп второго курса достигают лишь мезосубъектного уровня развития, поэтому развитие групповой субъектности по-прежнему в значительной степени опосредовано внешними условиями. Однако эти данные говорят о достаточной сформированности подструктур психологии группового субъекта, о «готовности» группы реализовать различные виды активности студентов.

Поскольку на третьем и четвертом курсах для развития групповой и индивидуальной субъектности приоритетной становится учебно-профессиональная сфера, кроме группового единства в проявлении групповым субъектом совместной активности более актуальным становится развитие группового самосознания. Возможно, такая особенность связана с осознанием студентами возможностей, преимуществ и ограничений своей малой учебной группы, обусловлена формированием идентичности малой учебной студенческой группы в соответствии с

профессиональной специализацией, актуализацией сферы межгрупповых отношений и совместной учебно-профессиональной деятельности.

На первом и втором курсах магистратуры взаимосвязь уровня развития субъектности студентов и различных характеристик субъектности группы начинает ослабевать, что, возможно, обусловлено существенным преобладанием личных, профессиональных интересов студентов над групповыми. Так, на пятом году обучения для развития субъектности индивидуальных и групповых субъектов по-прежнему существенную роль играют групповое единство и совместная активность, однако взаимосвязанность—взаимозависимость членов группы имеет второстепенное значение. Другими словами, для повышения уровня субъектности студентов в меньшей степени важна межличностная взаимосвязанность, в то время как групповое единство и совместная активность в большей степени способствуют этому процессу. Возможно, такой характер взаимосвязи групповой и индивидуальной субъектности позволяет студентам в большей степени реализовывать свои индивидуальные цели с помощью субъектного потенциала и возможностей группы. Несмотря на то, что совместная активность групповых субъектов на втором году обучения в магистратуре по-прежнему может достигать высокого уровня организованности, быть эффективной, выявленные особенности, на наш взгляд, говорят о снижении вовлеченности студентов заключительного года обучения в процесс жизнедеятельности группы, выраженном приоритете индивидуальных целей и интересов над групповыми, что закономерно для завершительного этапа обучения в вузе.

Таким образом, на различных курсах обучения субъектность студентов и субъектность малых учебных групп положи-

тельно взаимосвязаны и обуславливают развитие друг друга.

Выводы

1. В ходе шестилетнего периода обучения средние показатели уровня развития субъектности студентов повышаются линейно и равномерно. Статистически наиболее высокие показатели уровня развития субъектности будущих специалистов отмечены на первом и втором курсах магистратуры. Процентное соотношение уровней развития субъектности студентов на разных курсах обучения отображает качественные различия в динамике развития субъектности. В ходе обучения процент студентов с низким уровнем развития субъектности постепенно и линейно сокращается (от 15,62% на первом курсе бакалавриата до 5,97%, 6,34% на первом и втором году обучения в магистратуре соответственно). Средний уровень развития субъектности характерен для большего числа студентов как в общей выборке, так и на разных курсах обучения (60–74%). Наиболее динамично процент студентов этой категории изменяется в ходе четвертого курса бакалавриата (60,70%), первого (74,62%) и второго (65,07%) курсов магистратуры. Вместе с этим процентное соотношение студентов с высоким уровнем развития субъектности личности увеличивается не линейно (максимальные показатели отмечаются на четвертом курсе бакалавриата – 29,41%, и втором курсе магистратуры – 28,57% курсах). Анализ полученных данных показал, что на разных курсах обучения уровень развития субъектности студентов различается, в ходе шестилетнего обучения субъектность будущих специалистов развивается прогрессивно.

Увеличение количества студентов с высоким уровнем развития субъектности на четвертом курсе бакалавриата и втором курсе магистратуры, возможно, обусловлено необходимостью выбора квалификации и дальнейшего профессионального пути, актуализацией самоопределения, процессом социального межгруппового и межличностного сравнения.

2. Взаимосвязь между уровнем развития субъектности студентов и уровнем развития субъектности группы, характеристиками групповой субъектности имеет качественные особенности на разных этапах обучения. На первом и втором курсах субъектность групп и студентов развивается в большей степени через сферу внутригрупповых взаимоотношений, формирование взаимосвязанности—взаимозависимости членов группы и группового единства. Однако на втором курсе, кроме тенденций первого года обучения, для развития групповой и индивидуальной субъектности становится все более актуальным и проявление группой различных видов совместной активности. На третьем курсе тенденции взаимозависимого развития групповой и индивидуальной субъектности усиливаются, однако появляются и новые качественные особенности: самосознание группового субъекта, рефлексия процесса и результатов совместной активности, идентичность группы оказывают все более заметное влияние на развитие субъектности студентов и их малых учебных групп. На четвертом курсе для развития групповой и индивидуальной субъектности приоритетными становятся участие студентов в различных видах совместной активности, в сфере внутригрупповых и межгрупповых взаимоотношений, групповая рефлексия опыта совместной активности для повышения ее эффективности в дальнейшем. В то же время межличностная

взаимосвязанность—взаимозависимость членов группы, групповое единство оказывают меньшее влияние на этот процесс. На первом году обучения в магистратуре субъектность студентов и их малых групп вновь взаимосвязаны разнопланово: обнаружена положительная слабая взаимосвязь между уровнем развития индивидуальной субъектности и всеми характеристиками субъектности малой группы. Несмотря на то, что малые учебные группы первого курса магистратуры обычно обладают достаточно обширными возможностями для развития субъектности своих участников, такая тенденция, на наш взгляд, говорит о нарастающем преобладании индивидуальных целей студентов над групповыми интересами и целями. В завершении второго года обучения в магистратуре взаимосвязь развития субъектности групп и будущих специалистов закономерно становится все менее выраженной.

Практические рекомендации

На основании результатов эмпирического исследования нами были сформулированы общие практические рекомендации для администрации факультетов и кураторов учебных групп по повышению уровня развития субъектности студентов и учебных групп. Так, при организации учебно-воспитательного процесса наравне с индивидуальными методами, формами обучения и воспитания следует систематически применять групповые методы и формы работы со студентами. В частности, рекомендуется:

- при планировании и реализации плана учебно-воспитательных мероприятий целенаправленно создавать ситуации межгруппового взаимодействия, чередовать формы проведения меропр-

ятий, основанные на межгрупповой конкуренции и сотрудничестве;

- обращаться к учебной студенческой группе как к единому групповому субъекту;

- информировать студентов о положительных примерах эффективной совместной деятельности и самоорганизации других учебных групп;

- при выполнении кураторских функций способствовать формированию актива студенческой группы. Важно давать конструктивную обратную связь по инициативам, выдвигаемым неформальными, референтными, инструментальными лидерами и другими участниками группы; препятствовать формированию ригидной статусно-ролевой структуры, деструктивных групповых норм; поощрять активное участие среднестатусных и низкостатусных студентов в жизнедеятельности группы;

- для постепенного повышения уровня развития субъектности студентов и учебных групп, особенно на первом и втором курсах обучения, желательно предлагать цели для совместной активности и помогать сформулировать учебной группе собственные цели совместной деятельности, инициировать групповую дискуссию для обсуждения более эффективных способов достижения желаемого результата. Содействовать усложнению поставленных задач, обогащению опыта совместной жизнедеятельности разнообразными видами групповой активности.

В качестве перспективы дальнейших исследований могут быть изучены особенности взаимосвязи групповой и индивидуальной субъектности с учетом интрагруппового структурирования и типа мотивационно-ценностной включенности малой учебной студенческой группы в корпоративную культуру факультета, образовательного учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъекта и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский и др. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С. 27–42.
2. *Акопов Г.В.* Социальная психология образования. М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 2000. 296 с.
3. *Акопов Г.В., Варфоломеева Т.П., Чернышова Е.Л.* Социальная психология образования // Самарский научный вестник. 2013. № 4(5). С. 9–11.
4. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. М.: Агентство стратегических инициатив; Бизнес-школа «Сколково», 2014. URL: <http://atlas100.ru/future/> (дата обращения: 25.05.2017).
5. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003. 268 с.
6. *Булкина Н.А.* Требования к современному специалисту: компетенции, критерии, показатели // Вестник ФГОУ ВПО МГАУ. 2011. № 3. С. 107–109.
7. *Бухарина А.Ю.* Управление талантами: чему учить сотрудников сегодня, чтобы выжить завтра // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 144–162. doi:10.17759/sps.2017080109
8. *Варчев А.Э.* Социально-психологические особенности современной студенческой учебной группы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 21 с.
9. *Гайдар К.М.* Социально-психологическая диагностика группового субъекта: учеб.-мет. пособие для вузов. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2012. 70 с.
10. *Гайдар К.М.* Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж. Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. 396 с.
11. *Елизаров С.Г.* Мотивационно-ценностная включенность учебных групп в условиях разных типов социальных систем // Вестник университета (Государственный университет управления). Серия: Социология и управление персоналом. М.: ГУУ, 2008. № 1 (39). С. 49–52.
12. *Журавлев А.Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. № 30(5). С. 72–80.
13. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М.: ПЭР СЭ, 2006. 272 с.
14. *Кондратьев Ю.М., Сачкова М.Е.* Специфика отношений межличностной значимости в студенческой группе на разных этапах обучения [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39945.shtml (дата обращения: 04.06.2016).
15. *Крушельницкая О.Б., Киселёв А.В.* Интрагрупповое структурирование учебных групп в образовательных учреждениях разного типа // Социальная психология и общество. 2011. № 3. С. 65–85.
16. *Крушельницкая О.Б., Орлов В.А., Сачкова М.Е.* Социальная психология образования как отрасль научного знания [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 2. С. 1–14. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61292.shtml (дата обращения: 02.07.2017).
17. *Лунев Ю.А.* Методики социально-психологического исследования межгруппового взаимодействия в учебных организациях // Методики социально-психологического

- исследования личности и малых групп / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 1995. С. 138–153.
18. *Петровский А.В.* Теория деятельностного опосредствования межличностных отношений и традиционная психология малых групп в их принципиальных различиях // Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. С. 197–218.
19. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 512 с.
20. Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. 372 с.
21. *Сачкова М.Е.* Актуальный подход к исследованию статусных отношений в учебных группах в рамках научной школы факультета социальной психологии МГППУ // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 1. С. 59–71. doi:10.17759/sps.2016070105
22. *Сергиенко Е.А.* Критерии становления субъекта // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25–28 июня 2003 года: в 8 т. Т. 7. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 127–131.
23. *Сидоренков А.В., Коваль Е.С.* Взаимосвязь групповых феноменов и социально-психологической адаптации работников в организации // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 34–45.
24. *Сидоренков А.В., Мондрус А.Л.* Подходы к пониманию сплоченности малой группы // Северо-Кавказский психологический вестник. 2007. № 5/1. С. 45–53.
25. *Сидоренков А.В.* Малые группы и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория: монография. Ростов н/Д: ЮФУ, 2010. 272 с.
26. *Тришкина Н.С.* Социально-психологические особенности идентичности индивида в малой группе и неформальной подгруппе: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д, 2010. 21 с.
27. *Уманский Л.И.* Поэтапное развитие группы как коллектива // Коллектив и личность / Ред. Е.В. Шорохова, К.К. Платонов, О.И. Зотова, Н.В. Кучевская. М.: Наука, 1975. С. 77–87.
28. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования [Электронный ресурс] // Федеральные государственные образовательные стандарты. М.: Институт стратегических исследований в образовании РАО. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1> (дата обращения: 28.06.2017).
29. *Чернышев А.С.* Социально-психологические условия становления субъектности малых групп: теоретико-экспериментальный подход к исследованию // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 35–44.
30. *Чернышова Е.А.* Взаимосвязь особенностей систем личностных конструктов студентов и их статусной позиции в учебных группах // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 59–72.
31. *Шкерина Л.В., Шашкина М.Б., Багачук А.В.* Критериальная модель и уровни сформированности компетенций студентов-будущих бакалавров в формате ФГОС ВПО // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 8. С. 93–99.
32. *Щукина М.А.* Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. Тюмень, 2004. 168 с.

Dynamics of the subject development of students and study groups at different stages of educational process in university

A.S. IAROTCKAIA*,

*Taurida Academy of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,
a.s.yarockaya@gmail.com*

This article is devoted to the problem of subject development of students in university. A small student study group is explored as an environment for the subject development of students and a community that has its own potential to become a collective subject. The level of subject development, interconnection-interdependence of group members, ability of group subject to implement different forms of group collective activity and to manifest as a subject of self-reflection are investigated as essential characteristics of a small study group's subjectivity. An average and percentage indicators of the level of students' subjectivity development at different stages of educational process in university are revealed on a sample of 24 small student study groups (N = 364 full-time students, age of respondents is from 17 to 25 years). The study of the correlation between the level of students' subjectivity development and subject characteristics, the level of subjectivity development of their small study groups allowed to identify and to describe the qualitative features, the dynamics of the subject development of small study groups and students in the period of six-year education.

Keywords: *six-year education in university, a small student study group, the dynamics of subject development, the level of a group subjectivity development, the level of personal subjectivity development.*

REFERENCES

1. Ancyferova L.I. Psihologicheskoe sodержanie fenomena sub'ekta i granicy sub'ektno-dejatel'nostnogo podhoda [The psychological content of the subject's phenomenon and the boundaries of the subject-activity approach]. In A.B. Brushlinskij i dr (ed.). *Problema sub'ekta v psihologicheskoy nauke [The problem of the subject in psychological science]*. Moscow: Publ. «Akademicheskij proekt», 2000, pp. 27–42.
2. Akopov G.V. Social'naja psihologija obrazovaniya [Social Psychology of Education]. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut: Flinta, 2000. 296 p.

For citation:

Iarotckaia A.S. Dynamics of the subject development of students and study groups at different stages of educational process in university. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 93–109. doi:10.17759/sps.2018090207 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Iarotckaia Anastasiia S.* — post-graduate student, Taurida Academy of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, a.s.yarockaya@gmail.com

3. Akopov G.V. Varfolomeeva T.P. Chernyshova E.L. Social'naja psihologija obrazovanija [Social Psychology of Education]. *Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Scientific Bulletin]*, 2013, no. 4(5), pp. 9–11.
4. Atlas novyh professij [Atlas of new professions] [Elektronnyi resurs]. Moscow: Agentstvo strategicheskikh iniciativ, Biznes-shkola «Skolkovo», 2014. Available at: <http://atlas100.ru/future/> (Accessed: 25.05.2017).
5. Brushlinskij A.B. Psihologija sub'ekta [Psychology of a subject]. Saint Petersburg: Aletejja [Alethea], 2003. 268 p.
6. Bulkina N.A. Trebovanija k sovremennomu specialistu: kompetencii, kriterii, pokazateli [Requirements for the modern specialist: competences, criteria, indicators]. *Vestnik FGOU VPO MGAU [Bulletin FSEIHP MSAU]*, 2011, no. 3, pp. 107–109.
7. Bukharina A.Y. Talent management: what to teach employees today to survive tomorrow. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 144–162. doi:10.17759/sps.2017080109. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Varchev A.E. Sotsial'no-psihologicheskie osobennosti sovremennoi studencheskoi uchebnoi gruppy [Socio-psychological Peculiarities of Modern Student Study Group Ph.D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2003. 21 p.
9. Gajdar K.M. Social'no-psihologicheskaja diagnostika gruppovogo sub'ekta: uchebno-metodicheskoe posobie dlja vuzov [Socio-psychological diagnostics of the group subject: the educational-methodical manual for high schools]. Voronezh: IPC VGU [CPI VSU], 2012. 70 p.
10. Gajdar K.M. Social'no-psihologicheskaja koncepcija gruppovogo sub'ekta [The socio-psychological concept of a group subject]. Voronezh: Publ. Voronezh. gos. un-ta, 2013. 396 p.
11. Elizarov S.G. Motivatsionno-tsennostnaya vklyuchennost' uchebnykh grupp v usloviyakh raznykh tipov sotsial'nykh sistem [Motivational Inclusion of Study Groups in Different Social Systems]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya) [Bulletin of State University of Management]. Seriya: Sotsiologiya i upravlenie personalom [Part: Sociology and Human Resource Management]*. M.: GUU, 2008, no. 1 (39), pp. 49–52.
12. Zhuravlev A.L. Kollektivnyi sub'ekt: osnovnye priznaki, urovni i psikhologicheskie tipy [Collective Subject: its main features, levels and psychological types]. *Psihologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2009, no. 30(5), pp. 72–80.
13. Kondrat'ev M.Yu., Kondrat'ev Yu.M. Psihologiya otnoshenii mezhlichnostnoi znachimosti [Psychology of Interpersonal Significance]. M.: PER SE, 2006. 272 p.
14. Kondratyev Yu.M., Sachkova M.Y. Relationships of Interpersonal Importance in a Student Group at Different Stages of Learning [Elektronnyi resurs]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2011, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39945.shtml (Accessed: 04.06.2016) (In Russ., abstr. in Engl.)
15. Krushelnitskaya O.B., Kiselev A.V. Intragroup Structuring of Study Groups in Different Types of Educational Institutions. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2011. no. 3, pp. 54–64. (In Russ., abstr. in Engl.)
16. Krushelnitskaya O.B., Orlov V.A., Sachkova M.Y. Social psychology of education as a branch of scientific knowledge [Elektronnyi resurs]. *Psihologicheskaya nauka i*

- obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2013. no. 2, pp. 1–14. (In Russ., abstr. in Engl.). Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n2/61292_full.shtml (Accessed: 02.07.2017).
17. Lunev Yu.A. Metodiki sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya mezhgruppovogo vzaimodeistviya v uchebnykh organizatsiyakh [Techniques for Socio-Psychological Investigation of Intergroup Interaction in Educational Institutions]. In A.L. Zhuravlev, E.V. Zhuravleva (ed.). *Metodiki sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya lichnosti i malykh grupp [Techniques for Socio-Psychological Investigation of Personality and Small Groups]*. Moscow: Institut psikhologii RAN, 1995, pp. 138–153.
18. Petrovskii A.V. Teoriya deyatel'nostnogo oposredstvovaniya mezhlichnostnykh otnoshenii i traditsionnaya psikhologiya malykh grupp v ikh printsipial'nykh razlichiyakh [Theory of Action Mediation of Interpersonal Relations and Traditional Psychology of Small Groups]. In A.V. Petrovskii (ed.). *Psikhologicheskaya teoriya kollektiva [Psychological Theory of Collective]*. Moscow: Pedagogika, 1979, pp. 197–218.
19. Petrovskij V.A. Lichnost' v psihologii: paradigma sub'ektnosti [Personality in psychology: the paradigm of subjectness]. Rostov on Don: Publ. «Feniks», 1996. 512 p.
20. Psihologija sub'ekta i psihologija chelovecheskogo bytija: monografija [Psychology of the subject and psychology of human existence: monograph]. In V.V. Znakov, Z.I. Rjabikina, E.A. Sergienko (ed.). Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2010. 372 p.
21. Sachkova M.Y. Current Approach to the Study of Status Relations in Student Groups within the Framework of the School of Thought of the Department of Social Psychology at MSUPE. Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society], 2016. Vol. 7, no. 1, pp. 59–71. doi:10.17759/sps.2016070105. (In Russ., abstr. in Engl.)
22. Sergienko E.A. Kriterii stanovleniya sub'ekta [Criteria for becoming a subject]. *Ezhegodnik Rossijskogo psihologicheskogo obshhestva: Materialy 3-go Vserossijskogo s'ezda psihologov. 25–28 iyunja 2003 goda: v 8 t. T. 7. [Yearbook of the Russian Psychological Society: Materials of the 3rd All-Russian Congress of Psychologists. June 25–28, 2003: in 8 vol. Vol. 7]*. Saint-Petersburg: Publ. S.-Peterb. un-ta, 2003, pp. 127–131.
23. Sidorenkov A.V., Koval' E.S. Vzaimosvyaz' gruppovykh fenomenov i sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii rabotnikov v organizatsii [Correlation of Group Phenomena and Socio-Psychological Adaptation of employees in Organization]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2015. Vol. 36, no. 1, pp. 34–45.
24. Sidorenkov A.V., Mondrus A.L. Podkhody k ponimaniyu splochnosti maloi grupy [Approaches to Understanding of Small Group's Cohesion]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik [Northern Caucasus Psychological Bulletin]*, 2007, no. 5/1, pp. 45–53.
25. Sidorenkov A.V. Malye grupy i neformal'nye podgruppy: mikrogruppovaja teorija: monografija [Small groups and informal subgroups: microgroup theory: monograph]. Rostov on Don, Publ. JuFU, 2010. 272 p.
26. Trikschina N.S. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti identichnosti individa v maloi gruppe i neformal'noi podgruppy [Socio-Psychological Peculiarities of Person's Identity in Small Group and non-formal subgroup Ph.D. (Psychology) Thesis]. Rostov-na-Donu, 2010. 21 p.

27. Umanskii L.I. Poetapnoe razvitie gruppy kak kollektiva [Phases of Development of Group as a Collective]. In E.V. Shorokhova, K.K. Platonov, O.I. Zotova, N.V. Kuchevskaya (ed.). *Kollektiv i lichnost' [Collective and Personality]*. Moscow: Nauka, 1975, pp. 77–87.
28. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego professional'nogo obrazovaniya [Federal State Educational Standard of Higher Professional Education] [Elektronnyi resurs]. *Federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty [Federal state educational standards]*. Moscow: Institut strategicheskikh issledovanij v obrazovanii RAO. Available at: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1> (Accessed: 28.06.2017).
29. Chernyshev A.S. Sotsial'no-psihologicheskie usloviya stanovleniya sub'ektnosti mal'nykh grupp: teoretiko-eksperimental'nyi podkhod k issledovaniyu [Socio-Psychological Conditions of Small Group's Subjectivity Development]. *Psychological journal [Psychological Journal]*, 2012. Vol. 33, no. 2, pp. 35–44.
30. Chernyshova E.A. Correlation between Students' Personal Constructs and Their Status Position within the Student Group. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2012, no. 1, pp. 59–72. (In Russ., abstr. in Engl.)
31. Shkerina L.V. Shashkina M.B. Bagachuk A.V. Kriterial'naja model' i urovni sformirovannosti kompetencij studentov-budushhih bakalavrov v formate FGOS VPO [Criterial model and levels of competency formation for future bachelor students in the format of GEF HPE]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal [Siberian Pedagogical Journal]*, 2012, no. 8, pp. 93–99.
32. Shhukina M.A. Osobennosti razvitija sub'ektnosti lichnosti v podrostkovom vozraste [Features of development of subjectivity of the person at teenage age. Ph.D. (Psychology) Thesis]. Tjumen', 2004. 168 p.

Взаимосвязь понимания другого человека и ценности умения прощать у студентов

Т.Б. ЮШАЧКОВА*,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», Магнитогорск, Россия,
tat_yushachkova@mail.ru

Статья посвящена проблеме взаимосвязи ценностных ориентаций и понимания людьми друг друга. Содержит результаты исследования связи ценности для студентов умения прощать других людей со способностью понимать другого человека. Анализ этой способности осуществлялся автором по трем параметрам: точность прогнозирования развития ситуации межличностного взаимодействия; понимание состояния другого человека по его невербальному поведению; оценка субъектом своей способности к пониманию других людей. Использовался комплекс методических средств, включающий опросники и полупроjektивные методики. Выборка составила 73 человека. На основании полученных данных сделаны выводы о том, что большую часть студентов отличает средняя степень значимости умения прощать и невысокий уровень развития способности к пониманию других людей. Установлено, что ценность умения прощать у студентов может сочетаться с различными показателями успешности в понимании других людей.

Ключевые слова: межличностное понимание, точность понимания, ценность умения прощать других людей, субъект познания, способность к пониманию.

Введение

Понимание людьми друг друга по праву может быть отнесено к числу базовых проблем психологической науки

и практики, имеющих давние традиции изучения как у нас в стране, так и за рубежом. В исследованиях, проведенных учеными, были получены данные о закономерностях межличностного пони-

Для цитаты:

Юшачкова Т.Б. Взаимосвязь понимания другого человека и ценности умения прощать у студентов // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 110–126. doi:10.17759/sps.2018090208

* Юшачкова Татьяна Борисовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Институт гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова (ФГБОУ ВО «МГТУ имени Г.И. Носова»), Магнитогорск, Россия, tat_yushachkova@mail.ru

мания, факторах, влияющих на него, сопровождающих эффектах и имеющихся различиях [1; 2; 7; 8; 10; 13; 16].

На сегодняшний день проблемное поле психологии межличностного понимания заметно расширилось новыми, ранее не изученными аспектами феномена. Одному из них посвящена наша работа. В центре внимания — исследование межличностного понимания во взаимосвязи с ценностью для человека умения прощать других людей.

В психологии сложились различные подходы к изучению понимания, среди них: познавательный и экзистенциальный, общепсихологический и социально-психологический [1; 2; 5; 9; 12; 13; 16]. В рамках познавательной исследовательской установки понимание употребляется двояко: в широком смысле как характеристика интеллектуальной деятельности человека, которая является обязательным атрибутом любого уровня познания и общения, и в узком смысле — как компонент только мышления — обобщенного и опосредованного отражения существенных свойств и связей между предметами и явлениями.

Иное видение находим в экзистенциальном подходе. Понимание выступает здесь как способ бытия человека в мире, акцент делается на изучении конкретных ситуаций бытия человека и целостного их понимания [5].

А.М. Ким, рассматривая понимание с общепсихологических позиций как наиболее общее проявление интеллекта человека, в ходе анализа динамики научных представлений выделила объектно-центрированный, субъект-центрированный и субъектный подходы.

При объектно-центрированном подходе понимание определяется, прежде всего, характеристиками объекта понимания и

выступает в форме узнавания. В субъектно-центрированном подходе главной является логика субъекта. Понимание в данном случае включает мнение субъекта об объекте. В основе субъектного подхода лежит установка на понимание как познавательное отношение. Понять означает узнать смысл понимаемого [9].

Широко представлен в психологии социально-психологический ракурс изучения понимания, при котором оно выступает атрибутом общения и познания людей.

В контексте межличностной коммуникации понимание определяется степенью распознавания слушающим смысла, который придает сообщению говорящий [14].

Вопросы понимания людьми друг друга традиционно включены в изучение социально-перцептивной проблематики. «Социальная перцепция — восприятие, оценка и понимание людьми социальных объектов (других людей, самих себя, групп, социальных общностей и т. п.)» [17, с. 273].

В процесс понимания людьми друг друга включены все составляющие интеллекта человека. Большое влияние на него оказывают эмоции, мотивация, личностные особенности субъекта познания, характеристики объекта познания и вся ситуация межличностного взаимодействия [1; 2; 16].

К числу признаков, свидетельствующих о понимании другого человека, относят широкий набор факторов, среди которых: распознавание его индивидуальных особенностей, целей, мотивов поступков, умение предугадать последующее поведение [2; 3; 12; 13; 15]. Как пишет В.Н. Куницына: «... понимание — это накопление и оперирование системой вербализованных знаний о других людях с целью достичь максимального соответствия суждений, оценок, представлений о человеке его объективно существующим» [17, с. 273].

щим чертам, свойствам, мотивам, причем, главным и наиболее сложным в этом процессе является конечная “расшифровка” мотивов, что позволяет оценивать конкретные поступки и прогнозировать поведение» [11, с. 25]. Согласно В.Н. Панферову, «... понимание есть осознание и вербализация познавательного эффекта, выраженного в понятиях и суждениях, которые выступают как социально-психологическая интерпретация впечатлений о человеке, полученных в результате его восприятия» [15, с. 25].

В настоящее время активно разрабатывается направление «Модель психического», или «Теория психического» («Theory of Mind»). Д. Примак и Г. Вудрафф следующим образом раскрывали содержание введенного ими термина «Theory of Mind»: «Говоря о том, что человек имеет «теорию психического», мы подразумеваем, что он приписывает независимые психические состояния себе и другим. Система заключений этого типа видится собственно как теория, во-первых, потому, что такие состояния непосредственно не наблюдаемы, и, во-вторых, потому, что эта система может использоваться для предсказания поведения других людей» [цит. по: 18, с. 9]. Как отмечает Е.А. Сергиенко, «модель психического» позволяет человеку понимать психическое других людей (их мнения, желания, эмоции, намерения и т. д.), делать вывод о ментальных состояниях, которые являются причиной их действий, прогнозировать поведение [18].

Понимание может осуществляться на разных уровнях: на рациональном уровне — посредством аналитической работы, установления связи между различными элементами наблюдаемого поведения, вербальными и невербальными реакциями; на аффективном — через со-

чувствие, сопереживание, чувствительность к внешним проявлениям человека; на интуитивном уровне — в форме непосредственного усмотрения особенностей, характеризующих человека (осмысление данных восприятия осуществляется путем мгновенного обобщения) [2; 3; 7; 8].

Проведенный нами ранее опрос показал, что в представлении людей понимание включает: познание индивидуальных особенностей другого человека; принятие его интересов, взглядов, принципов; ощущение психологической близости с ним; проявление сочувствия, оказание помощи.

На понимание людьми друг друга большое влияние оказывает степень субъективной значимости другого человека. Как отмечает А.А. Бодалев, уже на стадии восприятия она определяет широту охвата сигналов, несущих информацию о человеке, степень реагирования на них, скорость переработки поступающих данных [2]. В зависимости от того, какие мотивы побуждают к межличностному взаимодействию, какие цели и задачи решаются, внимание субъекта познания сосредотачивается на разных сторонах облика воспринимаемого человека. Это, в свою очередь, находит отражение в формируемом понятии о нем [3].

В работах ученых неоднократно отмечалось, что для постижения личностной сути другого человека, его индивидуально-неповторимого своеобразия необходимо наличие гуманистической направленности личности познающего субъекта, высокая значимость в системе ценностных ориентации других людей, открытость [2; 16]. По данным исследований, у людей со сформированной гуманистической направленностью личности развита способность к децентрации, позволяющая учитывать точки зрения и состояния партнеров по взаимодей-

ствию, на высоком уровне функционируют основные механизмы понимания: идентификация, эмпатия, рефлексия [3]. Имеющийся у человека интерес к другим людям усиливает сосредоточенность внимания, активизирует извлечение из памяти представлений, связанных с прошлым опытом общения, интенсифицирует деятельность воображения, активизирует работу мышления [2; 16].

Наряду с этим, как показывают исследования, внимание к другому человеку, стремление разобраться в том, какой он, что его побуждает к совершению тех или иных поступков, может быть продиктовано отнюдь не подлинным интересом к нему, а желанием использовать его в своих целях. Как пишет К.В. Вербова, понимание другого человека не обязательно связано с подлинно гуманистической мотивацией. В основе понимания человека может лежать отношение к нему как к объекту, контакт с которым служит лишь личным целям субъекта, удовлетворению его потребностей [4]. Подтверждением сказанному могут являться результаты исследований, посвященные изучению макиавеллизма личности. В них, в частности, было установлено, что владение навыками манипулирования, отличающее макиавеллиста, предполагает понимание намерений людей, причин поступков [5].

С целью более детального изучения взаимосвязи ценностных ориентаций личности и понимания другого человека нами было проведено эмпирическое исследование.

Дизайн исследования

Цель исследования: изучение взаимосвязи ценности для студентов умения прощать других людей, т. е. быть снисхо-

дительным, готовым простить ошибки, и способности к их пониманию.

Гипотеза: существует прямая связь между ценностью для студентов умения прощать и пониманием другого человека.

Задачи исследования:

1) определение ценности для студентов умения прощать и уровня развития у них способности к пониманию других людей;

2) анализ взаимосвязи у студентов ценности умения прощать других людей и способности к их пониманию;

3) рассмотрение способности к пониманию других людей у студентов, для которых умение прощать представляет наибольшую ценность и, напротив, наименее актуально.

Выборка исследования: в число респондентов вошли студенты Магнитогорского государственного технического университета в количестве 73 человек, в возрасте от 20 до 21 года.

Методы исследования: в работе был использован комплекс диагностических средств, среди которых: методики, разработанные В.Н. Куницыной — тест «Притчи» [19], опросник «КОСКОМ» (Коммуникативная и социальная компетентность) [12], методика «СТАЛЬ» (Стабильность, толерантность и альтруизм в межличностных отношениях и другие свойства личности) [19], опросник «СУМО» (Саморегуляция и успешность межличностного общения) [12], тест «Самооценка» [19], методика «ЦО-36» (Ценностные ориентации — 36 позиций) (2006 г.) [19], а также тест «Экспрессия» (модифицированный вариант субтеста «Группы экспрессии» методики исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена) [19] и 16-факторный опросник Р. Кеттелла [6].

Анализ понимания другого человека осуществлялся по трем параметрам, рассматриваемым нами в качестве составляющих способности к пониманию других людей, среди них: точность прогнозирования развития ситуации межличностного взаимодействия; понимание состояния другого человека по его невербальному поведению; оценка субъектом своей способности к пониманию других людей.

Изучение способности к точному прогнозированию развития ситуации межличностного взаимодействия проводилось с помощью полупроективного теста «Притчи», состоящего из неоконченных историй-притч. В ходе выполнения тестового задания испытуемые должны были выбрать наиболее правдоподобный вариант завершения истории.

Показатели способности распознавать состояние другого человека по его невербальному поведению были получены с помощью полупроективного теста «Экспрессия».

Исследование оценки субъектом своей способности к пониманию других людей осуществлялось по результатам шкалы «понимание людей» самооценочного опросника «КОСКОМ» (Коммуникативная и социальная компетентность).

Значимость для личности умения прощать других людей определялась по показателям одноименной ценности, входящей в ценностный ряд методики «ЦО-36» (Ценностные ориентации — 36 позиций).

Результаты, полученные с помощью 16-факторного опросника Р. Кеттелла, методики «СТАЛЬ» («Стабильность, толерантность и альтруизм в межличностных отношениях и другие свойства личности») и опросника «СУМО» (Са-

морегуляция и успешность межличностного общения), позволили получить широкий спектр информационных данных о личностных особенностях испытуемых.

Максимальное значение выраженности изучаемых параметров по всем методикам соответствовало 12 баллам.

Методы обработки данных: математико-статистическая обработка данных была реализована с помощью программного пакета SPSS 17.0. и заключалась в расчете достоверности различия средних величин (t-критерия Стьюдента) и проведении корреляционного анализа Пирсона.

Анализ и обсуждение полученных результатов

В ходе исследования было установлено, что для студентов умение прощать имеет среднюю степень значимости — среднегрупповой показатель составляет 6,53 баллов из 12-ти максимально возможных по тесту.

Анализ распределения актуальности умения прощать показал, что большая часть респондентов (61%) относят умение прощать к среднезначимым для себя ценностям. Для 21% эта ценность является одной из самых главных и 18% ответили, что умение прощать не является для них важным.

На рис. 1 приведены данные о развитии у студентов отдельных составляющих способности к пониманию других людей.

Студенты оценивают свою способность к пониманию других людей не очень высоко. Наибольшие трудности у них вызывает прогнозирование развития ситуации межличностного взаимодей-

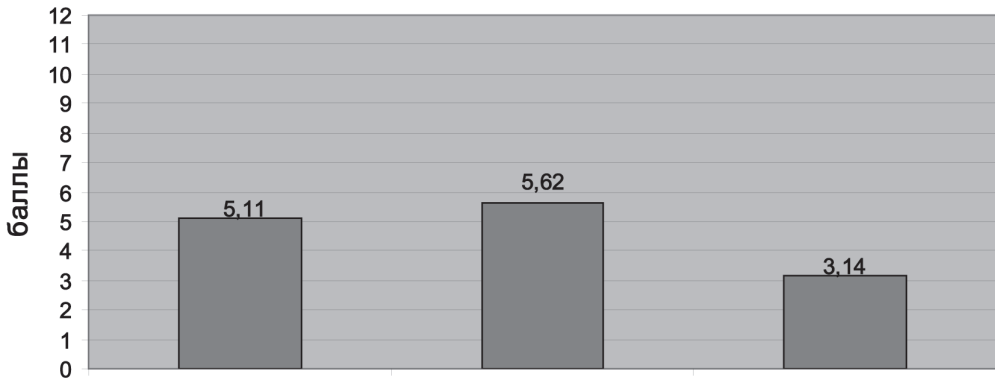

Рис. 1. Показатели развития отдельных составляющих способности к пониманию других людей у студентов: ПЛ — понимание людей; ЭКСПР — способность к пониманию невербального поведения другого человека; ПР — способность к точному прогнозированию развития ситуации межличностного взаимодействия

ствия, предполагающее понимание мотивов поведения ее участников. Несколько лучше — на среднем уровне — развита способность к распознаванию состояний другого человека по его невербальным реакциям.

С целью изучения взаимосвязи ценности умения прощать с отдельными параметрами понимания другого человека был проведен корреляционный анализ.

Согласно полученным данным, ценность умения прощать у студентов неоднозначно связана с отдельными составляющими способности к пониманию других людей: способности к пониманию состояния другого человека по его невербальному поведению ($r=0,119$); способности к точному прогнозированию развития ситуации межличностного взаимодействия, включающей понимание мотивов поведения ее участников ($r=0,196$); способности к самооценке понимания людей ($r=0,135$). Выявленные связи не являются статистически значимыми. Таким образом, у студентов возможны самые разные варианты их сочетания.

В ходе корреляционного анализа были установлены связи ценности умения прощать с некоторыми личностными и социально-психологическими свойствами респондентов (табл. 1).

Согласно результатам, приведенным в табл. 1, в ряду связанных с умением прощать ценностей оказываются такие, как: честность, уважение старших, отсутствие стремления к достижению успеха и авторитетности. Важность умения прощать также связана со спокойствием, расслабленностью, умением ладить с другими людьми, договариваться, значимостью стабильных, прочных отношений, отсутствием склонности к агрессивным стратегиям разрешения сложных межличностных ситуаций, тенденцией реагировать на них «мазохистским» способом, готовностью жертвовать собой ради близких.

Одной из задач исследования выступало изучение способности к пониманию других людей студентами, для которых умение прощать представляет наибольшую ценность и, напротив, наименее актуально. Численность испытуемых, во-

**Корреляционные связи ценности умения прощать с личностными
и социально-психологическими свойствами респондентов**

Свойства личности	Коэффициенты корреляции Пирсона
Напряженность	-0,25*
Самооценка умения ладить, спорить, договариваться с людьми	0,24*
Самооценка готовности жертвовать для блага других своими интересами	0,29*
Ценность достижения успеха	-0,26*
Ценность уважения старших	0,28*
Ценность честности	0,26*
Ценность авторитетности	-0,35**
Стремление к стабильности в отношениях	0,24*
Мазохистская стратегия поведения в сложных межличностных ситуациях	0,33**
Агрессивная стратегия поведения в сложных межличностных ситуациях	-0,24*

Примечание: «**» — $p < 0,01$; «*» — $p < 0,05$.

шедших в каждую из групп, составила 15 и 13 человек соответственно.

Исходя из полученных данных, психологический портрет студентов, для которых важно умение прощать, выглядит следующим образом: они не считают себя людьми самодостаточными, не очень уверены в себе (хотя им это очень важно), чувствительны и ранимы. Высоко ценят понимание и доверие в семье, наличие глубокой эмоциональной близости с любимым человеком. У них есть ощущение определенной зависимости от других, некоторая боязнь быть отвергнутыми ими. По отношению к людям они в меру благожелательны, высоко ценят в отношениях честность, ответственность, поддержку верных друзей. Большое значение для них имеет безопасность, включающая защищенность близких людей, собственное здоровье, заботу о нем. Они не склонны к агрессивным стратегиям разрешения сложных межличностных ситуаций, умеют контролировать свои эмоции и поведение, способны к проявлениям сочувствия, сопереживания. Для них очень важно на-

личие целей в жизни. Они достаточно социально активны, открыты к общению, у них есть стремление приносить пользу людям, ценят проявление уважения к старшему поколению, менее выражено уважение к традициям. Социально-психологическая компетентность и, в частности, коммуникативные навыки сформированы на среднем уровне, мотивация достижений развита плохо, они не отличаются практичностью, не стремятся к руководству людьми и признанию с их стороны.

Студенты, для которых умение прощать не представляет большой ценности, отличают несколько иные характеристики. Для них важно быть уверенными в ценности своей личности, быть в гармонии с собой. Однако они не уверены в себе, тревожны, недоверчивы, эмоционально нестабильны, чувствительны, пессимистичны, часто бывают недовольны собой. Высоко ценят безопасность родных и близких людей, понимание и доверие в семье, настоящую дружбу, боятся быть отвергнутыми людьми. В работе добросовестны и ответственные,

ценят интеллектуальные способности. Большую ценность для них представляет достижение поставленных целей, материальное благополучие, здоровье, забота о нем, о своем внешнем виде, статусе. Им сложно сохранять выдержку и самообладание, они нетерпимы к мнениям и убеждениям, расходящимся с их собственными, предпочитают уходить от решения сложных межличностных ситуаций либо прибегают к агрессивным стратегиям их разрешения. Социально-психологическая компетентность развита плохо, испытывают трудности в коммуникативной сфере, не отличаются предприимчивостью, мотивация достижений развита средне.

Подсчет t-критерия Стьюдента показал, что из 100 показателей, задейство-

ванных в исследовании, по 11 – различия между группами являются статистически значимыми (табл. 2).

Как видно из табл. 2, на уровне статистической значимости у студентов, относящихся умение прощать к числу ведущих жизненных принципов, в иерархии ценностей более высокие позиции занимает ценность честности, проявляющаяся в искренности, избегании лжи и обмана. Они в большей степени ценят хорошие манеры, соблюдают установленные правила и нормы поведения, умеют ладить с людьми, оптимистичны. Гораздо меньшее значение для них имеют ценности, связанные с властью: авторитетность, материальное благополучие и достижение успеха в деле. Они в меньшей степени недовольны собой. Однако для

Таблица 2

Личностные характеристики, выраженность которых статистически достоверно различается у студентов с высокой и низкой степенью значимости ценности умения прощать

Личностные характеристики	Высокая ценность умения прощать		Низкая ценность умения прощать		t-критерий
	М	σ	М	σ	
Мазохистские установки по отношению к себе	5,8	1,01	6,92	1,75	-2,11*
Самооценка умения ладить, спорить, договариваться с людьми	7,8	1,9	5,85	2,27	2,48*
Самооценка оптимизма	8,6	2,26	6,69	1,84	2,42*
Ценность достижения успеха	8,13	1,46	9,92	2,02	-2,72*
Ценность благосостояния	7,27	2,05	8,92	1,19	-2,56*
Ценность авторитетности	4,87	2,1	6,92	2,06	-2,61*
Ценность честности	8,87	1,25	6,77	2,24	3,12**
Ценность вежливости	7,8	0,86	6,46	1,9	2,46*
Стремление к стабильности в отношениях	8,73	1,44	7,31	1,65	2,44*
Мазохистская стратегия поведения в сложных межличностных ситуациях	4,47	1,92	3,0	1,83	2,06*
Асоциальное поведение	4,2	1,66	5,77	1,69	-2,48*

Примечание: «**» – $p < 0,01$; «*» – $p < 0,05$; М – среднее значение; σ – величина стандартного отклонения.

них более характерно реагирование в сложных межличностных ситуациях по мазохистскому типу. У них сильнее выражено стремление к стабильности в отношениях.

Обращаясь к успешности в сфере понимания других людей, можно констатировать, что испытуемые обеих групп не всегда точны — их показатели колеблются на уровне от среднего до ниже среднего (рис. 2).

Особые трудности у них вызывает прогнозирование развития ситуации межличностного взаимодействия, предполагающее понимание мотивов поведения ее участников.

В качестве тенденции следует отметить чуть более высокие показатели по всем диагностируемым параметрам понимания у студентов, высоко ценящих умение прощать.

В ходе корреляционного анализа были установлены взаимосвязи отдельных составляющих способности к пониманию с некоторыми личностными

особенностями и социально-психологическими навыками испытуемых. Обратимся к анализу полученных результатов (рис. 3).

У студентов, ценящих умение прощать, высокая оценка своей способности к пониманию людей наиболее тесно связана с религиозностью, наличием особого отношения к людям, включающего доброжелательность, терпимость, готовность к бескорыстным поступкам ради них.

Помимо этого установлено, что чем более они уверены в себе, оптимистичны, ощущают собственную самодостаточность, не боятся быть отвергнутыми другими людьми, владеют социально-психологическими умениями и навыками, тем выше они оценивают свою способность к пониманию другого человека.

Способность к прогнозированию развития ситуации межличностного взаимодействия, предполагающая понимание мотивов ее участников, у данной группы испытуемых связана с рациональностью, определенной жесткостью и черствостью

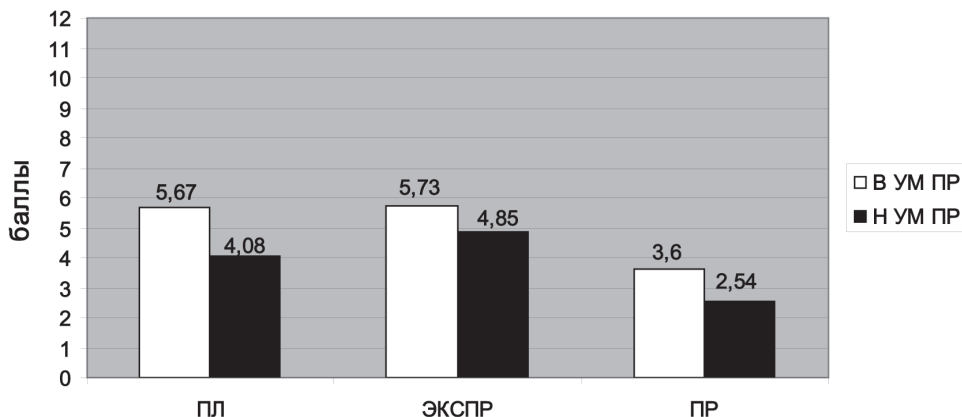
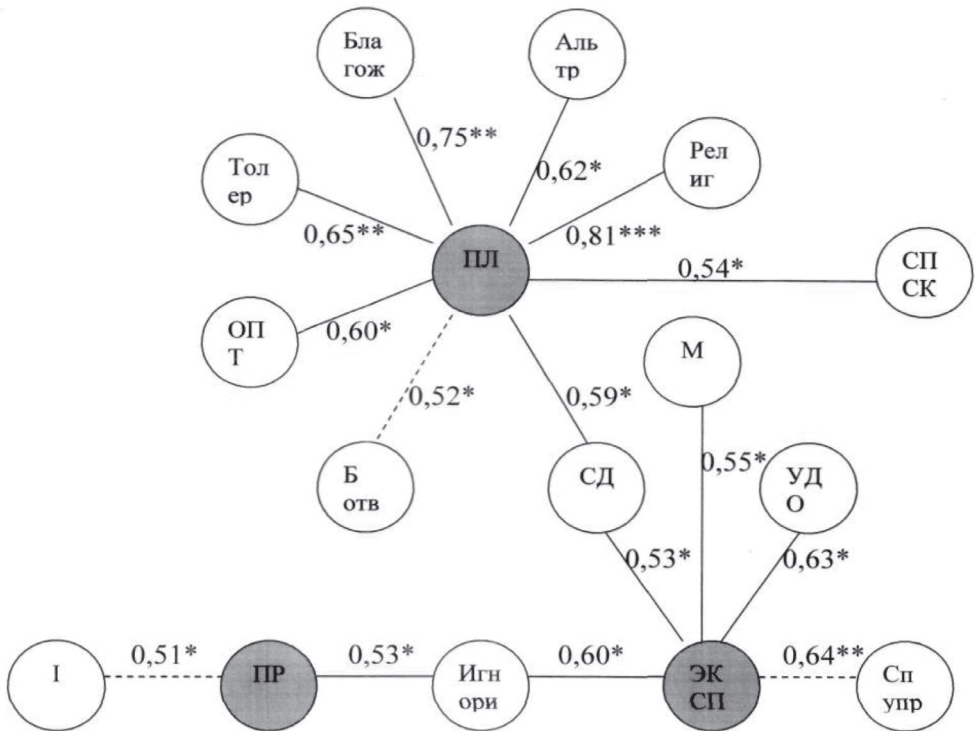

Рис. 2. Показатели развития отдельных составляющих способности к пониманию других людей: ПЛ — понимание людей; ЭКСПР — способность к пониманию невербального поведения другого человека; ПР — способность к точному прогнозированию развития ситуации межличностного взаимодействия; В УМ ПР — высокая ценность умения прощать; Н УМ ПР — низкая ценность умения прощать

по отношению к окружающим людям, практичностью, стремлением уходить от решения сложных межличностных ситуаций. В то время как понимание состояния человека по его невербальным реакциям сочетается с хорошо развитым воображением, мечтательностью, ощу-

щением самодостаточности, удовлетворенностью общением в близком кругу и при этом слабо развитой способностью управлять событиями своей жизни, склонностью уходить от решения трудных ситуаций, возникающих в межличностных отношениях.

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$

————— положительная связь; - - - - - отрицательная связь

Рис. 3. Корреляционные связи отдельных параметров понимания в группе студентов с высокой значимостью ценности умения прощать: ПЛ – понимание людей; ЭКСП – понимание состояния человека по его невербальному поведению; ПР – точность прогнозирования развития ситуации межличностного взаимодействия; УДО – удовлетворенность общением в близком кругу; ОПТ – оптимизм; Благож – благожелательность по отношению к людям; Толер – толерантность; Альтр – альтруизм; СД – самодостаточность; Б отв. – боязнь отвержения; СПСК – социально-психологическая компетентность; I – чувствительность, мягкость; М – мечтательность; Религ – религиозность; Сп упр – способность управлять событиями своей жизни; Игнорир – стратегия ухода от решения сложных межличностных проблем

Таким образом, полученные результаты отражают специфический характер данных способностей. Прогнозирование развития ситуации межличностного взаимодействия предполагает включение аналитических способностей субъекта познания, сочетается с определенным рациональным отношением к познаваемому человеку, необходимостью анализа ситуации с практической точки зрения, просчитыванием вариантов выхода из сложной для себя ситуации. Понимание состояния человека по невербальным реакциям, напротив, предполагает включение образного уровня познания. Примечательно, что чем выше уровень удовлетворенности общением и отношениями с близкими людьми, тем выше показатели понимания невербалики. Можно предположить, что распознавание состояний человека по его невербальным реакциям развивается в стремлении поддерживать стабильные, прочные отношения, помогает их сохранению, дает ощущение самодостаточности, контролируемости происходящего.

Стремление уходить от трудных ситуаций в межличностном взаимодействии также актуализирует данную способность. Точное распознавание тех или иных невербальных сигналов партнера по общению может нести сигнальную информацию о необходимости ухода из сложной для себя ситуации.

Результаты корреляционного анализа в группе студентов, для которых умение прощать не является важной ценностью, показаны на рис. 4.

У студентов, для которых умение прощать не представляет особой ценности, высокая оценка своей способности понимать других людей наиболее тесно связана с вербальной компетентностью, а также имеет положительные связи с опе-

ративной социальной компетентностью, низкой оценкой собственной способности управлять событиями своей жизни.

Таким образом, наличие хорошо развитых вербальных умений и навыков, а также компетентность в области решения социальных вопросов дают субъекту уверенность в том, что он хорошо умеет понимать других людей. В то время как отрицательная связь понимания людей со способностью управлять событиями своей жизни может говорить о зависимости от других людей.

Способность к точному прогнозированию развития ситуации межличностного взаимодействия, предполагающая понимание мотивов поведения ее участников, у данной группы испытуемых связана с большим количеством личностных характеристик: эмоциональной стабильностью, низким уровнем сенситивности, эмпатии, самодостаточностью личности, уверенностью в себе, отсутствием боязни быть отвергнутым, зависимости от других людей, удовлетворенностью общением в близком кругу, вербальной компетентностью, смелостью, предприимчивостью, активностью, низкой нормативностью поведения, отсутствием готовности жертвовать для блага других своими личными интересами.

В данном случае мы видим, что у студентов, не ценящих умение прощать, прогнозирование связано с широким набором личностных свойств и социальных умений. Оно предполагает эмоциональную зрелость личности, уверенность в себе, включенность в ситуации, связанные с риском, взаимодействием, требующие «холодного» расчета.

Понимание состояния человека по его невербальному поведению сочетается с наличием разного рода предрассудков, консерватизмом личности.

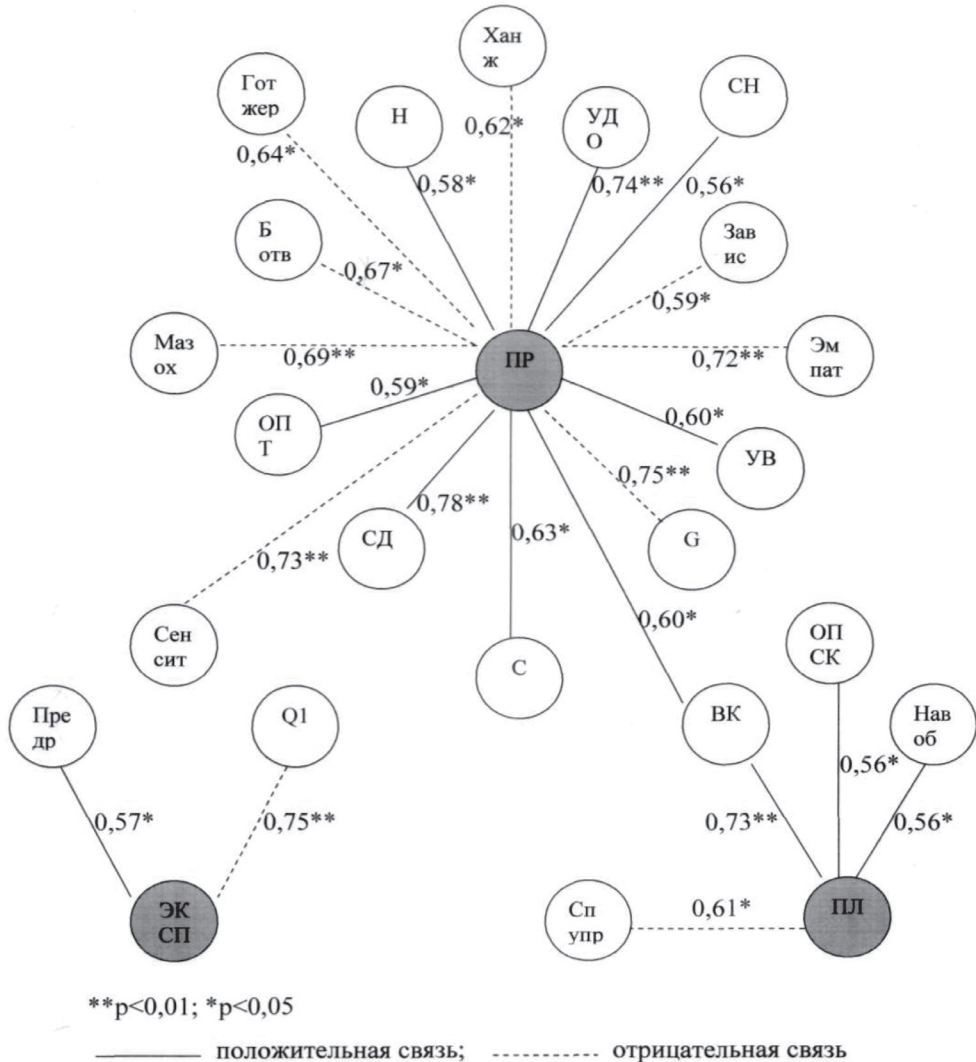

Рис. 4. Корреляционные связи отдельных параметров понимания в группе студентов с низкой значимостью ценности умения прощать: ПЛ – понимание людей; ЭКСП – понимание состояния человека по его невербальному поведению; ПР – точность прогнозирования развития ситуации межличностного взаимодействия; Нав об – навыки общения; ВК – вербальная компетентность; УДО – удовлетворенность общением в близком кругу; Эмпат – эмпатия; Сенсит – сенситивность; ОПТ – оптимизм; СД – самодостаточность; УВ – уверенность; Завис – зависимость; Б отв – боязнь отвержения; Мазох – мазохизм; Предр – предрассудки; ОПСК – оперативная социальная компетентность; СН – сноровка; Ханж – ханжество; С – эмоциональная стабильность; G – сила «сверх Я»; Н – смелость; Q1 – радикализм; Гот жер – готовность жертвовать собой ради других; Сп упр – способность управлять событиями своей жизни

Можно предположить, что наличие устойчивых предубеждений, стремление к соблюдению традиций, привычного образа жизни связаны с повышенным вниманием к внешним экспрессивным проявлениям другого человека и как следствие — с развитием способности к пониманию состояния человека по его невербальному поведению.

Выводы

В ходе исследования были получены результаты, позволяющие сделать следующие выводы.

1. Для большинства студентов ценность умения прощать имеет среднюю степень значимости. В ряду близких к ней ценностей выступают такие, как честность, уважение старших, отсутствие стремления к достижению успеха и авторитетности. Важность умения прощать сочетается со спокойствием, расслабленностью, умением договариваться с людьми, значимостью стабильных отношений, отсутствием склонности к агрессивным стратегиям разрешения сложных межличностных ситуаций, тенденцией реагировать на них мазохистским способом, готовностью жертвовать собой ради близких.

2. Студенты невысоко оценивают свою способность к пониманию других людей. Наибольшие трудности у них вызывает прогнозирование развития ситуации межличностного взаимодействия, предполагающее понимание мотивов поведения ее участников. На среднем уровне развита способность к распознаванию состояний другого человека по его невербальным реакциям.

3. На данном возрастном этапе ценность умения прощать других людей

может сочетаться с различными показателями успешности в понимании других людей. Статистически значимые связи между данными параметрами не установлены.

4. Как студенты, высоко ценящие умение прощать, так и те, для которых оно не представляется актуальным, не всегда точны в межличностном понимании — их показатели колеблются на уровне от среднего до ниже среднего. Особые трудности вызывает прогнозирование развития ситуации межличностного взаимодействия. В качестве тенденции следует отметить чуть большую успешность в понимании других людей у студентов, высоко ценящих умение прощать.

5. Вне зависимости от того, насколько важна для студентов ценность умения прощать, наблюдаются некоторые общие тенденции во взаимосвязи отдельных параметров понимания с определенными показателями личности: оценка своей способности к пониманию людей связана с уровнем развития коммуникативных умений и навыков, опытом социально-психологического взаимодействия; способность к прогнозированию развития ситуации межличностного взаимодействия сочетается с рациональным отношением к человеку, необходимостью анализа ситуации межличностного взаимодействия; понимание невербального поведения связано с ориентированностью на внешний рисунок поведения познаваемого человека.

6. Наряду с общими для всех участников исследования закономерностями выявлены особенности, различающие группы студентов, с разной выраженностью ценности умения прощать:

— у студентов, для которых умение прощать имеет большую ценность, высокая оценка своей способности к понима-

нию людей сочетается с доброжелательностью и терпимостью по отношению к ним, способностью к совершению бескорыстных поступков, уверенностью в себе; способность к точному прогнозированию развития ситуации межличностного взаимодействия, предполагающая понимание мотивов поведения ее участников, связана с определенным набором характеристик: жесткостью личности, рациональностью, избеганием сложных межличностных ситуаций; способность к пониманию состояния человека по его невербальным реакциям сочетается с мечтательностью, ощущением самодостаточности, удовлетворенностью общением в близком кругу и при этом слабо развитой способностью управлять событиями своей жизни, склонностью уходить от решения трудных ситуаций, возникающих в межличностном взаимодействии;

— у студентов, для которых умение прощать не представляет особой ценности, высокая оценка своей способности к пониманию людей в большей степени связана с вербальной компетентностью, а также слабо развитой способностью управлять событиями своей жизни, определенной зависимостью; точность прогнозирования развития ситуации межличностного взаимодействия сочетается с широким набором параметров, среди которых: эмоциональная зрелость, уверенность в себе, включенность в ситуации, связанные с риском, взаимодействием, требующие рационального подхода; понимание состояния другого человека по его невербальным реакциям связано со стремлением к соблюдению традиций, привычного образа жизни, наличием разного рода предрассудков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Аспект Пресс, 2009. 303 с.
2. *Бодаев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ., 1982. 200 с.
3. *Бодаев А.А.* Психология общения. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 256 с.
4. *Вербова К.В.* О взаимосвязи мотивационных и социально-перцептивных комплексов в общении // Вопросы психологии межличностного познания и общения. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1983. С. 34–37.
5. *Знаков В.В.* Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 479 с.
6. *Капустина А.Н.* Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла: учеб.-метод. пособие. СПб.: Речь, 2004. 104 с.
7. *Карягина Т.Д.* Философские и научные контексты проблемы эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 4. С. 50–74.
8. *Касаткина Л.Н.* Идентификации как средство понимания уникального внутреннего мира другого человека в деятельности психолога // Психологическая наука и образование. 2013. № 3. С. 88–99.
9. *Ким А.М.* Современная психология понимания. Алматы: Казак. университеті, 2000. 320 с.

10. *Краснова-Гольева В.В.* Социальное познание при тревожных расстройствах (обзор зарубежных исследований) // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 1. С. 153–165.
11. *Куницына В.Н.* Трудности межличностного общения: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1991. 358 с.
12. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М.* Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
13. *Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 608 с.
14. *Матьяш О.И., Погорьша В.М., Казаринова Н.В., Биби С., Зарицкая Ж.В.* Межличностная коммуникация: теория и жизнь / науч. ред. О.И. Матьяш. СПб.: Речь, 2011. 560 с.
15. *Панферов В.Н.* Психологическая структура познания человека человеком // Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания: сб. науч. тр. / Под ред. О.Г. Кукосян. Кубан. гос. ун-т, 1977. С. 21–35.
16. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / Под ред. А.А. Бодалева, Н.В. Васиной. СПб.: Речь, 2005. 324 с.
17. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
18. *Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 415 с.
19. *Юшачкова Т.Б.* Личностные детерминанты способности к пониманию других людей: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 194 с.

The relationship between the understanding of another person and the value of the ability to forgive in students

T.B. YUSHCHKOVA*,

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia,
tat_yushachkova@mail.ru

The article is concerned with the problem of interrelation of system of values and understanding of each other. This article contains the findings of a study of the relationship between the values of the ability to forgive others with their ability to understand other people. An analysis of such ability was carried out by the author upon three criteria considered as components of the ability to understand other people: the accuracy of predicting the development of the situation of interpersonal interaction; understanding the state of another person by his non-verbal behavior; the subject's assessment of his ability to understand other people. The methodological complex was used in the study including questionnaires and semi-projective methods. The sample group was 73 persons. Based on the data obtained it was concluded that the most part of students is distinguished by the average degree of importance of the ability to forgive and the low level of development of the ability to understand other people. It is established that the value of the ability for students to forgive can be combined with different indicators of success in understanding of other people.

Keywords: *interpersonal understanding, accuracy of understanding, the value of the ability to forgive other people, the subject of knowledge, the ability to understand.*

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2009. 303 p.
2. Bodalev A.A. Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Perception and understanding of man by man]. Moscow: Publ. MGU, 1982. 200 p.
3. Bodalev A.A. Psikhologiya obshcheniya [Psychology of communication]. Moscow: Publ. «Institut prakticheskoi psikhologii», Voronezh: NPO «MODEK», 1996. 256 p.
4. Verbova K.V. O vzaimosvyazi motivatsionnykh i sotsial'no-pertseptivnykh kompleksov v obshchenii [On the relationship between motivational and social-perceptual complexes in communication]. *Voprosy psikhologii mezhlchnostnogo poznaniya*

For citation:

Yushchkova T.B. The relationship between the understanding of another person and the value of the ability to forgive in students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 110–126. doi:10.17759/sps.2018090208 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Yushchkova Tatyana B.* — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMS-TU), Magnitogorsk, Russia, tat_yushachkova@mail.ru

- i obshcheniya [Questions of psychology of interpersonal cognition and communication].* Krasnodar: Publ. Kubanskogo universiteta, 1983, pp. 34–37.
5. Znakov V.V. Ponimanie v myshlenii, obshchenii, chelovecheskom bytii [Understanding in thinking, communication, human being]. Moscow: IP RAN, 2007. 479 p.
 6. Kapustina A.N. Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kattella: ucheb-metod. posobie [The multifactorial personal technique of R. Cattell]. Saint-Petersburg: Rech, 2004. 104 p.
 7. Karyagina T.D. Filosofskie i nauchnye konteksty problemy empatii [Philosophical and scientific contexts of the problem of empathy]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Consultative psychology and psychotherapy]*, 2009, no. 4, pp. 50–74.
 8. Kasatkina L.N. Identifikatsii kak sredstvo ponimaniya unikal'nogo vnutrennego mira drugogo cheloveka v deyatel'nosti psikhologa [Identification as a means of understanding the unique inner world of another person in the work of a psychologist]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2013, no. 3, pp. 88–99.
 9. Kim A.M. Sovremennaya psikhologiya ponimaniya [Modern psychology of understanding]. Almaty: Kazak. universiteti, 2000. 320 p.
 10. Krasnova-Gol'eva V.V. Sotsial'noe poznanie pri trevoznykh rasstroistvakh (obzor zarubezhnykh issledovaniy) [Social cognition in case of anxiety disorders (review of foreign studies)]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Consultative psychology and psychotherapy]*, 2015, no. 1, pp. 153–165.
 11. Kunitsyna V.N. Trudnosti mezhlichnostnogo obshcheniya [Difficulties in interpersonal communication. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saint-Petersburg, 1991. 358 p.
 12. Kunitsyna V.N., Kazarinova N.V., Pogolsha V.M. Mezhlichnostnoe obshchenie: uchebnik dlya vuzov [Interpersonal communication]. Saint-Petersburg: Piter, 2003. 544 p.
 13. Labunskaya V.A. Ekspressiya cheloveka: obshchenie i mezhlichnostnoe poznanie [Human Expression: Communication and Interpersonal Cognition]. Rostov-on-Don: Feniks, 1999. 608 p.
 14. Mat'yash O.I., Pogol'sha V.M., Kazarinova N.V., Bibi S., Zaritskaya Zh.V. Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn' [Interpersonal communication: theory and life]. In Mat'yash O.I. (ed.). Saint-Petersburg: Rech', 2011. 560 p.
 15. Panferov V.N. Psikhologicheskaya struktura poznaniya cheloveka chelovekom [The psychological structure of human cognition]. In Kukosyan O.G. (ed.). *Voprosy psikhologii poznaniya lyud'mi drug druga i samopoznaniya [Questions of psychology of knowledge of each other's people and self-knowledge]*. Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 1977, pp. 21–35.
 16. Poznanie cheloveka chelovekom (vozrastnoi, gendernyi, etnicheskii i professional'nyi aspekty) [Human cognition by a person (age, gender, ethnic and professional aspects)]. In Bodaleva A.A. (ed.). Saint-Petersburg: Rech', 2005. 324 p.
 17. Psikhologiya. Slovar' [Psychology. Dictionary]. In A.V. Petrovskiy, M.G. Yaroshevskiy (ed.). Moscow: Politizdat, 1990. 494 p.
 18. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Prusakova O.A. Model' psikhicheskogo v ontogeneze cheloveka [The model of the psychic in the ontogenesis of man]. Moscow: IP RAN, 2009. 415 p.
 19. Yushachkova T.B. Lichnostnye determinanty sposobnosti k ponimaniyu drugikh lyudei [Personal determinants of the ability to understand other people. Ph. D. (Psychology) diss.]. Saint-Petersburg, 2006. 194 p.

Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители

А.В. МАХНАЧ*,
ИП РАН, Россия, Москва,
amak@inbox.ru

Н.Н. ТОЛСТЫХ**,
ФГБОУ ВО МГППУ, Россия, Москва,
nnvt@list.ru

На материале исследования выборки кандидатов в замещающие родители из разных регионов России (622 человека, из них 223 мужчины, средний возраст — 39,6 года, и 399 женщин, средний возраст — 39,7 года) выявлены и проанализированы социально-демографические и психологические характеристики большой социальной группы потенциальных российских усыновителей. Проанализированы феномены жизнеспособности взрослого человека и семьи, этапы их изучения и подходы к операционализации. В эмпирическом исследовании использованы: тест «Жизнеспособность взрослого человека» А.В. Махнача, опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R) в адаптации Н.В. Тарабриной и соавторов, тест «Семейные ресурсы» А.В. Махнача, Ю.В. Постыляковой, а также «Шкала социальной желательности» Марлоу — Крауна в адаптации Ю.Л. Ханина. Полученные результаты свидетельствуют о высокой жизнеспособности представителей социальной группы российских потенциальных замещающих родителей. Наилучшие показатели у тех, кто уже воспитывает кровных и/или приемных детей, состоит в первом браке, находится в возрастном диапазоне 40–50 лет; женщины демонстрируют лучшие показатели жизнеспособности, чем мужчины.

Ключевые слова: жизнеспособность, ресурсы семьи, замещающая семья, диагностика кандидатов в замещающие родители, дети-сироты.

Для цитаты:

Махнач А.В., Толстых Н.Н. Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 127–149. doi:10.17759/sps.2018090209

* Махнач Александр Валентинович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, amak@inbox.ru

** Толстых Наталия Николаевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития, главный редактор журнала «Социальная психология и общество», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, nnvt@list.ru

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, — одна из самых обездоленных, уязвимых социальных групп современного общества. Магистральным путем решения проблемы воспитания таких детей в нашей стране в последние годы выбрано их жизнеустройство в замещающие семьи. Не останавливаясь здесь на анализе достоинств и ограничений семейного способа жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, обратим внимание на тех, кто сегодня в России готов взять на воспитание ребенка-сироту. С этой большой социальной группой наших соотечественников авторы настоящей статьи с коллегами столкнулись в процессе решения важной практической задачи — разработки и апробации программы психологической диагностики кандидатов в замещающие родители, задачи, важность которой признается всеми специалистами, работающими в этой области [11; 16]. Целью работы было создание научно обоснованного диагностического комплекса, позволяющего оценить те качества кандидатов в замещающие родители, которые помогли бы им стать успешными при выполнении задач воспитания, а следовательно, и решения проблемы возврата детей-сирот в интернатные учреждения. Результаты и выводы проведенного исследования подтвердили продуктивность наметившейся в мировой практике тенденции перехода от выявления противопоказаний, негативных сторон семьи потенциальных усыновителей и личности каждого из супругов к определению их сильных

сторон, ресурсов. В частности, в нашем исследовании одним из оказавшихся весьма полезными для диагностики кандидатов на роль замещающих родителей параметров оказался уровень их жизнеспособности.

С социально-психологической точки зрения интерес представляет вопрос о том, какое место занимает жизнеспособность в характеристике этой социальной группы (реально достаточно большой в современной России¹) людей, желающих взять на воспитание ребенка-сироту; каковы половые различия параметров жизнеспособности (в данном случае между мужьями и женами в семьях потенциальных замещающих родителей); как соотносятся эти показатели в группах бездетных семей, с одной стороны, и семей, имеющих опыт воспитания детей, — с другой, и т. п. Иными словами, в данной публикации мы намерены охарактеризовать социальную группу потенциальных замещающих родителей через различные аспекты их жизнеспособности.

Феномен жизнеспособности

В самом общем виде жизнеспособность человека можно определить как «способность к самостоятельному существованию или выживанию, но и развитию вопреки влиянию любых внешних факторов» [8, с. 11]. В этой же логике в последние годы стали говорить и о жизнеспособности семьи, хотя четкой, общепринятой концептуализации этого понятия пока не выработано.

¹ В 2009 г. приемных родителей в России было 4487, в 2015 г. — 7982 человека; семей, желающих принять на воспитание ребенка-сироту, в 2009 г. — 15 517, в 2015 г. — 30 875 семей; усыновителей — 7262 человека, в 2015 г. — 16 692 человека (по данным уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка. URL: <http://deti.gov.ru/content-wide.php?id=32> (дата обращения 30.04.2017).

Операционализация феномена жизнеспособности человека зависела от условно выделяемых и исторически сложившихся этапов его исследования. Э. Мاستен и Э. Обрадович в свое время выделили четыре волны в изучении жизнеспособности [32]. Первые три, по их мнению, были детерминированы бихевиоральным подходом к исследованию жизнеспособности и имели глубокие корни в медицине, педагогике и психопатологии. Четвертая волна на момент написания обсуждаемой статьи только формировалась, что позволило авторам обозначить лишь основные цели и стратегии этой волны. Сегодня вследствие бурного развития исследований и обобщения значительных данных по лонгитюдным и когортным исследованиям (которые были осуществлены ранее, но системно осмыслены в первую декаду нового тысячелетия) настало время выделения пятой волны изучения жизнеспособности человека [3; 8].

Опишем основные тенденции этой пятой волны.

Прежде всего, в последнее время исследования жизнеспособности человека проводятся преимущественно в русле экологического подхода Ю. Бронфенбреннера [22]. Примером может служить разработка четырехаспектной экологической модели жизнеспособности, включающей: 1) черты личности и индивидуальные характеристики; 2) отношения с близкими; 3) влияние общества и государства; 4) включенность в культуру, культурную традицию [39]. В практике работы с замещающими родителями в рамках этого подхода обращается внимание на проблемы, связанные с системой окружения семьи, доступом к службам и поддержке, а также на управление внесемейными и социальными взаимоот-

ношениями. Используя экологический подход, исследователи изучали социальную поддержку у жизнеспособных замещающих семей, их положительные взаимные транзакции в разных системах, по Ю. Бронфенбреннеру. Было показано, что семьи с высокой жизнеспособностью получали доступ к социальной поддержке на микроуровне, мезоуровне и макроуровне. Понимание того, как семьи развивают социальную поддержку на нескольких уровнях, влияет на практику и политику при рассмотрении того, как лучше всего сохранить и поддержать семьи, которые заботятся о сиротах [37].

Особо подчеркнем интерес к изучению социального, культурного и природного контекстов, в которых формируется, развивается и проявляется жизнеспособность человека, существенное расширение этих контекстов. Концептуализация понятия жизнеспособности в исследованиях пятой волны происходит через изучение роли макрофакторов риска и защиты, а также влияния макроресурсов общества на индивидуальную жизнеспособность в контексте значительных изменений в социальных характеристиках и структуре общества.

В аспекте нашей работы обратим внимание на следующий факт: жизнеспособность человека рассматривается современными исследователями как динамический феномен, формирующийся, с одной стороны, в широком — социальном контексте, а с другой — в узком, семейном [23; 28 и др.]. По мнению С. Минухина и Ч. Фишмана, «семья — естественный контекст как роста, так и исцеления... Та или иная жизнеспособная структура семьи необходима для выполнения главных задач семьи — поддерживать индивидуальность, в то же время создавать ощущение принадлежности к целому» [12, с. 17].

Понимание динамической природы феномена жизнеспособности человека спровоцировало появление работ по жизнеспособности человека в семейном контексте, а позднее привело к анализу жизнеспособности семьи как целостного объекта исследования и формированию нового проблемного поля. Жизнеспособность семьи можно рассматривать как системную характеристику семьи, способной отвечать на стрессы различного генеза с использованием свойственных именно ей защитных факторов и семейных ресурсов (индивидуальные, семьи как системы, ресурсы внешней среды), что предполагает умение и готовность семьи совладать, меняться, адаптироваться и развиваться [8].

По мнению Дж. Паттерсон, «жизнеспособность семьи существует в виде процессов, благодаря которым семья может компетентно адаптироваться и функционировать, находясь под воздействием значительных неблагоприятных условий и кризисов» [36, с. 352].

Согласно еще одному концептуальному определению, в котором также выделяется адаптивность и приспособляемость семьи, ее жизнеспособность — это «путь, которым следует семья, когда она адаптируется и живет в условиях стресса, как в настоящем времени, так и постоянно. Жизнеспособные семьи реагируют на условия стресса своими уникальными способами в зависимости от контекста, уровня развития, сочетанием факторов риска и защитных факторов, имея в семье общую перспективу» [29, с. 293].

Жизнеспособность семьи с самого начала стала рассматриваться как динамическая характеристика, как процесс:

«Жизнеспособность семьи — это не ее статический признак, а континуум с гибкими, динамичными границами диапазона «жизнеспособность — нежизнеспособность». Позднее акцент сместился с анализа этого континуума на изучение жизнеспособности как многофакторного и динамического образования. Важно еще раз подчеркнуть, что жизнеспособность семьи — понятие, подчеркивающее сильные стороны семьи в стрессовые периоды» [19, с. 167]².

В последние годы на смену парадигме, основанной на семейной патологии, приходит парадигма, где делается акцент на компетентности и сильных сторонах семьи [42]. Исследования жизнеспособности семьи закономерно продолжились поиском источников силы и ресурсов семьи вопреки всем неблагоприятным факторам внешней среды и обстоятельствам внутри семьи. Семья с позиции оценки ее жизнеспособности — это не система с нарушениями и ответными ее реакциями на внешние неблагоприятные воздействия, а система, находящаяся под воздействием стрессов. Семья не является ни здоровой, ни дисфункциональной, но в ней идут процессы совладания и развития, которым не следует давать определения из лексикона медицинской модели. С этой точки зрения «сторонники подхода оценки семьи с позиции ее жизнеспособности стремятся понять, за счет чего семья выживает и даже процветает под воздействием стрессов» [19, с. 206]. В связи с этим примерно с конца 1970-х — начала 1980-х гг. осуществился переход от предопределенности того или иного структурного развития к процессам успешного или неуспешного

² В книге М. Урдена термин «resilience» переведен на русский язык как «устойчивость».

совладания с негативными влияниями внешних и внутренних процессов внутри семьи и вокруг нее. Также было показано, что жизнеспособность индивида может оказывать сильное влияние на процессы внутри семьи, особенно если семья имеет лишь некоторые признаки жизнеспособности [36; 41]. Способность семьи «отскочить назад и преобразоваться требует от нее целого ряда компетенций в области общения, эмоций, духовности, отношений в сообществе» [34, с. 32].

Методы исследования жизнеспособности

Концептуализация понятия «жизнеспособность» на каждом из этапов изучения этого феномена отразилась также и в инструментарии, создаваемом для эмпирических исследований разных компонентов жизнеспособности человека. Традиционно конструкт жизнеспособности рассматривается в двух полярных полюсах: риска или неблагоприятного воздействия, с одной стороны, и позитивной адаптации и компетентности человека — с другой. Поэтому жизнеспособность традиционно оценивается как: а) хороший выход из ситуации, несмотря на неблагоприятное воздействие; б) устойчивое проявление компетентности под влиянием стресса; в) восстановление после травматического события [33]. В связи с этим риск и компетентность рассматриваются как два основных конструкта, лежащих в основе жизнеспособности человека [31].

За несколько десятилетий интереса ученых к феномену «жизнеспособность» было разработано несколько методов его психологической диагностики. В настоящее время насчитывается около 70 опрос-

ников, с помощью которых измеряются различные качества, способствующие формированию жизнеспособности [35].

Исторически чаще всего разрабатывались и продолжают создаваться шкалы и опросники для оценки жизнеспособности детей и подростков, их в настоящее время больше, чем опросников для взрослых. Такая направленность большинства тестов объясняется тем, что подростки — это новое поколение, включающееся вскоре во все сферы общественной жизни. Поэтому существует первоочередной запрос общества на изучение компонентов жизнеспособности для прогнозирования этого качества у подростка — молодого человека в ближайшем будущем [см. об этом подробнее 4—7; 13; 14; 17; 21; 40 и др.].

Тест «Жизнеспособность взрослого человека»

С учетом мирового и отечественного опыта создания методик оценки жизнеспособности А.В. Махнач разработал опросник «Жизнеспособность взрослого человека» [8]. В него вошли шесть выделяемых большинством исследователей компонентов жизнеспособности человека (пять внутренних и один внешний): самооффективность, настойчивость, внутренний локус контроля, совладание и адаптация, семейные/социальные взаимосвязи. Соответственно, в тест были включены вопросы для шести шкал: «Самооффективность», «Настойчивость», «Внутренний локус контроля», «Совладание и адаптация», «Семейные/социальные взаимосвязи», «Духовная жизнь, сила духа». Сумма значений показателей по шести шкалам представляет собой интегральный показатель жизнеспособности человека — ИПЖЧ. Опишем кратко

шкалы теста «Жизнеспособность взрослого человека».

Первый компонент — *самоэффективность* (1 шкала СЭ) включает в себя индивидуальные ожидания и представления, веру в способность индивида мобилизовать мотивацию, когнитивные ресурсы, а также действия для оказания влияния на то или иное событие, адекватную самооценку, веру в свою эффективность.

Второй компонент — *настойчивость* (2 шкала Н) как упорство, живучесть определяет самодисциплину индивида и его желание продолжить борьбу за восстановление баланса после воздействия неблагоприятных событий жизни.

Третий компонент — *внутренний локус контроля* (3 шкала ВЛК) связан с восприятием индивидом возможности влиять на окружение и ход жизни в будущем, с его верой в то, что он инициатор и ответственен посредством своих действий за все происходящее в его жизни [38]. Жизнеспособные индивиды имеют более выраженный внутренний локус контроля, и они более оптимистичны относительно их способности находить позитивные решения для самих себя и других [25 и др.].

Четвертый компонент — *совладание и адаптация* (4 шкала СА). Совладение связано с когнитивными и поведенческими стратегиями, используемыми индивидом для управления потребностями в неблагоприятных условиях [24], тогда как адаптация является процессом приспособления к изменяющимся или неблагоприятным обстоятельствам. Жизнеспособные индивиды ощущают себя более уверенными в том, что они могут успешно совладать с неблагоприятием, неблагоприятными условиями, и часто используют набор стратегий, как прави-

ло, эмоционально-ориентированных и направленных на решение проблем [32].

Пятый компонент — *семейные и социальные взаимосвязи* (5 шкала ССВ). Безопасные межличностные связи обеспечивают важный источник эмоциональной поддержки сообщества и служат основанием его жизнеспособности [27]. Жизнеспособность включает способность индивида использовать семью, социальную и любую внешнюю систему поддержки для лучшего совладания со стрессом [25].

Шестой компонент — *духовная жизнь, сила духа, вера в экзистенциальный смысл жизни* (6 шкала Д). Духовность понимается как набор убеждений и практических действий, которые разработаны людьми в той или иной религиозной традиции, имеющими схожее понимание духовности [26]. Важно отметить, что эта шкала не нацелена на оценку принадлежности к церкви, исполнение тех или иных религиозных практик, скорее имеется в виду внутренний регулятор отношения к событиям вокруг человека как внутренний план жизнедеятельности, снижающий уровень стресса, неудовлетворенности собой и делающий более осмысленным существование человека в мире.

Первые четыре шкалы позволяют оценить вклад индивидуально-психологических характеристик в жизнеспособность человека. Пятая шкала оценивает социальное и семейное окружение, способствующее жизнеспособности человека. Шестая шкала отражает духовную сущность человека, его экзистенцию.

Тест рассчитан на взрослую аудиторию от 18 лет и до позднего возраста. Структурно тест состоит из 120 вопросов. Частотность по утверждениям, касающимся некоторых особенностей самочувствия, поведения, характера, измеряется по четырехступенчатой шка-

ле Ликерта со значениями: 1 = «нет», 2 = «скорее нет, чем да», 3 = «скорее да, чем нет» и 4 = «да». Время его заполнения составляет от 15 до 20 минут.

Эмпирическое исследование

Цель исследования — выявить социально-демографические и психологические характеристики группы замещающих родителей, характеризующие их жизнеспособность и ресурсность.

Гипотезы исследования:

1. Социально-демографические характеристики российских замещающих родителей имеют специфику в сравнении с замещающими родителями из развитых западных стран.

2. Жизнеспособность и ресурсы замещающих родителей характеризуются высокими — по сравнению с нормативными — показателями.

3. Компоненты жизнеспособности и ресурсности замещающих родителей зависят от таких факторов, как пол, возраст, брачный статус и наличие/отсутствие в семье кровных и/или приемных детей.

Методики исследования. Для оценки выраженности компонентов жизнеспособности респондентам предлагался вышеописанный тест «Жизнеспособность взрослого человека». Для анализа были использованы все шкалы опросника, так как по результатам однофакторного анализа ANOVA с критерием Фридмана все шкалы теста обнаружили высокую внутреннюю согласованность и консистентность, что говорит о надежности теста (см. табл. 1).

Таким образом, статистика пригодности показала высокую альфу Кронбаха (0,818 — 0,927), статистически значимый показатель по критерию хи-квадрата Фридмана ($p = 0,001$). Полученные показатели свидетельствуют о высокой внутренней валидности (синхронной надежности) всех шкал разработанного теста.

Оценка конвергентной и дискриминантной валидности производилась путем вычисления корреляций шкал теста с внешними критериями — показателями шкал других опросников. Для этого в исследование были включены опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R) в адаптации

Таблица 1

Статистики пригодности шкал теста «Жизнеспособность взрослого человека» (по 20 пунктам)

Шкалы теста	α Кронбаха, основанная на стандартизованных пунктах	Среднее по шкале	Дисперсия	Стандартное отклонение	Хи-квадрат Фридмана между пунктами	p
Самоеффективность	0,872	66,79	46,73	6,84	1613,98	0,001
Настойчивость	0,874	65,61	49,27	7,02	2751,19	0,001
Локус контроля	0,818	64,36	42,11	6,49	2233,94	0,001
Совладание и адаптация	0,852	63,48	41,17	6,42	798,72	0,001
Семейные и социальные взаимосвязи	0,890	72,67	38,53	6,21	1901,48	0,001
Духовность	0,927	56,93	161,75	12,72	3084,86	0,001

Н.В. Тарабриной и соавторов [18] и тест «Семейные ресурсы» [9; 10].

Использование трех перечисленных тестов позволяет всесторонне охарактеризовать социальную группу кандидатов в замещающие родители с точки зрения различных аспектов ее жизнеспособности с учетом оценки, с одной стороны, «сильных» и «слабых» сторон отдельных кандидатов, а с другой — ресурсности потенциальных замещающих семей.

Для оценки степени искажения респондентами данных тестирования использовалась «Шкала социальной желательности» Марлоу—Крауна в адаптации Ю.Л. Ханина [20].

Выборка. В исследовании, проводившемся в 2014—2015 гг., приняли участие кандидаты в замещающие родители из разных регионов России — 622 человека, из них 223 мужчины (средний возраст — 39,6 года) и 399 женщин (средний возраст — 39,7 года). Все они обратились в органы опеки и попечительства с намерением взять ребенка в семью, согласившись добровольно принять участие в психологическом обследовании. В выборку включены, с одной стороны, кандидаты в замещающие родители без опыта воспитания детей-сирот (в некоторых семьях были родные дети, другие — бездетные), с другой — имеющие опыт воспитания приемных детей опытные кандидаты, которые участвовали в пилотном проекте по имущественной поддержке семей, согласившихся воспитывать детей старшего возраста и/или детей-инвалидов и заключившие договор о приемной семье с департаментом социальной защиты населения г. Москвы. Таким образом, выборка достаточно полно отражает генеральную совокупность людей, которые сегодня принимают решение взять на воспитание в семью детей-сирот.

Результаты и их обсуждение

Социально-демографические характеристики группы кандидатов в замещающие родители

Кратко представим социально-демографические характеристики группы кандидатов в замещающие родители, полученные на основании анализа выборки нашего исследования.

Возраст замещающих родителей.

Большая часть выборки (46,5%) — это люди в возрасте от 30 до 39 лет. Люди в возрасте 40—49 лет составили 30,2%, 50 лет и старше — 13,7%. Меньшую долю выборки (9,7%) представляют самые молодые кандидаты в замещающие родители, которым от 20 до 29 лет.

Как видим, чаще всего решение взять ребенка-сироту в семью принимают россияне зрелого возраста (30—39 лет), находящиеся на «вершине жизни», и это в равной степени относится и к женской, и к мужской части выборки. В следующей по возрасту и по представленности в выборке группе респондентов (40—49 лет) наблюдается некоторое преобладание мужчин.

Сравнение с сопоставимой по объему ($n = 560$) американской выборкой [30] показывает, что и в США самые молодые усыновители составляют меньшинство (6,3%), однако другие возрастные группы по численности мало отличаются друг от друга: усыновители 30—39 лет составляют 20,2%, 40—49 лет — 26,6%, 50 лет и старше — 26,4%. Обратим внимание на то, что в американской выборке замещающих родителей в возрастном диапазоне от 50 лет и старше практически столько же, сколько и более молодых, в то время как в российской численность этой группы значительно меньше. Американцы разных возрастных групп (за исключением лишь самых молодых, находящихся на третьем десятке) в

равной степени готовы взять ребенка-сироту в семью. Россияне старше 50 лет принимают подобное решение значительно реже.

Наличие кровных детей в семье. По этому показателю российская выборка также отличается от упомянутой выше американской. Если почти половина россиян (47,3%), намеревающихся взять на воспитание в семью ребенка-сироту, не имеют кровных детей, то среди американцев таких меньше трети (28,9%), у остальных есть кровные дети, причем у большей части (29,6%) таких детей трое и больше. Сравнение российской и американской выборок показывает, что фактор наличия кровных детей, не играя существенной роли для принятия решения об усыновлении гражданами США, важен для россиян. Это позволяет думать, что для значительной части наших соотечественников мотивация принятия решения об усыновлении ребенка-сироты носит по существу дефицитарный характер. Это предположение подтверждается и в интервью с такими кандидатами, и в специальных исследованиях мотивации создания замещающей семьи [15].

Брачный статус. Большая часть выборки российских кандидатов в замещающие родители состоит в браке, причем 68% выборки — в первом браке.

Образовательный уровень российских кандидатов в замещающие родители достаточно высок: большинство и мужчин, и женщин имеют высшее (56,3%) или среднее профессиональное образование (32,3%), что в совокупности составляет 88,7%. Этот показатель представляется важным, поскольку позволяет с уверенностью говорить о том, что потенциальные замещающие родители профессионально защищены.

Таким образом, полученные на репрезентативной выборке социально-демографические характеристики группы россий-

ских кандидатов в замещающие родители, хотя по ряду параметров и отличны от взятой для сравнения американской выборки усыновителей, в основном сопоставимы с характеристиками замещающих семей в развитых западных странах и отражают достаточно благоприятную картину.

Оценка установки на социальную желательность ответов

По данным Шкалы социальной желательности Марлоу—Крауна, 19,8% респондентов от всей выборки продемонстрировали уровень социальной желательности ответов, выходящий за пределы нормы. Мы склонны оценивать эти данные не как личностную характеристику представителей группы замещающих родителей, а как характеристику в первую очередь ситуативную. Как известно, Шкала Марлоу—Крауна была создана для оценки уровня социальной желательности ответов людей в ситуации их клинического обследования, которая, как правило, актуализирует установку клиента быть максимально искренним в своих ответах или даже агравировать их. Для человека, который обращается в соответствующие инстанции с просьбой разрешить ему усыновить ребенка, желание показать себя с наилучшей стороны может быть оценено как вполне естественное и адекватное ситуации тестирования, от результатов которого зависит удовлетворение его просьбы. Вместе с тем для дальнейшего анализа нами были отобраны данные только тех респондентов, у которых показатель социальной желательности был в пределах нормы. В результате общая выборка была сокращена до 499 человек.

Жизнеспособность кандидатов в замещающие родители

Вначале была оценена взаимосвязь всех взятых для анализа показателей, по-

лучаемых с помощью психологических методик, с наличием в семье приемных детей. На двух больших выборках — кандидаты, имеющие кровных и/или приемных детей ($n = 249$), и бездетные кандидаты

($n = 236$) — были получены следующие данные (см. табл. 2). Группы были рандомизированы по количеству, признакам возраста и пола. Сравнение групп производилось с использованием критерия Манна—Уитни.

Таблица 2

Сравнение показателей по группам кандидатов, воспитывающих кровных и/или приемных детей ($n = 249$), и кандидатов, не имеющих детей ($n = 236$), U-критерий Манна—Уитни

Методика	Показатели (шкалы)	Статистика U Манна—Уитни		
		Ранговые суммы	Z	P
I	Самоэффективность	26372,0	-1,95	0,05
	Настойчивость	25632,0	-2,43	0,02
	Внутренний локус контроля	25948,5	-2,23	0,03
	Совладание и адаптация	23272,0	-3,97	0,00
	Семейные и социальные взаимосвязи	24802,5	-2,97	0,00
	Духовность	28841,0	-,35	0,73
II	SOM	28187,0	-,78	0,44
	O-C	24311,0	-3,30	0,00
	INT	24416,5	-3,24	0,00
	DEP	26695,0	-1,75	0,08
	ANX	27179,0	-1,45	0,15
	HOS	26615,0	-1,84	0,06
	PHOB	28647,0	-,54	0,59
	PAR	25996,0	-2,25	0,03
	PSY	27680,5	-1,19	0,24
	ADD	27924,5	-,96	0,34
	GSI	25252,0	-2,68	0,01
	PST	25807,0	-2,32	0,02
	PSDI	28351,5	-,67	0,50
	III	Поддержка	26292,0	-2,02
Здоровье		24146,0	-3,40	0,00
Решение проблем		27127,0	-1,47	0,14
Роли и правила		27594,5	-1,16	0,25
Эмоциональная связь		23582,0	-3,77	0,00
Финансы		28729,0	-,43	0,67
Коммуникация		27910,5	-,96	0,34
Управление ресурсами		27846,5	-,99	0,32

Примечание: выделены шрифтом показатели, различающие группы при $p = 0,05$ и выше (асимптотическая значимость, двухсторонняя); I — Тест «Жизнеспособность взрослого человека»; II — Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R); III — Тест «Семейные ресурсы».

Выборки кандидатов с детьми и бездетных статистически различаются по всем показателям теста «Жизнеспособность взрослого человека» (кроме показателя шкалы «Духовность» – Д). По усредненным рангам и ранговой сумме для двух выборок значения всех показателей выше у родителей, имеющих детей. Несмотря на отсутствие статистически значимых различий по показателю шкалы Д, ранговая сумма для выборки с детьми все же выше (59966,0), чем для бездетных (57889,0), что также свидетельствует о выраженности этого компонента жизнеспособности у кандидатов, имеющих кровных и/или приемных детей. Также оказалось, что показатель шкалы Д и внешняя переменная «Наличие кровных и/или приемных детей» коррелируют на статистически значимом уровне ($r = 0,244$; $p \leq 0,004$).

Примечательно, что показатель шкалы Д оказался значимо отрицательно связан с такими социально-демографическими факторами, как стаж брака ($r = -0,001$, $p \leq 0,04$) и количество браков ($r = -0,63$, $p \leq 0,05$).

Для анализа взаимосвязи между стажем семейной жизни и компонентами жизнеспособности кандидатов в замещающие родители из общей выборки были отобраны две группы, рандомизированные по признаку стажа семейной жизни: группа кандидатов, у которых стаж семейной жизни до года, и группа кандидатов, у которых стаж семейной жизни от 16 до 42 лет (среднее – 26,0 года). Статистически значимые различия между рассматриваемыми группами были отмечены только по показателю шкалы Д ($p = 0,05$), что отчасти объясняется разницей в возрасте (возраст также достоверно различается), и подтверждаются различиями по следующим показателям семейных ресур-

сов в группах: «Правила и роли» ($p < 0,01$), «Эмоциональная связь» ($p < 0,03$) по тесту «Семейные ресурсы». Эти семейные ресурсы ожидаемо выше в группе с большим стажем семейной жизни.

В группах, различающихся по полу (в них вошли респонденты в возрасте от 25 до 59 лет, дополнительно рандомизированные по признаку возраста), отмечаются следующие особенности жизнеспособности, свойственные мужчинам ($n = 178$) и женщинам ($n = 177$). По тесту «Жизнеспособность взрослого человека» статистически значимые различия между группами отмечаются по показателям шкал Д, ВЛК ($p < 0,001$; критерий U Манна–Уитни); значения этих показателей выше в группе женщин. Интересно, что среди показателей семейных ресурсов мужская и женская выборки отличаются статистически значимо по показателям шкал «Решение проблем», «Финансы», что согласуется с данными, полученными Л.А. Головей на взрослых людях разных специальностей: «На стратегии поведения в ситуациях профессиональных кризисов влияют половые и личностные характеристики. Так, женщины демонстрируют большее количество конструктивных выходов и легче переносят кризисы. Интернальный локус контроля обеспечивает более легкое протекание кризисов, способствует нахождению конструктивных выходов, препятствует формированию синдромов эмоционального выгорания» [1, с. 65].

Анализируя показатели выраженности психопатологических симптомов в подгруппах мужчин и женщин, отметим различия по шкалам DEP (депрессия), ANX (тревога), РНОВ (фобии), PSDI (индекс наличного симптоматического дистресса). Эти психопатологические симптомы статистически более выражены в группе женщин (см. табл. 3).

Таблица 3

**Выраженность психопатологических симптомов (SCL-90-R)
в группах мужчин (n = 178) и женщин (n = 177)**

Шкалы	Мужчины	Женщины	SD	P
SOM	0,29	0,35	0,4–0,5	0,09
O-C	0,46	0,45	0,5–1,0	0,81
INT	0,38	0,43	0,5–0,7	0,23
DEP	0,26	0,34	0,5–0,7	0,02
ANX	0,22	0,29	0,5–0,6	0,03
HOS	0,29	0,29	0,5–0,7	0,98
PHOB	0,10	0,13	0,4–0,6	0,05
PAR	0,32	0,32	0,5–0,6	0,42
PSY	0,12	0,13	0,3–0,6	0,13
ADD	0,29	0,40	0,4–0,7	0,03
GSI	0,24	0,27	0,3–0,4	0,15
PSDI	0,82	0,98	0,3–0,4	0,04

Примечание: шрифтом выделены статистически значимые различия между группами по U-критерию Манна–Уитни.

При этом в целом по всей выборке показатели выраженности психопатологической симптоматики невысоки. Сравнение средних значений и по интегральному показателю, и по отдельным симптомам с аналогичными, полученными на выборках профессиональных военных, пожарных и др. (см. [18]), говорит о том, что группа кандидатов в замещающие родители демонстрирует самые низкие показатели.

Особый интерес представляют данные, полученные на группах тридцатилетних и сорокалетних кандидатов. Как было сказано выше, кандидаты в замещающие родители этого возраста представляют собой 76,7% от всей выборки и являются самыми активными участниками процесса решения проблем сиротства в России. Для целей эффективного помещения детей-сирот в замещающие семьи важно понимать, какими ресурсами и рисками обладают эти возрастные группы. Мы провели сравнение групп тридцати-

летних и сорокалетних кандидатов, рандомизировав выборки по количеству и полу. Оказалось, что эти две группы имеют статистически значимые различия по показателям, оценивающим компоненты жизнеспособности, психологической ресурсности, а также психопатологической симптоматики. В частности, практически все показатели компонентов жизнеспособности указывают на то, что в группе сорокалетних жизнеспособность значительно выше (см. рис. 1).

Выше у них и показатели таких шкал семейных ресурсов, как «Здоровье», «Эмоциональная связь», «Роли и правила». Интересно, что только по шкале 7 «Коммуникация» значение рангов несколько выше в группе тридцатилетних (различия статистически недостоверны), все остальные показатели ресурсов выше в группе сорокалетних (см. рис. 2).

По большинству показателей оценки психопатологических симптомов обе группы также отличаются. Все показате-

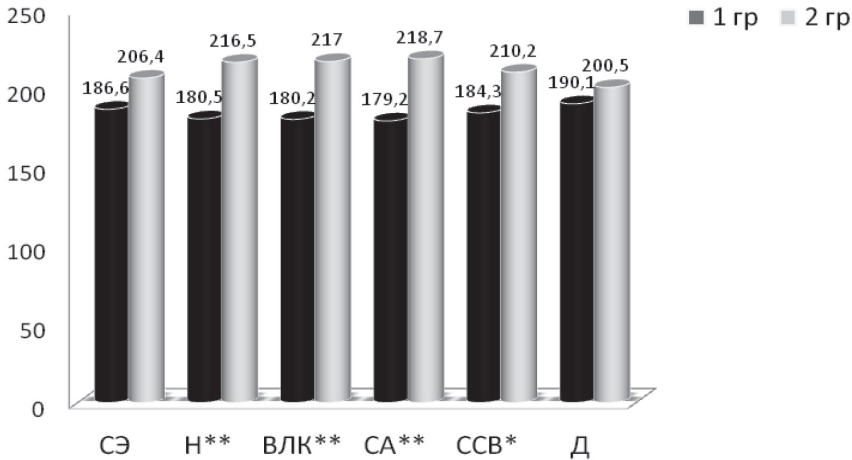

Рис. 1. Ранги группы 1 – тридцатилетних кандидатов (n = 147) и группы 2 – сорокалетних кандидатов (n = 145)

Примечание: шкалы теста «Жизнеспособность взрослого человека»: СЭ – «Самоэффективность», Н – «Настойчивость», ВЛК – «Внутренний локус контроля», СА – «Совладание и адаптация», ССВ – «Семейные и социальные взаимосвязи», Д – «Духовность». Статистически значимые различия по показателям теста между группами по U-критерию Манна – Уитни: * p = 0,05; ** p = 0,01.

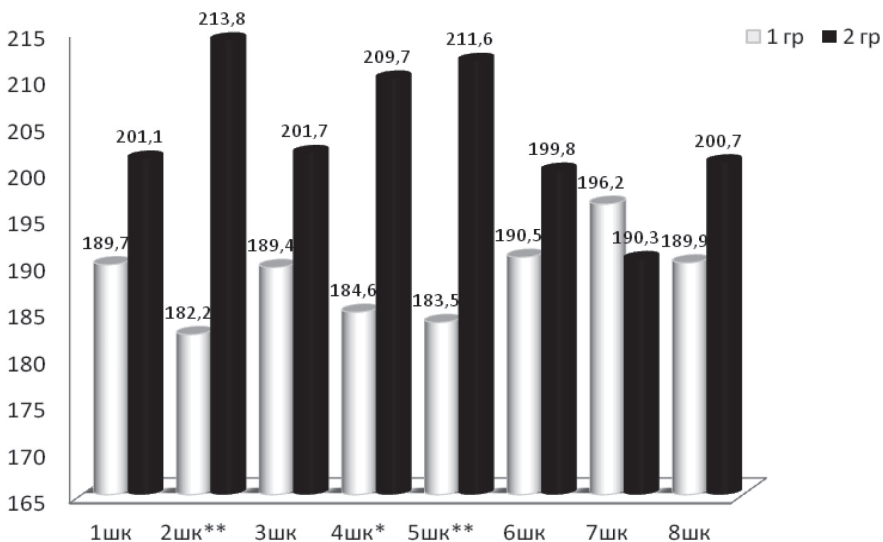

Рис. 2. Ранги группы 1 – тридцатилетних кандидатов (n = 147) и группы 2 – сорокалетних кандидатов (n = 145) по тесту «Семейные ресурсы»

Примечание: шкалы теста: 1шк – «Поддержка», 2шк – «Здоровье», 3шк – «Решение проблем», 4шк – «Роли и правила», 5шк – «Эмоциональная связь», 6шк – «Финансы», 7шк – «Коммуникация», 8шк – «Управление ресурсами». Статистически значимые различия по показателям теста между группами по U-критерию Манна – Уитни: * p = 0,05; ** p = 0,01.

ли теста SCL-90-R, по которым существуют статистически значимые различия (O-C, INT, DEP, PAR, PSY, GSI, PST), выше также в группе тридцатилетних, что свидетельствует о большей выраженности психопатологической симптоматики в ней (см. рис. 3). Полученные нами данные убедительно свидетельствуют об одном: более эффективными замещающими родителями могут быть те, кому от 40 до 50, — они более жизнеспособны, ресурсны и психически здоровы.

Выводы

Исследование, проведенное на значительной по объему выборке кандидатов в замещающие родители из разных регионов России, позволяет составить достаточно ясное представление о том, что собой представляет социальная группа потенциальных российских усыновителей.

1. Россияне, которые хотели бы взять на воспитание в семью ребенка-сироту, — это люди, чаще всего состоящие в первом браке, в подавляющем большинстве имеющие высшее или среднее специальное образование, люди самых разных возрастов (от 20 до 50 и старше), однако большая их часть представляет возрастной диапазон от 30 до 40 лет.

2. Усыновить ребенка-сироту хотят преимущественно те, у кого нет кровных детей, что позволяет думать о том, что мотивация таких усыновителей носит дефицитарный характер в большей степени, чем альтруистический.

3. Усыновители, уже имеющие собственных детей (кровных или приемных), характеризуются более высокими показателями жизнеспособности практически по всем шкалам теста «Жизнеспособность взрослого человека».

4. В самом общем виде можно сказать, что российские усыновители обладают высокой жизнеспособностью, о чем гово-

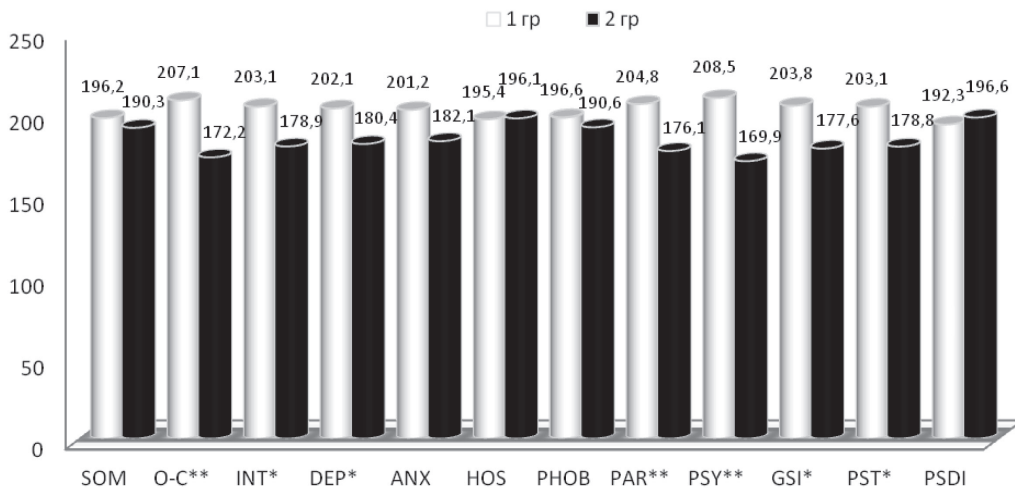

Рис. 3. Ранги группы 1 — тридцатилетних кандидатов (n = 147) и группы 2 — сорокалетних кандидатов (n = 145), U-критерий Манна—Уитни по тесту SCL-90-R

Примечание: статистически значимые различия по показателям теста между группами по U-критерию Манна—Уитни: * p = 0,05; ** p = 0,01.

рит анализ результатов по той части выборки, которая была отобрана как показавшая нормативные результаты по шкале Марлоу—Крауна (показатели по всей выборке были бы еще более высокими).

5. С точки зрения оценки выраженности психопатологической симптоматики, усыновители показали самые лучшие («здоровые») результаты по сравнению со всеми другими изученными социальными группами, включая военных и пожарников.

6. Наиболее высокие показатели жизнеспособности демонстрируют потенциальные усыновители в возрасте от 40 до 50 лет. Их семьи также сравнительно более ресурсны.

7. Представители женской части выборки российских усыновителей более жизнеспособны и ресурсны, чем мужской.

Заключение

Полученные нами данные по группе кандидатов в замещающие родители позволили проанализировать особенности этой группы, увидеть выраженность компонентов жизнеспособности их членов и определить взаимосвязанность этих компонентов с семейными ресурсами и психопатологическими симптомами. Эти данные не только дают возможность составить представление о характеристиках социальной группы российских замещающих родителей, но и практически полезны для дальнейшей отработки процедуры их отбора и подготовки к родительству.

В процессе принятия решения о пригодности тех или иных кандидатов к роли замещающего родителя следует обращать внимание на такие ресурсы, как здоровье, эмоциональная связь, более четкие роли и правила, наличие которых

может являться критерием отнесения кандидатов в замещающие родители к более ресурсным. Полученные данные по структуре ресурсности кандидатов в замещающие родители позволяют нам выделить среди них тех, кто обладает этими семейными ресурсами, прогнозируя более эффективное выполнение необходимых функций родителя.

В целом ресурсный подход к анализу психологических особенностей кандидатов в замещающие родители позволяет перенести акцент с изучения проблем преодоления трудных, стрессовых ситуаций на вопросы, связанные с личностным развитием, с самореализацией человека [2], что крайне важно учитывать в работе с замещающей семьей. Такая характеристика ресурсности, как осознанность, особенно важна потому, что процесс совладания с трудными жизненными ситуациями, каких немало в жизни замещающей семьи, и обращение к своим ресурсам активно осуществляются семьей только тогда, когда этот процесс осознаваем. В этом случае замещающая семья лучше оценивает свои сильные и слабые стороны, понимает, какие ресурсы ей доступны, а какие — нет, чем их можно заменить, а также целенаправленно формирует и развивает недостающие. Выявленные в результате диагностики семейные ресурсы дают возможность психологам организовать работу по сопровождению, обращаясь к сильным сторонам как семьи в целом, так и отдельных ее членов.

При изучении жизнеспособности кандидатов в замещающие родители основной акцент, по нашему мнению, должен делаться на исследовании процессов, которые обеспечивают их жизнеспособность и посредством которых семьей осознается весь спектр имеющихся у

нее ресурсов (внешних и внутренних), используемых адекватно ситуации. Большое значение имеет дальнейшее изучение различных сочетаний ресурсов семьи в зависимости от целей, к достижению которых стремится семья. Также важно и для ученых, и для практиков понимание того, что жизнеспособность семьи напрямую зависит от сохранения баланса между факторами риска и защитными факторами, обеспечивающими семье возможность развития.

В понимании жизнеспособности кандидатов в замещающие родители, по нашему мнению, необходимо обращать внимание на следующее: эта характеристика не должна изучаться через поведение отдельных ее членов. Жизнеспособность семьи — это не просто результат агрегированного поведения жизнеспособных членов в семье, скорее это характеристика, возникающая в ней после нескольких лет ее существования, когда один или несколько компонентов индивидуальной жизнеспособности каждого члена семьи объединяются с компонентами жизнеспособности других членов семьи. В связи с этим акцент на экологию семьи должен определять: условия, при которых семья становится жизнеспособной; способы воздействия на эту интегративную характеристику семьи, при которых она остается таковой.

Использование методического инструментария, созданного для измерения жизнеспособности взрослого человека, показало, что жизнеспособность человека целесообразно представить как совокупность различных переменных, описывающих это понятие.

Использование методического инструментария, созданного для измерения жизнеспособности взрослого человека, показало, что жизнеспособность человека целесообразно представить как совокупность различных переменных, описывающих это понятие.

Финансирование

Работа выполнена по заданию ФАНО РФ № 0159-2018-0001.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю благодарность психологам Л.М. Левиной, О.Н. Сусловой, Н.А. Ивановой (ГАУ ИО «ЦППМиСП», г. Иркутск), С.А. Забиран (ГОБОУ ЦПМСС, г. Мурманск), Ю.Б. Мелешевой (ГОБОУ ЦПМСС № 1, г. Боровичи Новгородской области), Н.Ю. Глушковой, Т.С. Брагиной, С.А. Вьюжаниной, М.И. Павловой, О.М. Кутлубаевой, Л.Г. Тельновой (БУСО УР РЦПППН «СоДействие», г. Ижевск).

ЛИТЕРАТУРА

1. Головей Л.А. Профессиональное развитие человека как субъекта деятельности // Акмеология. 2004. № 3. С. 61—65.
2. Дикая Л.Г. Социальная психология труда на новом этапе развития: методолого-теоретические основания и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 5—23.
3. Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 755 с.
4. Королева Ю.А. Социально-психологическая компетентность в структуре жизнеспособности личности // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 141. № 3. С. 79—85.
5. Лактионова А.И. Формирование жизнеспособности подростков // Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А.Л. Журавлева,

- Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 224–247.
6. *Лактионова А.И., Махнач А.В.* Влияние факторов жизнеспособности на социальную адаптацию подростков // Ребенок в современном обществе / Под ред. Л.Ф. Обуховой, Е.Г. Юдиной. М.: Изд-во МГППУ, 2007. С. 184–191.
 7. *Лактионова А.И., Махнач А.В.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 193–223.
 8. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
 9. *Махнач А.В., Постылякова Ю.В.* Ресурсный подход в изучении семейного стресса // Научный поиск. Вып. 4. / Под ред. А.В. Карпова. Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 2003. С. 97–102.
 10. *Махнач А.В., Постылякова Ю.В.* Модель жизнеспособности семьи // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 438–460.
 11. *Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 219 с.
 12. *Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии. М.: Класс, 1998. 304 с.
 13. *Нестерова А.А.* Жизнеспособность личности как условие снижения факторов риска в развитии детей и подростков // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. М.: Изд-во МГППУ, 2013. С. 143–149.
 14. *Паатова М.Э.* Социально-личностная жизнеспособность девиантных подростков как результат педагогического воздействия // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 496–507.
 15. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психологическая диагностика готовности к созданию замещающей семьи // Психологическая диагностика. 2009. № 3. С. 79–103.
 16. Проблемы сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 670 с.
 17. *Сараева Н.М., Суханов А.А.* Психологическая адаптация молодежи к экологически неблагоприятной среде // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 211–227.
 18. *Тарабрина Н.В., Агарков В.А., Быховец Ю.В. и др.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007. 208 с.
 19. *Уорден М.* Основы семейной психотерапии. СПб: Прайм-Еврознак, 2005. 256 с.

20. Ханин Ю.Л. Шкала Марлоу — Крауна для исследования мотивации одобрения: Метод. письмо. Л.: НИИ физической культуры, 1976. 10 с.
21. Шубникова Е.Г. Педагогическая профилактика зависимого поведения детей и молодежи: формирование жизнеспособности // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 508—522.
22. Bronfenbrenner U. The ecology of human development. Cambridge: Harvard University Press, 1979. 330 p.
23. De Haan L.G., Hawley D.R., Deal J.E. Operationalizing family resilience: a methodological strategy // The American Journal of Family Therapy. 2002. Vol. 30. P. 275—291. doi: 10.1080/01926180290033439
24. Folkman S., Moskowitz J.T. Stress, positive emotion, and coping // Current Directions in Psychological Science. 2000. Vol. 9 (4). P. 115—118. doi: 10.1111/1467-8721.00073
25. Friberg O., Hjemdal O., Rosenvinge J., Martinussen M. A new rating Scale for Adult Resilience: What are the central protective resources behind healthy adjustment? // International Journal of Methods in Psychiatric Research. 2006. Vol. 12 (2). P. 65—76. doi: 10.1002/mpr.143
26. Geppert C., Bogenschutz M.P., Miller W.R. Development of a bibliography on religion, spirituality, and addiction // Drug and Alcohol Review. 2007. Vol. 26. P. 389—395. doi: 10.1080/09595230701373826
27. Greeff A., Vansteenwegen A., Ide M. Resiliency in families with a member with a psychological disorder // The American Journal of Family Therapy. 2006. Vol. 34. P. 285—300. doi: 10.1080/01926180600637465
28. Handbook of Family Resilience / D.S. Becvar (Ed.). L.: Springer, 2013. doi: 10.1007/978-1-4614-3917-2
29. Hawley D.R., DeHaan L.G. Toward a definition of family resilience: Integrating life-span and family perspectives // Family Process. 1996. Vol. 35 (3). P. 283—298. doi: 10.1111/j.1545-5300.1996.00283.x
30. Johnson K. A retrospective support assessment study of foster and relative care providers. Wisconsin: Children's Research Center, 2005. 54 p.
31. Luthar S.S., Cushing G. Measurement issues in the empirical study of resilience. An overview // Resilience and development: Positive life adaptations / M.D. Glantz, J.L. Johnson, L. Huffman (Eds.). New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 1999. P. 129—160. doi: 10.1007/0-306-47167-1_7
32. Masten A.S., Obradovic J. Competence and resilience in development // Annals of the New York Academy of Sciences. 2006. Vol. 1094. P. 12—27. doi: 10.1196/annals.1376.003
33. Masten A.S., Reed M. Resilience in development // Handbook of Positive Psychology / C.R. Snyder, S.J. Lopez (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 74—88.
34. McCubbin L.D., McCubbin H.I. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people // Handbook for working with children and youth: Pathways to resilience across cultures and contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage, 2005. P. 27—44.
35. Novotný J.S. Weakness of causal models with multiple roles elements // The proceedings of 3rd International e-Conference on optimization, education and data mining in science,

- engineering and risk management 2013/2014. Bratislava: Curriculum Studies Research Group, 2014. P. 443–456.
36. *Patterson J.M.* Integrating family resilience and family stress theory // *Journal of Marriage and Family*. 2002. Vol. 64 (2). P. 349–360. doi: 10.1111/j.1741-3737.2002.00349.x
37. *Piel M.H., Geiger J.M., Julien-Chinn F.J., Lietz C.A.* An ecological systems approach to understanding social support in foster family resilience // *Child and Family Social Work*. 2017. Vol. 22 (2). P. 1034–1043. doi: 10.1111/cfs.12323
38. *Rotter J.B.* Internal versus external control of reinforcement: A case history of a variable // *American Psychologist*. 1989. Vol. 45. P. 489–493. doi: 10.1037/0003-066X.45.4.489
39. *Ungar M.* Practitioner review: Diagnosing childhood resilience – a systemic approach to the diagnosis of adaptation in adverse social and physical ecologies // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2015. Vol. 56. P. 4–17. doi: 10.1111/jcpp.12306
40. *Ungar M., Clark S.E., Kwong W.-m., Makhnatch A., Cameron C.A.* Studying resilience across cultures // *Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work*. 2005. Vol. 14. № 3/4. P. 1–19. doi: 10.1300/J051v14n03_01
41. *Walsh F.* Strengthening family resilience. 3rd ed. New York: Guilford Press, 2016. 400 p.
42. *Walsh F.* Applying a family resilience framework in training, practice, and research: Mastering the art of the possible // *Family Process*. 2016. Vol. 55 (4). P. 616–632. doi: 10.1111/famp.12260

Resilience as a characteristic of a social group of foster parents' applicants

A. V. MAKHNACH*,
IP RAS, Moscow, Russia, amak@inbox.ru

N. N. TOLSTYKH**,
FGBOU IN MGRPU, Moscow, Russia, nntv@list.ru

Based on the research of the foster parents' applicants sample from different regions of Russia (622 people, including 223 men, the average age is 39.6 years, and 399 women, the average age is 39.7 years), socio-demographic and psychological characteristics a large social group of potential Russian foster parents were studied. The phenomena of resilience of an adult and a family, the stages of their study and approaches to operationalization are analyzed. In the empirical study were used the following tests: "Resilience of an adult" (Makhnach, 2016), Symptom Check List-90-Revised (SCL-90-R) in the adaptation of N.V. Tarabrina and co-authors, "Family Resources" test (Makhnach, Postilyakova, 2013) as well as the "Scale of social desirability" of Marlowe-Crown. The received results testify high resilience of a social group of Russian foster parents' applicants. Foster parents who already raised kin and / or adoptive children, have first marriage, are in the age range of 40–50 years have better results. Also women demonstrate more high resilience than men.

Keywords: resilience, family resources, foster family, diagnostics of foster parents' applicants, orphans.

Funding

Financial support has been provided by grant from FASO, No. 0159-2017-0001

Acknowledgements

The authors are sincerely grateful to the psychologists: L.M. Levina, O.N. Suslova, N.A. Ivanova (Irkutsk), S.A. Zabiran (Murmansk), Yu.B. Melesheva (Borovichi, Novgorod Region), N.Yu. Glushkova, T.S. Bragina, S.A. Vjuzhanina, M.I. Pavlova, O.M. Kutlubaeva, L.G. Telnova (Izhevsk).

REFERENCES

1. Golovej L.A. Professional'noe razvitie cheloveka kak sub'ekta deyatel'nosti [Professional development of man as a subject of activity]. *Akmeologiya [Akmeology]*, 2004, no. 3, pp. 61–65.

For citation:

Makhnach A.V., Tolstykh N.N. Resilience as a characteristic of a social group of foster parents' applicants. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 127–149. doi:10.17759/sps.2018090209 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Makhnach Alexander V.* — PhD in Psychology, Senior Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, amak@inbox.ru

** *Tolstykh Natalia N.* — Doctor in Psychology, Head of the Social psychology of development chair of the Moscow State University of Psychology and Education, Editor-in-Chief of the International Scientific Publication "Social Psychology and Society", Moscow, Russia, nntv@list.ru

2. Dikaya L.G. Social'naya psihologiya truda na novom ehtape razvitiya: metodologo-teoreticheskie osnovaniya i ehmpiricheskie issledovaniya [Social psychology of labor at a new stage of development: methodological and theoretical grounds and empirical research]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 2012. Vol. 33, no. 2, pp. 5–23.
3. Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty [Human Resilience: Individual, Professional and Social Aspects]. In Makhnach A.V., Dikaya L.G. (Eds.). Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2016. 755 p.
4. Koroleva Yu.A. Social'no-psihologicheskaya kompetentnost' v strukture zhiznesposobnosti lichnosti [Socio-psychological competence in the structure of a person's resilience]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury [Izvestiya Ural Federal University. Series 1: The Problems of Education, Science and Culture]*, 2015. Vol. 141, no. 3, pp. 79–85.
5. Laktionova A.I. Formirovanie zhiznesposobnosti podrostkov [Formation of the adolescents' resilience]. In Zhuravlev A.L., Sergienko E.A., Tarabrina N.V. (Eds.). *Psihologiya cheloveka i obshchestva: nauchno-prakticheskie issledovaniya [Psychology of Man and Society: Scientific and Practical Research]*. Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2014, pp. 224–247.
6. Laktionova A.I., Makhnach A.V. Vliyanie faktorov zhiznesposobnosti na social'nyu adaptatsiyu podrostkov [Influence of the Resilience Factors on the Social Adaptation of Adolescents]. In Obukhova L.F., Yudina E.G. (Eds.). *Rebenok v sovremennoy obshchestve [A Child in modern society]*. Moscow: Publ. MGPPU, 2007, pp. 184–191.
7. Laktionova A.I., Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' i social'naya adaptatsiya podrostkov-sirot [Resilience and Social Adaptation of Orphans]. In Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. (Eds.). *Problema sirotstva v sovremennoj Rossii: psihologicheskij aspekt [The Problem of Orphanhood in Modern Russia: the Psychological Aspect]*. Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2015, pp. 193–223.
8. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: social'no-psihologicheskaya paradigma [Resilience of Man and Family: Socio-psychological Paradigm]. Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2016. 459 p.
9. Makhnach A.V., Postylyakova Yu.V. Resursnyj podhod v izuchenii semejnogo stressa [Resource Approach in Studying Family Stress]. In Karpov A.V. (Ed.). *Nauchnyj poisk. Vyp. 4. [Scientific Search. Issue. 4]*. Yaroslavl': Publ. Yaroslavskogo universiteta, 2003, pp. 97–102.
10. Makhnach A.V., Postylyakova Yu.V. Model' zhiznesposobnosti sem'i [Model of the Family Resilience]. In Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. (Eds.). *Psihologicheskie issledovaniya problem sovremennoy rossijskoy obshchestva [Psychological Studies of the Problems of Contemporary Russian Society]*. Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2013, pp. 438–460.
11. Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Psihologicheskaya diagnostika kandidatov v zameshchayushchie roditeli: Prakticheskoe rukovodstvo [Psychological diagnostics of Foster Parents' Applicants: A Practical Guide]. Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2013. 219 p.
12. Minuchin S., Fishman C.H. Tekhniki semejnoy terapii [Family Therapy Techniques]. Moscow: Klass, 1998. 304 p.
13. Nesterova A.A. Zhiznesposobnost' lichnosti kak uslovie snizheniya faktorov riska v razvitiy detej i podrostkov [Personality Resilience as a Condition for Reducing Risk Factors in the Development of Children and Adolescents]. *Psihicheskaya deprivatsiya detej v trudnoj zhiznnoy situatsii: obrazovatel'nye tekhnologii profilaktiki, rehabilitatsii, soprovozhdeniya*

[*Mental Deprivation of the Children in Difficult Life Situations: Educational Technology Prevention, Rehabilitation, Support*]. Moscow: Publ. MGPPU, 2013, pp. 143–149.

14. Paatova M.E. Social'no-lichnostnaya zhiznesposobnost' deviantnyh podrostkov kak rezul'tat pedagogicheskogo vozdejstviya [Socio-personal Resilience of Deviant Adolescents as a Result of Pedagogical Influence]. In Makhnach A.V., Dikaya L.G. (Eds.). *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty* [*Resilience of a Person: Individual, Professional and Social Aspects*]. Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2016, pp. 496–507.

15. Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. Psihologicheskaya diagnostika gotovnosti k sozdaniyu zameshchayushchej sem'i [Psychological Diagnostics of Readiness for the Creation of a Foster Family]. *Psihologicheskaya diagnostika* [*Psychological Diagnostics*], 2009, no. 3. pp. 79–103.

16. *Problemy sirotstva v sovremennoj Rossii: Psihologicheskij aspekt*. In Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. (Eds.). Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2015. 670 p.

17. Saraeva N.M., Suhanov A.A. Psihologicheskaya adaptaciya molodezhi k ehkologicheski neblagopoluchnoj srede [Psychological adaptation of youth to an ecologically unfavorable environment]. In Makhnach A.V., Dikaya L.G. (Eds.). *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty* [*Resilience of a Person: Individual, Professional and Social Aspects*]. Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2016, pp. 211–227.

18. Tarabrina N.V., Agarkov V.A., Bykhovets Yu.V. et al. Prakticheskoe rukovodstvo po psihologii posttravmaticheskogo stressa. Ch. 1. Teoriya i metody [Practical guidance on the psychology of post-traumatic stress. Part 1. Theory and methods]. Moscow: Kogito-Centr, 2007. 208 p.

19. Warden M. Osnovy semejnoy psihoterapii [Basics of Family Psychotherapy]. Saint-Petersburg: Prajm-Evroznak, 2005. 256 p.

20. Hanin Yu.L. Shkala Marlou – Krauna dlya issledovaniya motivacii odobreniya: Metod. pis'mo [The Marlow-Crown Scale for the Study of Approval Motivation: Method. Letter]. Leningrad: Research Institute of Physical Culture, 1976. 10 p.

21. Shubnikova E.G. Pedagogicheskaya profilaktika zavisimogo povedeniya detej i molodezhi: formirovanie zhiznesposobnosti [Pedagogical Prevention of Dependent Behavior of Children and Youth: the Formation of Resilience]. In Makhnach A.V., Dikaya L.G. (Eds.). *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty* [*Resilience of a Person: Individual, Professional and Social Aspects*]. Moscow: Publ. «Institut psihologii RAN», 2016, pp. 508–522.

22. Bronfenbrenner U. The ecology of human development. Cambridge: Harvard University Press, 1979. 330 p.

23. De Haan L.G., Hawley D.R., Deal J.E. Operationalizing family resilience: a methodological strategy. *The American Journal of Family Therapy*. 2002. Vol. 30, pp. 275–291. doi: 10.1080/01926180290033439

24. Folkman S., Moskowitz J.T. Stress, positive emotion, and coping. *Current Directions in Psychological Science*. 2000. Vol. 9 (4), pp. 115–118. doi: 10.1111/1467-8721.00073

25. Friberg O., Hjemdal O., Rosenvinge J., Martinussen M. A new rating Scale for Adult Resilience: What are the central protective resources behind healthy adjustment? *International Journal of Methods in Psychiatric Research*. 2006. Vol. 12 (2), pp. 65–76. doi: 10.1002/mpr.143

26. Geppert C., Bogenschutz M.P., Miller W.R. Development of a bibliography on religion, spirituality, and addiction. *Drug and Alcohol Review*. 2007. Vol. 26, pp. 389–395. doi: 10.1080/09595230701373826

27. Greeff A., Vansteenwegen A., Ide M. Resiliency in families with a member with a psychological disorder. *The American Journal of Family Therapy*. 2006. Vol. 34. pp. 285–300. doi: 10.1080/01926180600637465
28. *Handbook of Family Resilience*. In D.S. Becvar (Ed.). L.: Springer, 2013. doi: 10.1007/978-1-4614-3917-2
29. Hawley D.R., DeHaan L.G. Toward a definition of family resilience: Integrating life-span and family perspectives. *Family Process*. 1996. Vol. 35 (3), pp. 283–298. doi: 10.1111/j.1545-5300.1996.00283.x
30. Johnson K. A retrospective support assessment study of foster and relative care providers. Wisconsin: Children's Research Center, 2005. 54 p.
31. Luthar S.S., Cushing G. Measurement issues in the empirical study of resilience. In Glantz M.D., Johnson J.L., Huffman L. (Eds.). *An overview. Resilience and development: Positive life adaptations*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 1999, pp. 129–160. doi: 10.1007/0-306-47167-1_7
32. Masten A.S., Obradovic J. Competence and resilience in development. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2006. Vol. 1094, pp. 12–27. doi: 10.1196/annals.1376.003
33. Masten A.S., Reed M. Resilience in development. In Snyder C.R., Lopez S.J. (Eds.). *Handbook of Positive Psychology*. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 74–88.
34. McCubbin L.D., McCubbin H.I. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people. In Ungar M. (Ed.). *Handbook for Working with Children and Youth: Pathways to Resilience across Cultures and Contexts*. Thousand Oaks: Sage, 2005, pp. 27–44.
35. Novotný J.S. Weakness of causal models with multiple roles elements. *The proceedings of 3rd International e-Conference on optimization, education and data mining in science, engineering and risk management 2013/2014*. Bratislava: Curriculum Studies Research Group, 2014, pp. 443–456.
36. Patterson J.M. Integrating family resilience and family stress theory. *Journal of Marriage and Family*. 2002. Vol. 64 (2), pp. 349–360. doi: 10.1111/j.1741-3737.2002.00349.x
37. Piel M.H., Geiger J.M., Julien-Chinn F.J., Lietz C.A. An ecological systems approach to understanding social support in foster family resilience. *Child and Family Social Work*. 2017. Vol. 22 (2), pp. 1034–1043. doi: 10.1111/cfs.12323
38. Rotter J.B. Internal versus external control of reinforcement: A case history of a variable. *American Psychologist*. 1989. Vol. 45, pp. 489–493. doi: 10.1037/0003-066X.45.4.489
39. Ungar M. Practitioner review: Diagnosing childhood resilience – a systemic approach to the diagnosis of adaptation in adverse social and physical ecologies. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2015. Vol. 56, pp. 4–17. doi: 10.1111/jcpp.12306
40. Ungar M., Clark S.E., Kwong W.-m., Makhnach A., Cameron C.A. Studying resilience across cultures. *Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work*. 2005. Vol. 14, no. 3/4, pp. 1–19. doi: 10.1300/J051v14n03_01
41. Walsh F. Strengthening family resilience. 3rd ed. New York: Guilford Press, 2016. 400 p.
42. Walsh F. Applying a family resilience framework in training, practice, and research: Mastering the art of the possible. *Family Process*. 2016. Vol. 55 (4), no. 616–632. doi: 10.1111/famp.12260

Адаптация пенсионеров к интернет-среде

О.А. АЛЕКСЕЕВА*,
ИСЭПН РАН, Москва, Россия,
alekseeva_oa@list.ru

О.Ю. БЕСТУЖЕВА**,
ИСЭПН РАН, Москва, Россия,
bestoujeva@gmail.com

О.Н. ВЕРШИНСКАЯ***,
ИСЭПН РАН, Москва, Россия,
vershinskaya@mail.ru

Е.Е. СКВОРЦОВА****,
ИСЭПН РАН, Москва, Россия,
skvortsova_e@mail.ru

В статье представлены результаты исследования влияния информационно-коммуникационных технологий на социальное поведение и образ жизни интернет-пользователей старшего возраста, проведенного междисциплинарной группой Лаборатории социального и экономического поведения Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. Выборку составили пользователи Интернета пенсионного возраста от 56 до 89 лет. Исследование основано на методологии качественного социологического анализа с использованием метода углубленного интервью. Выявлены изменения в жизни интернет-

Для цитаты:

Алексеева О.А., Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н., Скворцова Е.Е. Адаптация пенсионеров к интернет-среде // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 150–164. doi:10.17759/sps.2018090210

* *Алексеева Ольга Александровна* — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория социального и экономического поведения, Институт социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, Москва, Россия, *alekseeva_oa@list.ru*

** *Бестужева Оксана Ювиналиевна* — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория социального и экономического поведения, Институт социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, Москва, Россия, *bestoujeva@gmail.com*

*** *Вершинская Ольга Николаевна* — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Лаборатория социального и экономического поведения, Институт социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, Москва, Россия, *vershinskaya@mail.ru*

**** *Скворцова Елена Евгеньевна* — научный сотрудник, Лаборатория социального и экономического поведения, Институт социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, Москва, Россия, *skvortsova_e@mail.ru*

пользователей старшего поколения и определены основные характеристики нового цифрового техноуклада: использование новых форм текстовой, визуальной и аудиовизуальной коммуникации для общения, получения культурных знаний и необходимой информации; покупка товаров и услуг и оплата счетов из дома; широкое использование государственных услуг онлайн; постепенный уход от печатных СМИ; использование «умных» вещей. Анализ коммуникации респондентов показал, что людей старшего возраста можно разделить на три группы: тех, для кого общение стало преимущественно электронным, тех, кто настойчиво предпочитает живое общение, и тех, для кого электронное общение дополняет живое.

Ключевые слова: пенсионеры, интернет-среда, интернет-пользователи, техноуклад, психометрия, цифровой раскол, адаптация к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ).

Введение

Информационно-коммуникационные технологии, выйдя с помощью мощного набора средств за пределы производственной и экономической сфер на широкий простор обеспечения повседневной жизни людей, оказывают все более ощутимое влияние на социальное поведение и образ жизни людей разного возраста, включая пожилых. Радикальные перемены в использовании информации, которые несут с собой процессы информатизации, не могут не оказывать влияния на поведение людей. В постиндустриальном информационном обществе, которое еще называют обществом потребления, акцент изучения смещается на потребление и потребителей, и прежде всего, электронных потребителей, т. е. пользователей ИКТ. Цифровой мир — это мир, централизованный на потребителя. Наша цель — понять, какими средствами, за счет чего происходит социальное позиционирование, обретение места в цифровом мире старшим поколением.

Пенсионеры считаются наименее активными пользователями ИКТ. Доля

людей возраста 55–72 лет, активно использующих Интернет (не реже одного раза в неделю), в России на конец 2016 г. составила около 13% от всего населения, но с каждым годом пользователей Интернета старших возрастов становится все больше. Доля людей старше трудоспособного возраста в общей численности населения России за последние годы значительно выросла и составила на начало 2017 г. 36,7 млн человек, или 25% от всего населения [4]. Согласно официальному демографическому прогнозу, к 2030 г. в России доля населения в возрасте 65 лет и старше превысит 28%. Количество людей этого возраста в странах Европы еще выше (так, в Германии и Италии уже в 2013 г. доля людей 60+ была 27% от общей численности населения страны, в Великобритании — 28%) и продолжает увеличиваться, одновременно с непрерывным сокращением рождаемости и увеличением продолжительности жизни. За последние два десятилетия доля пожилых людей в странах ЕС стала больше на 3,6 процентных пункта [9].

На фоне демографического старения повышается актуальность исследования

интернет-активности пенсионеров. Современные отечественные исследования об использовании старшим поколением Интернета были проведены ВЦИОМ в 2015 г.: 51% пенсионеров пользовались Интернетом, 26% пенсионеров использовали его каждый день, 10% — несколько раз в неделю, 4% — несколько раз в месяц и реже, 4% — не пользовались, но хотели научиться или учатся уже сейчас, 7% — не пользовались и не хотели учиться. Среди работающих пенсионеров доля ежедневных пользователей Интернета высока и достигала 45%, среди неработающих — 19%. Использование Интернета зависело и от уровня образования: 37% с высшим образованием пользовались Интернетом ежедневно, тогда как среди тех, у кого неполное среднее образование, таковых лишь 2%. Многие представители старшего поколения успешно наладили коммуникации, в том числе с использованием интернет-технологий [5].

Исследования о зависимости пользователей от Интернета и его безопасности, проведенные ВЦИОМ в 2017 г. в РФ, показали, что 54% группы 60+ испытывали трудности в освоении новых возможностей Интернета; 71% опрошенных пенсионеров ответили, что ничего не изменится в их жизни, если не будет Интернета, что говорит о недостаточной включенности пенсионеров в Интернет. Из группы 60+ 77% опрошенных не случалось сталкиваться в сети с кражей денег с банковских карт и счетов, персональных данных и с мошенничеством. В то же время, 56% из них считают себя незащищенными от противоправных действий, что может быть объяснено недостаточными навыками безопасной работы и сопутствующими этому страхами [6; 7].

Задача и метод исследования

В проведенном нами исследовании для анализа процессов адаптации пенсионеров к цифровому миру мы использовали не статистический, а качественный социологический подход и поведенческий анализ. Респондентами в обследовании были пользователи Интернета в возрасте от 56 до 89 лет, т. е. молодые и старые пенсионеры, мужчины и женщины, проживающие в Москве и Московской области, одинокие или проживающие в семье, работающие или нет. С помощью углубленных полуструктурированных интервью, имея общий список тем для обсуждения, мы опросили 25 человек. Респонденты владели стационарными компьютерами и/или планшетами, ноутбуками, а также мобильными телефонами и смартфонами. При отборе респондентов требование было одно — использование Интернета и мобильного телефона.

Основная задача исследования — изучить *влияние ИКТ на социальное поведение и образ жизни пенсионеров*. Замысел нашего исследования заключается в попытке понять, почему такая растущая социальная группа, как пенсионеры, в наименьшей степени представлена в виртуальном мире. Сейчас идет виртуализация все большего количества услуг, оказываемых населению.

Потребительские онлайн-услуги все шире проникают на массовый рынок. Использование компьютеров для потребления услуг меняет стиль и методы общения, формы информационного обмена, ведет к возникновению новой информационной культуры, которая в значительной степени определяет качество жизни [11; 12]. Природа потребляемой при этом информации двойственна. Ее можно рассматривать и как *явление*, существующее независимо от нас, которое мы воспринимаем, и

как процесс, в подготовке которого мы участвуем и/или который мы используем [13; 10]. Существует также явление «сенсорной депривации», заключающееся в том, что отсутствие информации переживается человеком не лучше, чем отсутствие воды [8]. Может быть, пенсионеры еще не осознают наличие новых возможностей и не чувствуют никакой депривации?

Мы провели углубленные интервью с 25 пенсионерами разного возраста. Среди них были 19 женщин и 6 мужчин. Основным требованием к респондентам было использование Интернета, т. е. новые стандарты поведения. Задачей было понять, какие способности, взгляды и качества личности старшего возраста делают ее пользователем Интернета. И соответственно, отсутствие каких качеств мешает пенсионеру стать пользователем Интернета.

Метод качественного анализа позволил выявить внутренние мотивы, стимулы, намерения пенсионеров при использовании Интернета, которые скрыты для количественных методов изучения.

Результаты исследования

1. Психометрия интернет-пользователей старшего возраста

Изучение психологии пользователей ИКТ — это еще мало изученная проблема новой психологии цифрового века, шаг в направлении которой мы сделали. Проведенная психометрия коммуникации респондентов показала, что их можно разделить на три группы.

— **Тех, для кого общение стало преимущественно электронным.** Незначительная часть наших респондентов предпочитают общение по электронной почте или с помощью мессенджеров:

«С родственниками и подругой, проживающими в Германии, общаюсь исключительно по скайпу или мобильному телефону» (И.А., 65 лет, не работает, живет одна);

«Как человек не очень общительный и не любитель телефонных разговоров, не могла найти в себе силы позвонить и пообщаться с незнакомым человеком на интересующую меня тему. Начав же электронную переписку с ним, буквально втянулась в общение и, в результате, нашла единомышленника и даже друга» (А.В., 59 лет, не работает, живет одна).

— **Тех, кто настойчиво предпочитает живое общение.** Это прежде всего проблема возраста. Респонденты старше 70 лет сетовали о небольшом количестве друзей, оставшихся в живых, и выражали предпочтение живому общению с теми, кто еще жив:

«Очень редко пользуюсь э-почтой и скайпом. Предпочитаю живое общение» (Н.А., 85 лет не работает, живет в семье).

— **Тех, для кого электронное общение дополняет живое.** Сюда относятся большинство опрошенных:

«Я всегда на связи со своими далеко живущими родственниками по Интернету, скайпу, мессенджерам. Однако предпочитаю живое общение: надо видеть глаза собеседников» (А.В., 67 лет, работает, живет в семье);

«Общаюсь по электронной почте, в мессенджерах и социальных сетях, но предпочитаю живое общение с родными и близкими мне людьми» (О.А., 62 года, работает, живет в семье);

«С бывшими коллегами по работе и друзьями все чаще стала общаться по Интернету, но и живое общение не исключаю» (Ю.А., 62 года, не работает, живет в семье).

Мы видим, что стали общаться и необходимые, но открытые к новому люди. Большинство активных пользователей являются доброжелательными, добросовестными, эмоционально стабильными, открытыми всему новому, они легко

адаптируются к интернет-среде. Многие пенсионеры уверенно используют новые формы общения. Однако появляется и тенденция отказа хотя бы на время от общения в Интернете в пользу встреч с дорогими и приятными собеседниками:

«Многие знакомые, имеющие большой опыт и устойчивые навыки работы в Интернете, общавшиеся в социальных сетях, возвращаются к личному общению с определенным кругом лиц» (В.С., 61 год, работает, живет в семье).

По результатам проведенного исследования можно предположить, что опрошенные индивиды не относятся к категории интернет-зависимых, т. е. не страдают нарушением внимания и когнитивной дисфункцией. В силу жизненного опыта они избежали соблазна «зависания» в Интернете и выстраивания привлекательного виртуального образа в социальных сетях, как часто поступают более молодые люди.

2. Изменения в жизни интернет-пользователей старшего возраста

Изучая поведение интернет-пользователей пенсионного возраста, мы выяснили, какие аспекты их жизни изменяются:

старые традиции исчезают — искать ответы на вопросы, звоня по телефону или листая бумажные справочники; делать фотоальбомы; писать и отправлять по почте поздравительные открытки и письма;

новые практики появляются — отправлять короткие текстовые сообщения вместо телефонного разговора; фотографировать нужную информацию вместо написания записок; платить по электронным квитанциям; записываться и перезачисываться к врачам и пр.:

«Интернет — это справочник по жизни, который снимает многие вопросы и дает воз-

можность получить ответы быстрее, чем из других источников» (И.А., 65 лет, не работает, живет одна);

«Это очень удобно: не звонить, и не писать записки, а посылать фото» (Л.Р., 56 лет, работает, живет в семье);

«Нет необходимости ходить в банк для оплаты услуг ЖКХ, облегчилась покупка товаров и услуг с доставкой на дом» (Ю.А., 89 лет, не работает, живет один).

Появились новые слова в русском языке (лайкать, спам, скайп, мессенджер, гуглить, фоткать, смайлик, гаджет, аватарка, аккаунт, теги и др.).

Потребительское поведение изменяется. Такие характеристики потребительского поведения, как быстрота и удобство выбора товара по оптимальной цене и другим характеристикам, многократно увеличиваются. Наши пожилые респонденты делают покупки в Интернете, совершают там различные финансовые операции. Интернет-ресурсы дают возможность совершать информированные покупки, что позволяет экономить бюджет:

«Могу долго изучать цены на нужный мне товар перед покупкой. Очень полезна функция сравнения цен одного товара на различных сайтах» (Л.В., 69 лет, не работает, живет одна);

«Я оплачиваю все повседневные расходы через Интернет: покупку еды, оплату ЖКХ, оплату дачи и пр.» (А.Г., 80 лет, не работает, живет один).

У потребителей, совершающих покупки через Интернет, есть возможность ознакомиться с отзывами других покупателей, уже купивших этот товар или услугу:

«Перед покупкой билетов на спектакль всегда ищу отзывы на него в Интернете, ведь билеты сейчас стоят очень дорого, не хочу зря потратить деньги» (Е.С., 68 лет, не работает, живет одна).

От потребителя требуется осознание необходимости покупки товара или ус-

луги на этапе формирования конкретного запроса в поисковой системе, чтобы составить грамотный запрос:

«Долго училась формулировать свой запрос. Раньше писала: «Дорогой Гугл, найди, пожалуйста...». Дочь надо мной смеялась» (Л.Ю., 69 лет, не работает, живет одна).

Поиск информации в Интернете дает радость беспрепятственного узнавания, беспрецедентную свободу самовыражения, обмена идеями и увлечениями и нахождения информации на любую тему:

«Пользуюсь всем, что мне нужно, и не делаю то, что не хочу. Это делает меня счастливой. Пользуюсь планшетом и айфоном Apple, у них все лучшее» (Л.Р., 56 лет, работает, живет в семье).

Социальные связи расширяются.

Отслеживая поведенческую активность пользователей, мы выявили, что освоение новых навыков и узнавание новых возможностей происходит в основном через Интернет:

«Я постоянно сижу в Интернете, хотя и запросто мог бы обойтись без него. Но очень удобно поддерживать связи с коллегами, студентами, друзьями» (Г.Л., 71 год, работает, живет в семье);

«О новых возможностях Интернета узнаю не только от сына, но и от других родственников как молодого, так и старшего поколения, коллег по работе, из рекламы, осваивая самостоятельно возможности своего нового смартфона» (О.А., 62 года, работает, живет в семье).

Наличие социальных связей является объективным фактором адаптации пенсионеров к Интернету. Наличие детей, внуков, родственников, друзей способствует постепенному погружению в интернет-среду, и, наоборот, их отсутствие ведет к трудностям в освоении и психологическим барьерам:

«Научили пользоваться Интернетом дети и внуки, вообще пользоваться компьюте-

ром, за что им большое спасибо!» (Р.В., 80 лет, инвалид, живет в семье);

«Испытываю дискомфорт из-за недостаточных умений работы с Интернетом, спросить не всегда есть у кого, из родственников надежда только на племянника» (А.В., 59 лет, не работает, живет одна);

«Осуществление некоторых редко используемых действий на компьютере является стрессом. Порядок действий легко забывается, если часто не применять» (Ю.А., 89 лет, не работает, живет один).

Разная реакция на изменения темпа жизни. Психологический поведенческий анализ показывает, что пожилые адаптируются к изменениям темпа жизни по-разному. Более молодые работающие пенсионеры толерантнее к ускоренному темпу жизни:

«Я давно живу в быстром темпе, привыкла уже» (Л.Р., 56 лет, работает, живет в семье).

Компенсация одиночества и нехватки общения. Проведенное исследование показывает, что Интернет дал пожилым пользователям помимо физического удобства (особенно для тех, кто ограничен в передвижении) всесторонние возможности для общения, получения новой информации и поддержания интеллекта. Некоторые респонденты прямо говорят, что Интернет — это инструмент преодоления чувства одиночества:

«Интернет позволяет мне бороться с одиночеством. Мне никогда не скучно, Интернет заменяет мне выставки, концерты, общение с друзьями, которых мало живых осталось» (А.М., 75 лет, живет в семье).

Сегодняшние пенсионеры 55–75-летнего возраста познакомились с интернетом, будучи в трудоспособном возрасте, в основном, на своем рабочем месте или дома для профессиональных потребностей.

«Познакомилась с Интернетом на работе в 1998 г., сначала в мои обязанности входила ра-

бота с электронной почтой. А уже потом получили доступ в научные библиотеки во Всемирной паутине, вообще к ресурсам Интернета...» (Е.Б., 56 лет, не работает, живет в семье);

«Интернет осваивала на работе (приблизительно в 2000 г.) с помощью специалистов...» (А.В., 59 лет, не работает, живет одна);

«В 1999 г. у нас появился Интернет на домашнем компьютере для рабочих целей, начала его осваивать, помогал супруг» (И.Р., 55 лет, работает, живет в семье).

В дальнейшем, по мере того, как Интернет все больше проникал в разные сферы жизни, к этим мотивам добавились: познавательный, рекреационный, бытовой (использование услуг, покупка товаров), мотив самореализации [1]. Появились представители рассматриваемой возрастной группы, в сознании которых Интернет является неотъемлемой частью повседневной жизни, нормой и главным средством общения в кругу единомышленников:

«Нормой повседневной жизни стало использование Интернета для чтения новостей, использования гос. услуг, ведения финансовых расчетов (плата за квартиру, телефон, Интернет, налоги и др. услуги), записи к врачу, получения консультаций по разным вопросам, общения (мессенджеры и социальные сети), развлечения» (О.А., 62 год, работает, живет в семье);

«Возможности Интернета помогают в повседневной жизни, делают ее комфортнее. Интернет — это справочник по жизни, где можно найти ответы на любые вопросы. Решаю многие проблемы, не выходя из дома. Для общения с родственниками и друзьями за рубежом предпочитаю скайт» (И.А., 65 лет, не работает, живет одна).

Люди более старшего возраста начинали осваивать Интернет, закончив трудовую деятельность, используя для обучения в основном родственные и

дружеские связи. Начальными мотивами, главным образом, были — познавательный, рекреационный, коммуникационный, позднее бытовой. Для этой категории пенсионеров Интернет скорее является средством компенсации недостатка общения и развлечением, чем нормой повседневной жизни. В социальных сетях, электронной почте, мессенджерах их привлекает качество общения, а не количество собеседников:

«Интернет для меня — окно в мир. Чувствую себя нужной кому-то... Считаю Интернет настоящей отдушиной. Для нас, пенсионеров, это изобретение помогает оставаться молодыми» (Р.В., 80 лет, не работает, живет в семье).

Не все респонденты считают, что Интернет может компенсировать одиночество. Если говорить о субъективном ощущении одиночества, то неумеренное использование компьютера и Интернета может даже усилить ощущение одиночества:

«Уход в социальные сети и множество друзей — это иллюзия ухода от одиночества. Чем больше человек проводит время в сетях, тем больше он одинок» (О.А., 62 года, работает, живет в семье);

«Интернет не может заменить человеческое общение. Это сублимация общения» (Ю.А., 89 лет, не работает, живет один).

Однако в целом исследование показывает, что для людей пожилого возраста Интернет уменьшает социальный риск изолированности, ненужности и дефицита общения.

Мотивации. В ходе исследования было выявлено, что кроме общения у респондентов старшего возраста мотивацией использования Интернета являются также интерес, хобби и создание удобной среды обитания.

Удовлетворение своих интересов и хобби — сильный стимул для использо-

вания Интернета, поскольку нигде нельзя найти так много информации о любом предмете, как во Всемирной сети:

«Люблю играть в карты (преферанс) на компьютере, но считаю это пустой тратой времени — могла бы книжку почитать» (О.К., 67 лет, работает, живет в семье).

Погружение в бездны всемирной паутины позволяет не только удовлетворять уже существующие интересы, но и формировать новые увлечения:

«Мне всегда была интересна исконно русская вышивка. Интернет стал для меня помощником в подборе литературы по редкому виду шитья, даже нашла там старые оцифрованные советские журналы с технологией выполнения, которые вряд ли еще где смогла бы найти» (Е.В., 56 лет, не работает, живет в семье).

Удовлетворение чувства справедливости — одно из возможных побуждений присутствия в социальных сетях. Одна из респонденток, молодая пенсионерка в возрасте 56 лет, активно высказывает свою позицию в Facebook и участвует в обсуждении животрепещущих вопросов с членами своей группы в «ВКонтакте». Другой нравится, что за один раз можно пообщаться сразу со всеми друзьями:

«Общаюсь в социальных сетях с одноклассниками, высказываю свое мнение в комментариях, публикую фото и делаю перепосты» (Ю.А., 62 года, не работает, живет в семье).

Респонденты отмечали как стимул присутствия в Интернете такой моральный аспект, как *удовлетворение чувства собственной необходимости*:

«Помогаю дочери искать нужные лекарства в Интернете» (Л.В., 69 лет, не работает, живет одна);

«Я собираю библиотеку для детей из многодетной семьи, подолгу ищу в Интернете хорошие книги подешевле — не из экономии, а чтобы побольше книг купить для этих детей» (М.А., 64 года, не работает, живет одна).

Ресурсы адаптации отдельного индивида могут быть материальными и нематериальными. Реальные побудители — это не только деньги, вещи и материальные условия, но и «нематериальные» условия, такие как альтруизм, чувство справедливости, соответствие статусу, соревнование, чувство собственной необходимости, чувство достижения успеха и пр. Эти чувства дают внутреннее вознаграждение, т. е. внутреннюю мотивацию.

Изменение формы мышления. Об этом сейчас много пишут и говорят, но свойственно это преимущественно молодым людям. Пенсионеры редко замечают изменения в формах своего мышления, концентрация внимания у них уже отработана:

«Не замечаю трудностей с чтением текстов на компьютере, могу сосредотачиваться на искомой информации, игнорируя рекламу» (О.К., 67 лет, работает, живет в семье);

«Большой практический опыт работы с документами позволяет глубоко вникать в интересные материалы в Интернете, умею сосредотачиваться, поверхностного внимания не возникает» (Ю.А., 89 лет, не работает, живет один).

Однако и наши респонденты отмечали, что чрезмерное обилие информации на любой странице в сети, сопровождаемой рекламой и ссылками, *«затрудняет восприятие искомой информации, ведет к разрыву логической цепочки и провоцирует “короткие” мысли»* (В.С., 61 год, работает, живет в семье).

Короткие мысли — это проявление поверхностного мышления, свидетельствующего об измененной форме мышления. Еще одной характеристикой изменения формы мышления является наличие «клипового мышления» и многозадачности. Это также мало свойственно пенсионерам, однако уже касается активных молодых пенсионеров. Клиповое мышление — это процесс отражения множества

свойств объектов без учета связей между ними. Этот процесс характеризуется фрагментарностью информационного потока, разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между разными фрагментами. Это ведет к многозадачности, повышая способность решать несколько задач одновременно, однако снижает способность к анализу информации [2]. Проблема клипового мышления требует углубленного изучения. С одной стороны, обладающие им люди могут одновременно виртуально присутствовать в двух или нескольких местах, совмещать различные виды медиа. С другой стороны, они менее способны решать сложные задачи, как при обучении, так и в обыденной жизни.

Межпоколенческий разрыв, изменение отношений поколений. Общеизвестно, что молодые люди более продвинуты в пользовании Интернетом и социальными сетями по сравнению со старшим поколением. За помощью старшие идут к младшим (членам семьи, коллегам и т. п.), т. е. *растет авторитет младших*. Скорость распространения информации и высокая обучаемость младшего поколения приводят к появлению нового типа культурного обмена знаниями — префигуративного: передача информации идет не только от взрослых к детям, но и от детей к взрослым:

«Информацию о новых возможностях Интернета узнаю от сына или моих учеников в школе» (О.К., 67 лет, работает, живет в семье);

«Если возникают проблемы с Интернетом, всегда обращаюсь за помощью к сыну» (О.А., 62 года, работает, живет в семье);

«Если надо что-то найти в Интернете, зову на помощь 15-летнюю внучку» (Л.В., 67 лет, не работает, живет в семье).

Недовольства пенсионеров при работе с Интернетом. «много лжи»; «бардак»;

«неполная информация по искусству»; «снижаются интеллектуальные способности»; «назойливые уведомления, от которых не можешь отписаться». Многих раздражает большое количество рекламы:

«Реклама в Интернете бесит — заставляю себя не обращать внимания, иначе не могу сосредоточиться» (А.В., 67 лет, работает, живет в семье);

«Часто ссылки на рекламу заставляют обратить на себя внимание и отвлечься от нужного занятия» (И.А., 65 лет, не работает, живет одна).

Страхи пенсионеров.

— *Сбои провайдеров или отключение электричества.* С распространением ИКТ зависимость населения от электричества не только увеличивается, но и становится серьезным социальным риском:

«Да, началась эра дополненной реальности. Но у меня ничего такого нет, я боюсь. А вдруг сбой у провайдера, а вдруг отключат свет?» (Л.Р., 56 лет, работает, живет в семье).

— *Похищение денег со счета:*

«Не пользуюсь услугами Сбербанка онлайн со смартфона, только с ноутбука, боясь мошенничества» (И.А., 65 лет, не работает, живет одна).

— *«Под колпаком»:*

«Мы все под колпаком у поисковых систем, особенно люди в сетях» (Г.Л., 71 год, работает, живет в семье);

«Рекламные баннеры в моей почте говорят о том, что Интернет “следит” за всеми моими запросами в поисковике» (Е.Б., 56, не работает, живет в семье).

— *Уменьшение приватности.* Раскрытие частной информации является своеобразной платой за удобство пользования всемирной сетью:

«Удобство пользования покрывает уменьшение приватности. Я делюсь тем, чего не стесняюсь» (Л.Р., 56 лет, работает, живет в семье);

«У меня в социальных сетях роль “наблюдателя” — никогда ничего не “лайкаю”, не ком-

ментирую, своей информации не размещаю» (О.К., 67 лет, работает, живет в семье).

Формирование нового жизненного уклада. Это серьезное изменение в жизнедеятельности пенсионеров мы рассмотрим более подробно.

3. Новый цифровой техноуклад

Существуют пожилые люди, чья повседневная жизнь во многом формируется постоянным и регулярным присутствием онлайн. Для этих людей уже сформировался новый жизненный уклад, цифровой техноуклад. Перечислим его признаки.

— **Личностные формы коммуникации дополняются техногенными:**

«Я общаюсь с друзьями преимущественно через сети, так быстрее и вводишь всего один раз» (Л.Р., 56 лет, работает, живет в семье);

«Часто использую для общения э-почту, удобно и быстро» (Г.Л., 71 год, работает, живет в семье);

«Электронная переписка позволяет лучше подготовиться к переговорам, обсудить детали и понять требования контрагента» (А.В., 67 лет, работает, живет в семье).

— **Покупка товаров и услуг и оплата счетов из дома.**

«Использую Интернет для оплаты услуг ЖКХ, штрафов, покупок, услуг. (П.П., 70 лет, не работает, живет в семье);

«Давно уже использую Интернет для оплаты ряда покупок и многих услуг (коммунальных, налогов, оплаты за телефон и Интернет и др.)» (О.А., 62 год, работает, живет в семье).

— **Возможность заработать онлайн:**

«Интернет для меня дает возможность получения небольшого заработка. Продаю свои изделия на сайте Ярмарка мастеров, одновременно получая удовлетворение от того, что мое хобби востребованно» (Е.Б., 56 лет, не работает, живет в семье).

— **Постепенное исчезновение наличных денег из употребления:**

«Наличные нужны только на рынке, в магазине пользуюсь банковской карточкой» (П.П., 70 лет, не работает, живет в семье);

«Наличные деньги становятся дефицитом, так как все доходы поступают в безналичном виде на карточку. Расплачиваюсь в основном карточкой, но всегда имею немного налички, так как карточки не все еще принимают» (О.Ю., 64 года, работает, проживает в семье).

— **Широкое использование государственных услуг онлайн:**

«Оформила пенсию через Интернет-сайт Пенсионного фонда, быстро и без хлопот» (Е.С., 68 лет, не работает, живет одна);

«Использую госуслуги для передачи показаний воды и электроэнергии, записи к врачу, уплаты налогов и штрафов» (Ю.А., 62 года, не работает, проживает в семье).

— **Использование новых форм коммуникации.**

Текстовой э-коммуникации:

«Пишем электронные письма или посылаем смс сообщения» (Л.В., 69 лет, не работает, живет одна);

«Новыми формами коммуникации для меня стали социальные сети и мессенджеры, которые пришли на смену СМС и ММС. Электронная почта, как правило, используется только в служебных целях» (О.А., 62 года, работает, живет в семье).

Визуальной и аудиовизуальной коммуникации:

«Фотографирую на мобильный телефон необходимую информацию, чтобы не забыть, отправляю фото своим близким» (О.К., 67 лет, работает, живет в семье);

«Беседую со своей внучкой по скайпу, поскольку не могу видеться с ней каждый день» (О.Н., 71 год, работает, живет одна).

— **Предпочтение мобильной телефонной связи стационарной:**

«Отключили домашний телефон за ненадобностью. Пользуемся только мобильными.

Экономия семейных средств» (Л.В., 69 лет, не работает, живет одна).

— **Тенденция ухода от печатных СМИ.** Период времени между событием и его освещением в традиционных печатных СМИ кажется огромным по сравнению с его освещением в Сети. Люди теперь читают не одну газету, а читают много разных. Они конструируют «собственную» газету, просматривая разнообразные онлайн-издания или заранее программируют себе набор новостей:

«Интернет дает доступ к большому количеству информационных ресурсов, включая иностранные, читаю их ежедневно с утра и не ложусь спать, не проверив почту» (А.В., 67 лет, работает, живет в семье);

«Утро начинается с просмотра новостей в Интернете. Газеты, которые выписывала ранее на почте, загружены в приложения на смартфоне, читаю их электронные версии и другие электронные издания. Одни и те же новости быстрее публикуются в Интернете, чем в бумажных СМИ или на ТВ» (О.А., 62 года, работает, живет в семье).

— **Возникновение техно-зависимости:**

«Никогда не выключаю свой мобильный телефон, ночью лежит рядом, могу только поставить звук на вибрацию» (О.К., 67 лет, работает, живет в семье);

«Я не расстаюсь ни с планшетом, ни с телефоном никогда» (В.С., 61 год, работает, живет в семье).

— **Новый способ получения культурных знаний:**

«Изменяется способ «потребления» культуры — меняется не культура, а только способ ее потребления. Интернет дает доступ к шедеврам и культурным событиям вне зависимости от местонахождения» (В.С., 61 год, работает, живет в семье).

— **Использование «умных» вещей:**

«Могу следить за состоянием своего дома за городом через Интернет, получаю акту-

альную информацию на мобильный телефон» (В.Л., 71 год, работает, живет в семье);

«Отслеживаю местоположение своих близких родственников с помощью мобильного телефона в реальном времени» (О.К., 67 лет, работает, живет в семье);

«Компьютерные технологии помогают создать комфорт в моем доме, регулирование температуры, влажности и прочих параметров осуществляется отдельными компьютерами, но они пока не соединены в сеть» (П.П., 70 лет, не работает, живет в семье).

— **Растущее недоверие респондентов к знаниям специалистов,** в том числе врачей, что является результатом наличия в Интернете большого количества медицинской информации, не всегда достоверной:

«Прежде чем принимать лекарство, выписанное врачом, изучаю последствия его приема в Интернете, иногда отказываюсь от приема, если на форуме советуют его не принимать» (О.К., 67 лет, работает, живет в семье).

Заключение

Сравнительный анализ ответов респондентов позволил обозначить нарождающиеся тенденции, особенности и существующие проблемы в использовании Интернета пенсионерами.

Проведенное исследование выявило основные изменения в жизни интернет-пользователей старшего возраста: исчезновение старых традиций, появление новых практик; покупка товаров и услуг в Интернете; узнаванию новых возможностей содействуют нарабатанные социальные связи; толерантность к ускоренному темпу жизни тем выше, чем меньше возраст пенсионера; имеется возможность для компенсации чувства одиночества и нехватки общения; создание удобной

среды обитания ведет к переориентации ценностей, главным становится удобство и комфорт; частичное изменение формы мышления у молодых работающих пенсионеров; изменение отношения поколений, рост авторитета младших; наблюдается формирование нового жизненного уклада.

Основными признаками формирования нового цифрового техно-уклада являются: замещение социальных связей техногенными; покупка товаров и услуг и оплата счетов из дома; постепенное исчезновение наличных денег из употребления; широкое использование государственных услуг онлайн; использование новых форм текстовой, визуальной и аудиовизуальной коммуникации; мобильная связь постепенно замещает стационарную; постепенный уход от печатных СМИ; пользование компьютером людьми с ограниченными возможностями; новый способ получения культурных знаний; использование «умных» вещей.

Мы внесли некоторый вклад в развитие новой психологии и демографии цифрового века. Психометрия коммуникации респондентов показала, что их можно разделить на три группы: тех, для кого общение стало преимущественно электронным, тех, кто настойчиво предпочитает живое общение и тех, для кого электронное общение дополняет живое. Пенсионеры, работающие и живущие в семье, имеющие большее количество социальных связей, обладают большими возможностями интегрирования в интернет-среду. Они демонстрируют более активное в этом отношении поведение. Одиноким и неработающим пенсионерам менее активны, более подвержены страхам и рискам, связанным с безопасностью в сети и ее функционированием, недооценивают свои возможности в плане освоения Интернета. Определение ха-

рактеристик каждого типа требует дальнейших исследований.

Интернет приносит старшему поколению пользу в плане не только психологического и физического комфорта, но и в плане социальной активности. Ситуация, когда младшее поколение обучает старшее интернет-грамотности и безопасному поведению, а старшее, имея большой жизненный опыт и будучи избирательным в контенте, препятствует негативным влияниям Сети, передает младшему элементы традиционной культуры — уменьшает культурный разрыв между поколениями, взаимообогащает их [3].

Обследование показало, как изменяются структуры повседневной деятельности, появляются новые модели повседневного поведения, растет время на общение с помощью ИКТ; возрастает творческая и игровая составляющие деятельности.

Пожилые люди редко используют социальные сети. Однако молодые пенсионеры, активные пользователи и имеющие большие социальные связи, используют соцсети, говоря, что очень удобно обмениваться информацией сразу со всеми; происходит резкое ускорение интенсивности коммуникации, которое ведет к ускорению темпов жизни.

Интересно, что с увеличением использования виртуального мира, все ценнее становится значение слов «живой», «вживую», т. е. оффлайн-реальности. Отмечается интересная тенденция возврата к общению лицом к лицу с самыми интересными и дорогими собеседниками после многолетнего общения с ними в социальных сетях. Также есть примеры закрытия своих страниц в Facebook людьми, проводившими там несколько лет.

Формирование потребности в ИКТ у пожилых — важная социальная задача.

Людям надо помогать в приобретении адаптационных навыков. От того, как и когда смогут все слои общества использовать новые возможности, зависит динамика процесса модернизации и, в конечном итоге, темпы общественного прогресса в стране. Роль государства — оказывать активное влияние на создание действенных механизмов реализации имеющегося в стране инновационного потенциала. Информационную актив-

ность людей старшего возраста необходимо стимулировать. Многие уже делается в этом направлении — государственные и бизнес-структуры в России помогают людям старшего возраста адаптироваться к информационным технологиям для повышения качества их жизни. Пенсионеры обучаются на курсах цифровой грамотности, для них создаются информационные сайты, порталы, проводятся конкурсы, разрабатываются учебные пособия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева О.А., Вершинская О.Н., Жеребин В.Н. Социально-психологические особенности пользователей Интернета // Народонаселение. 2017. № 1. С. 118—123.
2. Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н. Некоторые особенности развития цифровой экономики // Энергетическая политика. 2017. № 5. С. 49—57.
3. Вершинская О.Н., Скворцова Е.Е. Жизнь людей 50+ в пространстве Интернет // Народонаселение. 2017. № 2. С. 119—128.
4. Демографические показатели. Численность населения Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 10.10.2017)
5. Комплексное социологическое исследование ВЦИОМ «Жизненные стратегии и социальные практики активного долголетия людей пожилого (третьего) возраста», январь—март 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/132/2016_132_01_Potehina.pdf (дата обращения: 12.10.2017)
6. Пресс-выпуск ВЦИОМ «А если без Интернета?!». 2017. № 3346. 07.04 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116148> (дата обращения: 12.10.2017)
7. Пресс-выпуск ВЦИОМ «Безопасность в информационном обществе: вызовы нового века». 2017. № 3282. 11.01 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116024> (дата обращения: 14.10.2017)
8. Симонов П.В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987. 270 с.
9. Стареющая планета: число пенсионеров угрожает мировой экономике [Электронный ресурс] // Экономика. 2013. 23 авг. URL: <http://www.rbc.ru/economics/23/08/2013/57040e499a794761c0ce0f23> (дата обращения: 11.10.2017)
10. Ясин Е.Г. Методологические проблемы исследования систем экономической информации: дисс., представленная на соискание звания доктора экономических наук. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1974. 350 с.
11. Bakardjieva M. Internet Society: The Internet in Everyday Life. London: Sage, 2005. 150 с.
12. COST 248. The Future European Telecommunication User // Final Report. 1997. November.
13. Curras E. Information as the Fourth Vital Element and Its Influence on the Culture of Peoples // Journal of Information Science. 1987. Vol. 13. №. 3. P. 149—159.

Adaptation of retired people to Internet environment

O.A. ALEKSEEVA*,
ISESP RAS, Moscow, Russia, alekseeva_OA@list.ru

O.YU. BESTUZHEVA**,
ISESP RAS, Moscow, Russia, bestoujeva@gmail.com

O.N. VERSHINSKAYA***,
ISESP RAS, Moscow, Russia, vershinskaya@mail.ru

E.E. SKVORTSOVA****,
ISESP RAS, Moscow, Russia, skvortsova_e@mail.ru

The article presents the results of qualitative sociological research of information and communication technologies influence on social behavior and lifestyle of older Internet users conducted by a multidisciplinary group of the Laboratory of social and economic behavior of The Institute of Social and Economic Studies of Population, The Russian Academy of Sciences. The study involved Internet users of retirement age from 56 to 89 years. The survey was conducted by in-depth interview. The main changes in the life of the Internet users of the older generation were revealed and main characteristics of the new digital techno style of life were determined: use of new forms of textual, visual and audiovisual communication for interaction; obtaining cultural knowledge and necessary information; buying goods and services and paying bills from home; extensive use of state services online; the gradual move away from print media; using “smart” things. The analysis of respondents’ communication showed that older people can be divided into three groups: those for whom communication has become predominantly electronic; those who persistently prefer live communication, and those for whom electronic communication is additional to live communication.

For citation:

Alekseeva O.A., Bestuzheva O.Yu., Vershinskaya O.N., Skvortsova E.E. Adaptation of retired people to Internet environment. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 150–164. doi:10.17759/sps.2018090210 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Alekseeva Olga A.* — PhD in Economics, Senior researcher, Laboratory of social and economic behavior, Institute of Social and Economic Studies of Population (ISESP), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, alekseeva_OA@list.ru

** *Bestuzheva Oxana Yu.* — PhD in Economics, Senior researcher, Laboratory of social and economic behavior, Institute of Social and Economic Studies of Population (ISESP), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, bestoujeva@gmail.com

*** *Vershinskaya Olga N.* — Doctor in Economics, Chief researcher, Laboratory of social and economic behavior, Institute of Social and Economic Studies of Population (ISESP), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vershinskaya@mail.ru

**** *Skvortsova Elena E.* — PhD in Economics, Senior researcher, Laboratory of social and economic behavior, Institute of Social and Economic Studies of Population (ISESP), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, skvortsova_e@mail.ru

Keywords: retired people, Internet environment, internet users, digital techno style of life, psychometry, digital divide, adaptation to information and communication technologies.

REFERENCES

1. Alekseeva O.A., Vershinskaya O.N., Zherebin V.N. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti pol'zovatele Interneta [Socio-psychological characteristics of Internet users]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017, no 1, pp. 118–123. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Bestuzheva O.Yu., Vershinskaya O.N. Nekotorye osobennosti razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Some features of the development of the digital economy]. *Energeticheskaya politika [Energy Policy]*. 2017, no 5, pp. 49–57. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Vershinskaya O.N., Skvortsova E.E. Zhizn' lyudei 50+ v prostranstve Internet [The life of 50+ people in the Internet]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017, no 2, pp. 119–128. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Demograficheskie pokazateli. Chislennost' naseleniya Rossiiskoi Federatsii. [Demographic indicators. Population of the Russian Federation]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Elektronnyi resurs] [Federal State Statistics Service]*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (Accessed 10.10.2017)
5. Kompleksnoe sotsiologicheskoe issledovanie VTsIOM «Zhiznennye strategii i sotsial'nye praktiki aktivnogo dolgoletiya lyudei pozhilogo (tret'ego) vozrasta», yanvar'–mart 2015 g. [Elektronnyi resurs]. [Complex sociological research of WCIOM “Life strategies and social practices of active longevity of people of the elderly age”, January-March 2015.] Available at: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/132/2016_132_01_Potehina.pdf (Accessed 12.10.2017)
6. Press-vypusk VTsIOM «A esli bez Interneta?!». 2017. No 3346. 07.04 [Elektronnyi resurs]. [Press-release WCIOM “And if without the Internet?”]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116148> (Accessed 12.10.2017)
7. Press-vypusk VTsIOM «Bezopasnost' v informatsionnom obshchestve: vyzovy novogo veka». 2017. No 3282. 11.01 [Elektronnyi resurs]. [Press-release WCIOM “Security in the Information Society: Challenges of the New Century”]. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116024> (Accessed 14.10.2017)
8. Simonov P.V. Motivirovannyi mozg [Motivated brain]. Moscow: Publ. Nauka, 1987. 270 p.
9. Stareyushchaya planeta: chislo pensionerov ugrozhaet mirovoi ekonomike [Elektronnyi resurs]. [The aging planet: the number of pensioners threatens the global economy]. *Ekonomika [Economy]*. 2013. 23 August. Available at: <http://www.rbc.ru/economics/23/08/2013/57040e499a794761c0ce0f23> (Accessed 11.10.2017)
10. Yasin E.G. Metodologicheskie problemy issledovaniya sistem ekonomicheskoi informatsii. Diss. d-ra ekonomich. nauk. [Methodological problems of research of economic information systems. Dr. Sci. (Economy) diss.]. Moscow: Publ. TsEMI AN USSR, 1974. 350 c.
11. Bakardjieva M. Internet Society: The Internet in Everyday Life. London: Sage, 2005. 150 c.
12. COST 248. The Future European Telecommunication User. *Final Report*. 1997. November.
13. Curras E. Information as the Fourth Vital Element and Its Influence on the Culture of Peoples. *Journal of Information Sciences*. 1987. Vol. 13, no. 3, pp. 149–159.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА
APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

**Взаимодействие психолога с субъектами образовательного
процесса в школах США**

Т.В. КОТТЛ*,

*Школа графства Фэирфакс, штат Вирджиния, США,
Tatyana.cottle@gmail.com*

О.Б. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ**,

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, social2003@mail.ru

В.А. ОРЛОВ***,

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, vladimirorlov@bk.ru

Рассматриваются подходы к проблеме построения эффективной системы взаимодействия школьного психолога с другими субъектами образовательного процесса. Данная задача является ключевой для социальной психологии образования, поскольку только на основе полноценного профессионального сотрудничества школьного психолога с педагогами, руководителями образовательных организаций, с детьми и их родителями возможно эффективное многостороннее личностное развитие ребенка. Мотивация учения, поведение и образовательные результаты учеников также во многом зависят от согласованности работы психолога с другими взрослыми, причастными к школе. В беседе сотрудников МГППУ и практического психолога-консультанта Т.В. Коттл, имеющей многолетний опыт работы в американской школьной системе образования, показано, как базовые принципы школьной психологической службы в США, с учетом

Для цитаты:

Коттл Т.В., Крушельницкая О.Б., Орлов В.А. Взаимодействие психолога с субъектами образовательного процесса в школах США // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 165–178. doi:10.17759/sps.2018090211

* *Коттл Татьяна Владимировна* — PhD, практический психолог школы графства Фэирфакс, штат Вирджиния, США, Tatyana.cottle@gmail.com

** *Крушельницкая Ольга Борисовна* — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, social2003@mail.ru

*** *Орлов Владимир Алексеевич* — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, vladimirorlov@bk.ru

социально-психологических реалий конкретного образовательного учреждения, преломляются в профессиональной деятельности психолога-консультанта. Опыт взаимодействия американского психолога-консультанта с его коллегами по школе и со школьниками представляет интерес для исследователей, практиков и особенно для молодых специалистов — начинающих школьных психологов. Статья написана в форме триалога, позволяющего рассмотреть проблему взаимодействия с различных сторон и сравнить американский опыт с российской практикой.

Ключевые слова: *школьная психологическая служба, психолог, педагог, учащиеся, педагогическое взаимодействие, социальная психология образования, эмоциональный интеллект, профессиональная подготовка школьного психолога, гибкое мышление, взаимные ожидания.*

О.К.: Наш факультет готовит психологов, владеющих социально-психологическими средствами профессиональной деятельности. Многие наши выпускники работают психологами в образовательных учреждениях разного типа. Несмотря на то, что они получили профильное образование и, будучи студентами, прошли практику и стажировку на базе дошкольных, общеобразовательных, специализированных и других образовательных организаций, в профессиональной деятельности молодые специалисты порой сталкиваются с непростыми задачами. Одной из наиболее сложных является задача построения сотрудничества, эффективного профессионального взаимодействия с педагогами, руководителями образовательных учреждений, родителями учащихся. О том, что эти сложности имеют объективную основу, свидетельствуют результаты многих исследований, проведенных, в частности, у нас, на факультете социальной психологии МГППУ [3; 6].

Школьная психологическая служба в США существует более ста лет — намного дольше, чем российская. Скажите, пожалуйста, встречается ли американский психолог с проблемами взаимодействия

со своими коллегами по школе? И если да, то каков опыт преодоления этих проблем?

Т.К.: Когда необходимо отладить взаимодействие людей разных профессий, легко могут возникнуть противоречия. Я слежу за тем, что происходит в России, сравниваю с ситуацией моей работы здесь, в Фэйрфаксе. Действительно, и у вас, и у нас существует культурный разрыв между психологом и другими субъектами образовательного пространства, зачастую — непонимание роли, интересов, мотивов друг друга. Психологи видят в школьных ситуациях одно, учителя — другое.

В.О.: Несколько лет назад я проводил исследование по проблеме взаимных ожиданий субъектов школьного образовательного процесса. Результаты показали значительное несовпадение ролевых ожиданий учащихся, учителей, администрации и родителей от деятельности школьного психолога, что не может не сказаться на эффективности их взаимодействия [4]. Несовпадение взаимных ожиданий часто приводит не только к осложнению ситуаций взаимодействия, но и к конфликтам [3].

Т.К.: Часто особенности отношения к психологу у зрелых учителей и у учите-

лей нового поколения, которые работают не более десяти лет, сильно различаются. В своей работе я замечаю: чем моложе учителя, тем проще мне с ними общаться. В большинстве своем они менее консервативны, более лабильны и открыты инновациям.

В.О.: У нас молодые педагоги тоже, как правило, легче идут на сотрудничество с психологом. Я наблюдаю это в течение многих лет моей практической работы в качестве школьного психолога, исследователя, преподавателя курсов повышения психологической квалификации для педагогов, руководителей образовательных организаций и школьных психологов. И все же, работая с учителями, в том числе с большим педагогическим стажем, я часто наблюдал, что если удастся найти адекватные формы взаимодействия, они вполне способны менять свои стереотипы. Здесь главное — сформировать доверительные отношения, снять «барьеры защит».

В последнее время в нашей стране все больше осознается необходимость повышения психологической компетентности педагогического состава, психологической работы с педагогами и руководителями образовательных организаций. Например, уже второй год, по заказу Департамента образования города Москвы, наш Университет ведет работу по развитию эмоционального интеллекта и лидерского потенциала у руководителей московских образовательных учреждений. В рамках этого проекта, вместе с доцентом нашей кафедры К.А. Серебряковой, для директоров вновь образованных укрупненных образовательных организаций г. Москвы и их заместителей мы провели 24-часовой семинарско-тренинговый курс повышения психологической квалификации по теме «Эмоциональный

интеллект — основа лидерства». Занятия по этой программе прошли сотни руководителей.

Т.К.: Я много общаюсь с профессионалами в соцсетях. Из одной группы в Фейсбуке учителя меня даже прогнали, когда я начала говорить с ними о значимости эмоционального интеллекта. Педагоги возмущенно писали, что эмоциональный интеллект — это надуманное, ерунда какая-то... В общем, прочитала в свой адрес много интересного...

В системе образования США сейчас развивается идея о том, что эмоциональный интеллект даже важнее, чем интеллект общий, потому что если он не развит, человек не способен к эффективному взаимодействию. Учитель, директор, любой работающий в школе профессионал находится в сложной системе профессионального общения, поэтому ему особенно необходимо научиться распознавать собственные эмоции и управлять ими. Кроме того, надо научиться распознавать эмоции других людей и понимать, как можно, «как я могу» гармонично реагировать на них. Необходимо также развивать личностные социально-психологические качества, в том числе столь важное для совместной работы качество, как оптимизм. Если у педагога не развит эмоциональный интеллект, настоящего личностного роста, развития у него не произойдет.

Очень правильно, что у вас начали с директоров: если директор не распознает эмоций, не умеет управлять ими, он не сможет оказать должной поддержки учителям, а психолог в его школе окажется в одиночестве, не сможет реализовать свой профессиональный потенциал и будет страдать. Проблемы с эмоциональным интеллектом у директора часто негативно влияют и на адекватное взаимодей-

ствии с учителями, и, в конечном счете, на развитие учеников.

В американской школе в последнее время развивается идея о том, что и учителя, и директор школы, и ученики, и родители должны быть ориентированы на развитие гибкости своего мышления в образовательном процессе. Подробнее об этой идее можно прочесть в недавно вышедшей на русском языке книге Кэрол Дуэк «Гибкое сознание [1]. Новый взгляд на психологию развития взрослых и детей». Ее английское название — «Growth mindset», что дословно можно перевести как «растущее», или «развивающееся» мышление. Имеется в виду гибкое, безынерционное мышление, в отличие от ригидного. Учитель с ригидным мышлением не способен устанавливать необходимые для его профессиональной деятельности контакты и, следовательно, прогресс у детей не будет достигнут. Такое мышление учителя ограничивает способы работы с детьми, и если ребенок на предложенный способ не отвечает, то педагог считает ребенка неспособным, но не предлагает ему иные варианты роста. В результате учитель сам закрывает ребенку путь к прогрессу.

Напротив, учитель с установкой на то, что любой ребенок может учиться и надо творчески подойти к подбору подходящего для него способа обучения, открывает пространство для плодотворной совместной работы с учениками и с коллегами по школе. Мы и детей учим тому, что могут быть очень разные способы решения возникающих перед ними проблем, обсуждаем это с ними в групповых дискуссиях.

О.К.: Какие средства Вы используете для установления полноценного профессионального взаимодействия с учителями?

Т.К.: Я считаю очень важной задачей установление эмоционального контакта с каждым новым учителем в моей школе. Я иду к новому коллеге, здороваюсь и говорю: «А у меня есть коробка шоколадных конфет!» Пью чай, и с этого дня учитель знает, что с проблемами можно прийти ко мне. Открытость начинается с таких вот элементарных шагов. Учителя ведь приходят в новую школу немного тревожными, неуверенными, испытывают сложности адаптации, и моя поддержка на этом этапе им очень нужна.

Эмоциональные контакты поддерживаются и в течение учебного года. Например, у нас существуют «счастливые часы»: раз в месяц в пятницу все желающие собираются вечером в кафе, чтобы посидеть-посмеяться. Такие небольшие мероприятия организуются, чтобы между сотрудниками выстраивались более тесные эмоциональные отношения.

В.О.: Насколько американские учителя доверяют школьному психологу? Не считают ли они его контролером, агентом администрации? У нас, например, недоверие к психологу (обычно оно свойственно учителям с повышенной тревожностью, что часто связано с невысокой личностной или профессиональной компетентностью) строится на опасении, что он проинформирует директора о результатах диагностической оценки учителя. И тогда учителю трудно решиться поговорить с психологом не только о своих личностных проблемах, мешающих ему эффективно работать с классом, но и о проблемах учеников.

Т.К.: Такая опасность существует и в наших школах. Кроме того, психологу необходимо дистанцироваться от личностных проблем учителя, не связанных с обучением детей, чтобы не осложнить дальнейшее взаимодействие. Поэтому

задача психолога — четко выстраивать ролевые отношения с учителем, не нарушать границы между сугубо личным и профессиональным.

Например, у учительницы случилась внутрисемейная трагедия, которую она тяжело переживает. Я знаю, что у нее вообще высокая личностная тревожность, и мне надо выстроить с ней доверительные отношения так, чтобы, если она захочет высказаться, она смогла бы это сделать. Учительница должна быть уверена, что я не понесу ее личную информацию дальше. Проговаривание своих мыслей и эмоций принесет ей облегчение, а я ее в этом просто поддержу и никакую терапевтическую работу вести не буду. То есть я не буду выступать в роли ее личного психолога. Если я облегчу эмоциональное состояние учительницы, ей будет потом легче работать с детьми.

Если учительница не захочет выговориться, то, может быть, я помогу ей другим образом. Например, чтобы расположить ее к общению, я могу сказать: «Какая ты сегодня расстроенная... Чем я могу тебе помочь?» Если я прихожу с таким посылом, она не станет защищаться, не будет «ежиком». Она может ответить: «Позанимайся с этим учеником, уж очень он сегодня подвижный». Я отвечаю: «Хорошо!». Так складывается наше партнерство. Она мне доверяется как коллеге, как бы говорит: «Мне сегодня тяжело, спасибо, что ты это заметила». Таким образом, я, с одной стороны, оказываю ей помощь, с другой стороны, она еще позволяет мне работать с ребенком, и я ребенку помогаю. Получается такая минисистема, где мы все помогаем друг другу.

В.О.: Граница между профессиональными и личностными проблемами педагога бывает сильно размыта, особенно если причиной профессиональных про-

блем являются проблемы личностного характера. Когда учитель доверяет психологу, он может обратиться к нему еще и за психологической и психотерапевтической помощью. В этом случае психолог помогает учителю понять, что его профессиональные трудности связаны не с методической подготовкой, а с личностными барьерами, которые преодолеваются с помощью другого специалиста — психолога или психотерапевта.

Скажите, пожалуйста, есть ли какие-то особенности поведения у американского школьного психолога в подобных случаях?

Т.К.: В США этим проблемам уделяется огромное внимание в процессе университетской подготовки психологов. Студентам постоянно напоминают о необходимости четко распознавать границы между профессиональным и личностным. В университете нам все время говорили: если вы в чем-то сомневаетесь, ищите супервизию. Супервизором не обязательно должен быть специалист высокой квалификации, им может быть и коллега по школе, и любой другой школьный психолог, который понимает важность этического кодекса помогающего профессионала...

О.К.: Существуют ли у американских школьных психологов группы профессионально-личностной поддержки?

Т.К.: Официально — нет, группа поддержки может сложиться на неформальной основе из коллег-единомышленников. В американской школе существует два вида психологов: практикующий (или консультант), которым являюсь и я, и диагност, который в основном занимается тестированием и лишь в некоторых случаях участвует в проведении занятий с детьми. Диагностике здесь уделяется огромное количество времени и сил.

Мне повезло, потому что у меня есть два единомышленника: социальный работник и психолог-диагност. Втроем мы сами себе раз в неделю устраиваем супервизию — то есть садимся и проговариваем какие-то сложные моменты своей работы, обсуждаем кейсы, ищем оптимальные решения. Эти встречи представляют для нас большую ценность, потому что дают возможность профессиональной саморефлексии. Но не всем школьным психологам повезло с единомышленниками, кроме того есть психологи, которые сами ведут себя как «ежики»: они заняты собственными комплексами и закрыты для полноценного общения, есть категория психологов, которым свойственен профессиональный снобизм. На мой взгляд, такие специалисты не должны допускаться к психологической работе, им не надо выдавать диплом до тех пор, пока они не научатся быть открытыми — не просто на уровне знания, но и на уровне прочувствования.

О.К.: Какие методологические основания заложены в нормативных документах, регламентирующих работу школьного психолога в США?

Т.К.: Работа школьного психолога в США включена в общенациональную систему и, можно сказать, насквозь пронизана системностью. Все школьные программы психологической службы в США базируются на основных принципах: быть всеобъемлющими и всесторонними, превентивными и развивающими. Эти принципы содержатся в «Национальной модели школьной психологической службы», которая является основой для разработки программ в каждой отдельной школе, с учетом ее особенностей — расположения (например, сельская или городская школа), количества и этнической принадлежности обучающихся, социально-экономическо-

го состояния семей, от того, насколько родители вовлечены в образовательный процесс своего ребенка, и т. д.

Основная идея «Национальной модели» в том, чтобы помочь каждому ребенку успешно учиться в школе и стать полноценным членом общества. Главная задача школьной психологической службы — помочь учащимся получить и развить умения и навыки, необходимые для успешного обучения. Программа должна быть превентивной, с учетом возрастных и индивидуальных особенностей каждого ребенка, а услуги предоставляются в трех направлениях: академическом (научить ребенка учиться), социально-эмоциональном (помочь ребенку овладеть умениями и навыками социализации) и профориентационном (подготовка к выбору профессионального пути, определение своих способностей и интересов). Превентивное образование доступно лишь при условии комплексного подхода и разнообразных форм донесения материала и креативных форм совместной работы с детьми, их родителями, учителями и администрацией.

К сожалению, не все регионы и штаты полноценно используют эту модель. Многие учителя и администраторы не верят в силу и важность школьных психологов. Именно поэтому психологам предлагается документировать прогресс у детей в результате психологической работы: показывать, как индивидуальные и групповые (в малых группах) занятия способствуют улучшению поведения учащихся, повышению мотивации и эффективности обучения, а также овладению детьми навыками гармоничного общения, позволяющими им стать успешными членами общества, уметь использовать свои сильные стороны и работать над слабыми.

Школьная психологическая служба подразумевает взаимодействие психолога со всеми субъектами образовательного процесса. Во многом в ней используются превентивные меры: программы профилактики конфликтов, предупреждения насилия и жестокости, программы по работе с возможными зависимостями у детей. Это также программы, нацеленные на развитие навыков грамотного общения, укрепление чувства собственного достоинства, умения отстаивать свою точку зрения, умения распознавать свои сильные и слабые стороны, использовать их во благо себя и других.

Например, одной из превентивных программ, чаще всего обязательной в школах, является «Неделя красной ленты». Это мероприятие направлено на профилактику алкоголизма, курения и наркотизации, на формирование представлений о пагубном их влиянии на человека, особенно на развивающийся организм. Поскольку психолог не может за одну неделю обойти все классы и провести соответствующие занятия с детьми, в этот процесс активно вовлечены учителя-предметники. К примеру, на уроке математики ученикам предлагают задачи на подсчет денег, которые курящий человек может потратить за неделю, за месяц и т. д. Использование таких задач дает учащимся возможность осознать более конкретно последствия влияния курения на жизнь человека или семьи. Подобные задания могут послужить началом дискуссии, в ходе которой ученики смогут обсудить свое отношение к курению и употреблению алкоголя и наркотиков, смогут исследовать влияние вредных привычек на развивающийся мозг. Откровенные разговоры на такие темы под руководством психолога или учителя дают хорошие результаты.

«Национальная модель» предполагает, что любая программа должна быть развивающей. Программа, построенная на основах, рекомендованных национальной моделью, требует учета уникальных индивидуальных потребностей каждого учащегося независимо от того, учится ли ребенок в основном классе или в специальном, для детей с поведенческими проблемами или с более глубокими проблемами обучения, или с эмоционально-психологическими трудностями, а также в классах для одаренных учащихся.

Конечно, не существует программ, которые смогли бы помочь каждому ребенку, поэтому многое зависит от профессионализма психолога. Психолог должен эффективно распределить задания и сбалансировать динамику группы, чтобы достичь максимального эффекта. Когда идешь в класс, в котором есть дети с разным уровнем интеллектуального и эмоционального развития, надо быть готовым к тому, что не обязательно удастся выполнить все запланированное, поскольку в ходе дискуссии индивидуальное развитие некоторых учащихся не позволит продвигаться по заготовленному плану.

О.К.: Как системность, о которой Вы говорили, реализуется в школе?

Т.К.: Построение обучающего процесса в школе в целом можно свести к структуре пирамиды, состоящей условно из трех зон: «зеленой», «желтой» и «красной». В соответствии с этим, в «зеленую зону» входит примерно 80% всех учащихся: дети в этой условной группе успешно усваивают учебный материал, им практически не требуется дополнительная профессиональная помощь. Но практический психолог и с ними ведет профилактическую работу, включает их в такие мероприятия, как «Красная лен-

та», анти-буллинг-программы и т. д. Здесь преобладает просветительская психологическая работа.

В «желтую зону» входят примерно 10–15% всех учащихся, нуждающихся в более интенсивной помощи. Чаще всего у таких детей есть проблемы с поведением. Они тревожные, немотивированные. В данную группу могут входить дети без официально поставленных диагнозов, но недостаточно хорошо усваивающие общеобразовательную программу. Например, в начальной школе это те, кто не умеет хорошо читать, усваивать материал по математике. Здесь часто оказываются дети мигрантов и иммигрантов, недостаточно владеющие английским языком. С ними несколько раз в неделю дополнительно занимается основной учитель или учитель, прикрепленный к классу для помощи неуспевающим учащимся. Практический психолог обычно организует с детьми этого уровня работу в малых группах (3–8 человек), которая ведется, с разрешения родителей, на протяжении 4–8 недель, чтобы отработать определенные умения и навыки. Например, для группы детей с синдромом гиперактивности могут быть предложены такие тематические направления, как работа с импульсивностью, умение расслабляться, обретение навыков отстаивания своих интересов, тренировка организационных умений, навыков тайм-менеджмента и т. д. По результатам этой работы снова проводится тестирование — screening, чтобы увидеть, каков прогресс.

В этой же группе у меня есть дети, которые неплохо учатся, но повышенная тревожность мешает им реализовать свой потенциал в учебе.

В «красную зону», как правило, входят дети с медицинскими или педагогиче-

скими диагнозами, которые получают дополнительную помощь, описанную в их индивидуальном плане.

Одна из моих профессиональных задач — выявление детей, относящихся к этим зонам. Мои основные коллеги по этой работе — ведущие учителя математики, литературы, чтения и английского языка, с которыми мы регулярно устраиваем микроконсилиумы. Во многом наша работа основывается на цифрах — многочисленных данных диагностики и результатах их обработки. Цифр очень много, учителям это не нравится, но от цифр никуда не деться.

Работа с детьми, согласно трехкомпонентной модели, нацелена на увеличение количества детей в «зеленой зоне» и уменьшение в «желтой» и «красной». Понятно, что для достижения этой цели очень плотно должно быть выстроено сотрудничество практического психолога и остальных профессионалов, включенных в работу с каждым ребенком. Психолог выступает здесь и как ведущий индивидуальных и групповых занятий, и как консультант для учителей и родителей. Он также выполняет просветительскую роль. При этом психолог не прикреплен к определенному ученику, а оказывает поддержку и учащимся, и группе профессионалов, вовлеченных в работу с детьми. Таким образом, основная работа школьного практического психолога осуществляется превентивно и в сотрудничестве со всеми участниками образовательного процесса.

О.К.: В какой форме осуществляется это сотрудничество?

Т.К.: По каждой из выявленных проблем собираются микроконсилиумы, участниками которых становятся психолог и педагоги. В результате этого обсуждения мы разрабатываем задания,

которые затем получают один или несколько учеников в классе, и в дальнейшем отслеживаются результаты работы с проблемами. В американской школе дети не сидят за партами, они все время двигаются, работают то индивидуально, то в микрогруппах. Гибкая система позволяет сгруппировать детей в соответствии с их нуждами, чтобы дать им возможность учиться более эффективно, в том числе — наверстать упущенное в учебных дисциплинах, достичь требуемых образовательных результатов. При этом в классе может находиться несколько учителей.

В.О.: Есть ли у вас в школе система мониторинга, который, на основе регулярного тестирования, дает психологу срезовую информацию о ходе развития детей? Отслеживаете ли вы таким образом дидактические, психологические, личностные изменения?

Т.К.: Нет, такой мониторинг у нас не проводится. Учителя проводят учебные и воспитательные занятия с ориентацией на индивидуальные возможности и проблемы каждого ребенка. Например, программа занятий по развитию у детей эмоционального интеллекта, языковой компетентности и т. д.

О.К.: Какие проблемы вы считаете основными для работы учителей и психолога в Вашей школе?

Т.К.: В моей школе (в каждой школе будет своя специфика проблем) самая большая проблема — с родителями учеников. Дело в том, что я работаю в школе, где учится много детей из семей иммигрантов, часто нелегальных. Они пробирались в США с большими трудностями (например, шли пешком через Мексику), сталкивались с гангстерами и наркоторговцами, видели трупы людей, переживали насилие... Например, ребенок рассказывает, что их семью за-

держали на границе с Техасом, посадили в собачьи клетки, отделили детей от матерей. При этом дети оказались вместе с чужими подростками, которые были связаны с наркотиками и другими видами преступности. Практически у каждого родителя своя история травмы. У многих детей посттравматический синдром, высокая тревожность. Кроме того, нередки случаи, когда к маме, у которой в США уже образовалась новая семья, из Мексики перебирается подросший там старший ребенок, а здесь он оказывается в менее благоприятном положении, чем его младшие братья и сестры: в отличие от них, он не имеет американского гражданства, плохо знает английский язык, не адаптирован к здешней жизни. Родители наших детей работают до 20 часов в сутки, у них мало возможностей, чтобы поддерживать детей. Очень многие родители не могут читать и писать даже на своем родном языке. Они не читают книг, не ведут бесед с ребенком. Большая семья живет в одной комнате, дети могут быть от разных отцов. Нередко в семье дети и родители спят на одной кровати, еще кто-то чужой спит в этой же комнате на полу, потому что угол сдается, и там — один ушел на работу, другой пришел поспать. Поэтому педагоги являются для детей и учителями, и воспитателями, и отчасти родителями. В то же время есть в нашей школе и дети из богатых семей. Среди них есть родители с потребительским отношением к учителям, но есть и родители, готовые к сотрудничеству со школой.

Поэтому первая задача у нас в школе — обеспечить детям чувство безопасности.

Вообще в американских школах, как правило, поддерживается хороший психологический климат, детям весело,

взрослые им улыбаются и выражают доброжелательность. В классах начальной школы часто существует правило, что учитель перед началом урока стоит в дверях и приветствует каждого ребенка, называя его по имени, либо предлагает обняться, руку пожать и т. п. И ребенок сразу чувствует: ему здесь рады. Но и в средних, и в старших классах учителя поддерживают доброжелательную атмосферу. Учитель, психолог, директор — все общаются с детьми по-доброму и на равных, по принципу: «ты человек — и я человек». Несмотря на разницу в возрасте, уровне образования и т. д., мы относимся к детям уважительно, как к равным себе. Это складывается в общую положительную картину, так что дети счастливы приходить в школу, они тянутся к учителям. Нередко плачут, когда надо уходить на каникулы.

В.О.: Вы говорите об основном гуманистическом принципе общения и о технологии безусловного принятия. Гармоничное, эффективное взаимодействие возможно именно через безусловное принятие. Это основа контакта, которая снимает барьер, делает общение более открытым и паритетным.

Т.К.: И это, наверное, является основой всей профессиональной деятельности школьного психолога, без этого моя работа с учителями, родителями, детьми была бы бессмысленной. Если ученик чувствует и знает, что учитель о нем заботится и в нем заинтересован, то у него возрастает мотивация учения. Главное — выстроить систему доверительных отношений, построенных на позитивных эмоциях и эмпатии.

В.О.: Только в этих условиях, если дети помещены в такую лично-безопасную зону взаимодействия, и возникает восстановление естественного любопыт-

ства детей. На основе этого природного качества можно ожидать, что учебная мотивация резко активизируется.

Т.К.: Характер взаимодействия во многом определяется личностью учителя. А психолог, если он не «ежик», постарается встретить каждого учителя на том уровне, на котором учитель функционирует и готов принимать помощь. У меня, например, есть учительница с негативным отношением ко всему. Подшучиваю над ее недовольством. Потом говорю: «Что должно произойти в твоём классе, чтобы тебе было легче работать?» Тем самым я переношу ответственность на нее, помогаю ей задуматься. Когда она сформулирует, я ей скажу: «Мы будем делать это вместе. С чего ты хочешь начать?» Я хочу, чтобы она приходила ко мне как к эксперту, а дальше я смогу предлагать ей технологии, чтобы она знала, с чего начать. Иначе она захлопнет передо мной дверь.

В.О.: Вы позиционируете себя учителем как помощника? Да, конечно, это позиция. И это увеличивает доверие. Если учитель чувствует себя в доминирующей роли, он не просто берет на себя большую ответственность, ему кажется, что он более защищен. Он в большей степени чувствует себя и субъектом этих взаимоотношений. Действительно, многое зависит от учителя. Но и от психолога тоже зависит очень много: от того, как он себя позиционирует, насколько развита его эмпатийная сторона общения. И, безусловно, психолог может провоцировать учителя на тот или иной уровень открытости. Взаимодействие — всегда двустороннее движение.

Т.К.: Конечно. Психологу необходимо уметь корректно влиять на учителя.

В.О.: В практике взаимодействия с учителем я чаще использую техники фа-

силитирующей манипуляции. Это «мягкая», недирективная манипуляция.

Т.К.: По-доброму звучит.

В.О.: Мы живем в своей реальности, своих координатах, а свою реальность лучше понимаешь, когда смотришь на нее со стороны. Возникает масштабность, сопоставление. Наверное, необходимо и то и другое.

Т.К.: Последняя ремарка. Главное, что все зависит от системы подготовки психолога и от того, насколько преподаватели университетов сами принимают эту позицию. У меня было несколько интернов из разных университетов, и, так как каждый университет имеет свою культуру, можно сказать ментальность, она и определяет индивидуальную систему взглядов и профессиональную культуру выпускников. И я не уверена, что будущие психологи обязательно учатся разговаривать с детьми, с учителями психологически эффективно.

В.О.: В основе успешной работы психолога лежат принципы личностно ориентированного гуманистического подхода к учителю и, прежде всего, к ребенку. У нас эти принципы, к сожалению, плохо внедряются. И далеко не каждый преподаватель вуза исповедует в общении со студентами гуманистические принципы.

Отечественная психология, в том числе и университетская наука, 15–20 лет назад в своих исследованиях была в большей степени фокусирована на школьно-организационных проблемах, чем на вопросах детского психического развития. Во многом были ослаблены связи с нашими классическими отечественными подходами в педагогике (В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский), педагогической психологии и психологии личности (Л.С. Выготский).

Насколько нам известно, в последние годы в США проявляется большой интерес к концепции Л.С. Выготского [2]. Мы пытаемся реализовать это великое наследие. К примеру, в нашем университете (МГППУ) в 2002 году была образована «Международная кафедра культурно-исторической психологии», а шесть лет назад — международная кафедра ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», на которой реализуется соответствующая магистерская программа обучения. В МГППУ издается научный журнал «Культурно-историческая психология», проводятся научно-практические конференции по этой проблематике [5].

О.К.: Мне кажется, что беседы, подобные нашей, очень важны и для психологов, и для студентов — будущих специалистов. Необходимо больше и из первых рук узнавать об опыте друг друга. Было очень интересно узнать о том, как устроена школьная психологическая служба в США и как американский школьный психолог решает различные профессиональные задачи, и то, что у вас, так же, как и у нас существует необходимость творческого, продуманного подхода к выстраиванию отношений с другими субъектами образовательного процесса. Думаю, что взаимный обмен опытом и обсуждение сходных профессиональных проблем обогащает, расширяет ресурсы профессиональной деятельности психолога, на основе которых становится возможным обдумывать и находить наилучшие решения психологической работы применительно к социально-психологическим и психолого-педагогическим условиям конкретной школы или другого образовательного учреждения.

Татьяна Владимировна, большое спасибо Вам за беседу! И — до новых встреч!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дуэк К.* Гибкое сознание: новый взгляд на психологию развития взрослых и детей. М: «Манн, Иванов и Фербер», 2013. 400 с.
2. *Зарецкий В.К., Холмогорова А.Б.* Мировая психология и педагогика в поисках теории развития, адекватной вызовам нашего времени: вперед к Выготскому // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 3. С. 170–175. doi:10.17759/cpp.2017250312
3. *Крушельницкая О.Б., Орлов В.А.* Социально-психологические проблемы управления конфликтом: учеб. пособие. М.: МГППУ, «НФП «Смысл», 2007. 168 с.
4. *Орлов В.А.* Проблема экспектаций субъектов образовательного процесса относительно роли школьного психолога // Личность и группа в образовательном пространстве: сб. научных трудов. Вып. 3 / Под ред. О.Б. Крушельницкой. М.: МГППУ, 2009. С. 73–82.
5. *Рубцов В.В.* Культурно-историческая психология в Московском городском психолого-педагогическом университете // Культурно-историческая психология. 2009. № 3. С. 114–119.
6. Социальная психология образования: учеб. пособие / Под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2015. 320 с.

Interaction of a psychologist with subjects of the educational process in US schools

T. V. COTTLE*,

*Fairfax County Public School, Fairfax, Sate of Virginia, USA,
Tatyana.cottle@gmail.com*

O. B. KRUSHELNITSKAYA**,

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
social2003@mail.ru*

V. A. ORLOV***,

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
vladimirorlov@bk.ru*

This article explores approaches of constructive and effective collaboration among a school psychologist and other stakeholders in the education process. Effective collaboration among all stakeholders such as students, teachers, admins, parents, and psychologists is the key point to offer a “whole child” education. High motivation for learning, positive behavior, and excellent academic results greatly depend on the strong collaborative culture and atmosphere in the school building. The presented dialog of MSUPE professors and Dr. Cottle, who has many years of experience working in American schools as a school counselor, demonstrated main points of the counseling program via social-emotional support to students at one given school. This shared experience of the school counselor is an invaluable piece of information for Russian researchers, practitioners, and especially for new professionals. This article presents a dialog among three parties which invite a reader to explore this topic from the point of view of Russian and American professionals.

Keywords: *school psychological services, psychologist, teacher, students, pedagogical interaction, social psychology of education, emotional intelligence, preparation of school psychologist, flexible thinking, mutual research.*

For citation:

Cottle T.V., Krushelnitskaya O.B., Orlov V.A. Interaction of a psychologist with subjects of the educational process in US schools. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 165–178. doi:10.17759/sps.2018090211 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Cottle Tatyana V.* – PhD (Counselor Education and Supervision), school counselor, Fairfax County Public School, Fairfax, Sate of Virginia, USA, Tatyana.cottle@gmail.com

** *Krushelnitskaya Olga B.* – PhD in Psychology, assistant professor, Head of the Department of Theoretical Foundations of Social psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, social2003@mail.ru

*** *Orlov Vladimir A.* – PhD in Psychology, assistant professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, vladimirorlov@bk.ru

REFERENCES

1. Duek K. Gibkoe soznanie: novyi vzglyad na psikhologiyu razvitiya vzroslykh i detei [Growth mindset: a new look at the psychology of development of adults and children]. Moscow: Publ. «Mann, Ivanov i Ferber», 2013. 400 p.
2. Zaretskii V.K., Kholmogorova A.B. Mirovaya psikhologiya i pedagogika v poiskakh teorii razvitiya, adekvatnoi vyzovam nashego vremeni: vpered k Vygotskomu [World psychology and pedagogy in search of a development theory adequate to the challenges of our time: forward to Vygotsky]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*. 2017. Vol. 25, no. 3, pp. 170–175. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/cpp.2017250312
3. Krushel'nitskaya O.B., Orlov V.A. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy upravleniya konfliktom. Uchebnoe posobie [Socio-psychological problems of conflict management. Tutorial]. Moscow: Publ. MGPPU, «NFP “Smysl”», 2007. 168 p.
4. Orlov V.A. Problema ekspektatsii sub"ektiv obrazovatel'nogo protsessa otnositel'no roli shkol'nogo psikhologa [The problem of the expectations of subjects of the educational process regarding the role of the school psychologist]. In O.B. Krushel'nitskaya (ed.) *Lichnost' i gruppy v obrazovatel'nom prostranstve. Sbornik nauchnykh trudov [Personality and group in the educational space. Collection of scientific papers]*. Issue 3. Moscow: Publ. MGPPU, 2009, pp. 73–82.
5. Rubtsov V.V. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya v Moskovskom gorodskom psikhologo-pedagogicheskom universitete [Cultural-Historical Psychology in the Moscow State University of Psychology & Education]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2009, no. 3, pp. 114–119. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Sotsial'naya psikhologiya obrazovaniya: uchebnoe posobie [Social Psychology of Education: A Training Manual]. In Krushel'nitskaya O.B., Sachkova M.E., Shneider L.B. (ed.). Moscow: Publ. Vuzovskii uchebник, 2015. 320 p.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Адаптация инструментария социально-психологического исследования на выборке людей, пребывающих в бедности

О.В. ПОЛУЭКТОВА *,
Университет Якобса, Бремен, Германия, olga_poluektova@hotmail.com

М.В. ЕФРЕМОВА **,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, dulphine@yandex.ru

Данная статья представляет описание процесса адаптации инструментария исследования, посвященного изучению взаимосвязи между различными измерениями бедности и индивидуально-психологическими характеристиками личности на выборке людей, пребывающих в бедности. Процесс адаптации был выполнен в три этапа и включал в себя: 1) перевод ранее неадаптированных методик на русский язык; 2) проведение когнитивных интервью с людьми, пребывающими в бедности; 3) внесение изменений в инструментарий на основе данных, полученных в ходе когнитивных интервью. Перевод был выполнен методом прямого и обратного перевода, а также командного перевода (committee approach). Когнитивные интервью были проведены методом последовательных проб с использованием как написанных заранее, так и спонтанных вопросов. В работе также приводятся данные проверки методик на надежность (Альфа Кронбаха) и коэффициенты конгруэнтности Такера, свидетельствующие об эквивалентности методик в выборках бедных (N=162) и небедных (N=188) людей. В заключении сформулированы рекомендации исследователям-психологам, работающим или планирующим работать с труднодоступными выборками.

Для цитаты:

Полуэктова О.В., Ефремова М.В. Адаптация инструментария социально-психологического исследования на выборке людей, пребывающих в бедности // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 179–203. doi:10.17759/sps.2018090212

* *Полуэктова Ольга Владимировна* — аспирант, Бременская международная высшая школа социальных наук (BIGSSS), Университет Якобса, Бремен, Германия, olga_poluektova@hotmail.com

** *Ефремова Мария Викторовна* — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, dulphine@yandex.ru

Ключевые слова: бедность, «трудные» выборки, адаптация инструментария, прямой и обратный перевод, метод командного перевода, когнитивные интервью

Несмотря на то, что бедность — серьезнейшая социальная проблема, на сегодняшний момент проведено не так много психологических исследований на тему бедности, а имеющиеся исследования, как правило, сделаны на выборках, которые не в полной мере репрезентируют категорию бедных людей (например, студенческие выборки). Данный факт отчасти объясняется тем, что провести исследование среди данной категории людей достаточно сложно, и такая выборка автоматически попадает под определение «трудной». Под «трудными» выборками подразумеваются группы потенциальных респондентов, работа с которыми затруднена ввиду того, что (1) таких людей сложно найти, поскольку доступ к данной категории граждан затруднен в силу их низкой включенности в социальные институты; (2) их сложно убедить принять участие в исследовании в силу высокой степени недоверия и отсутствия опыта участия в исследованиях; (3) на таких выборках сложно собрать данные, используя традиционные опросные методы [9]. Работа с «трудными» выборками предполагает тщательный процесс подготовки к сбору данных, включающий в себя адаптацию инструментария на интересующей исследователя выборке. Данная статья представляет описание процесса адаптации инструментария социально-психологического исследования на выборке людей, пребывающих в бедности.

Методы и этапы проведения исследования

Первый этап. Целью первого этапа являлась адаптация инструментария

на выборке бедных людей. Данный этап включал в себя перевод методик, проведение и анализ десяти когнитивных интервью, внесение необходимых изменений в опросник.

Второй этап. Целью второго этапа являлась проверка надежности и эквивалентности шкал в выборках бедных и небедных людей. Данный этап осуществлялся с помощью социально-психологического опроса по структурированной анкете. Анкета заполнялась респондентами самостоятельно, но в присутствии исследователя. Перед началом анкетирования респонденту зачитывалась инструкция по заполнению анкеты.

Опросник, адаптированный в данном исследовании, состоял из следующих блоков: информационного письма и формы согласия для респондента; основного блока вопросов, включающего методики на измерение индивидуально-психологических характеристик личности; методики на измерение уровня бедности, а также социально-демографических характеристик. Основной блок включал следующие **методики**:

- на измерение индивидуальных ценностей: Portrait Value Questionnaire — Revised [13]. Нами использовалась сокращенная версия опросника, состоящая из четырнадцати пунктов (PVQ-R), данная версия предоставлена автором и разработана на основе оригинальной версии PVQ-R;

- потребительских стилей: Consumer Decision-Making Styles [16]. Надежность шкалы «Импульсивность», состоящая из пяти вопросов, достаточно низкая — показатель Альфа Кронбаха равен 0,48—0,55 [16]; по шкале «Ориентированность

на бренд и цена—качество» показатель Альфа Кронбаха равен 0,75.

- риска: Domain Specific Risk-Attitude Scale [21]. Нами использовалась субшкала «Оценка риска в области здоровья/безопасности» (Health/ safety), состоящая из пяти вопросов; надежность шкалы достаточно высокая — показатель Альфа Кронбаха равен 0,77.

- самоэффективности: Generalized Self-Efficacy Scale [14]. Нами использовалась короткая версия из десяти вопросов; надежность шкалы высокая — показатель Альфа Кронбаха равен 0,85.

- самоконтроля: Self-Scoring Self-Control Scale [18]. Нами использовалась короткая версия опросника из десяти пунктов; методика имеет высокий уровень надежности — показатели Альфа Кронбаха составляет 0,85.

- самооценки: Rosenberg Self-Esteem Scale [12]. Шкала состоит из десяти утверждений; надежность шкалы высокая — показатель Альфа Кронбаха равен 0,88 [6].

- жадности: Dispositional Greed Scale [15]. Шкала состоит из пяти пунктов; надежность шкалы высокая — показатель Альфа Кронбаха равен 0,87.

- удовлетворенности жизнью: Satisfaction with Life Scale [3]. Шкала состоит из пяти пунктов; надежность шкалы высокая — показатель Альфа Кронбаха равен 0,87.

- доверия: General Trust Scale [23]. Шкала состоит из шести пунктов; надежность шкалы высокая — показатель Альфа Кронбаха равен 0,76.

- социально-экономического статуса в детском возрасте [5]. Шкала состоит из трех пунктов/вопросов; надежность

шкалы высокая — показатель Альфа Кронбаха равен 0,83.

- субъективного социально-экономического статуса [7] и депривации (методика была разработана авторами исследования).

Процесс адаптации включал в себя три этапа. На первом этапе мы перевели ранее неадаптированные методики на русский язык. На втором этапе мы провели когнитивные интервью с бедными людьми, для того чтобы оценить, насколько хорошо респонденты понимают нашу анкету и насколько они способны заполнить ее самостоятельно. Третий этап адаптации заключался во внесении изменений в инструментарий на основе данных, полученных в ходе когнитивных интервью. После проведения процедуры адаптации методики были протестированы на надежность, а также была установлена их эквивалентность в выборках бедных и небедных людей. Ниже мы подробно описываем каждый из этапов адаптации и приводим данные о надежности и эквивалентности используемых методик.

Первый этап. Перевод¹

Целью данного этапа адаптации был перевод ранее неадаптированных методик (включающих шкалы на измерение самоконтроля, риска, потребительских стилей, доверия, жадности, социально-экономического статуса в детстве и субъективного социально-экономического статуса) на русский язык. Мы использовали метод прямого и обратного перевода [1], а также метод командного перевода (committee approach) [20]. Прямой и обратный пере-

¹ В целях экономии места мы не приводим версии перевода в данной статье.

вод гарантируют точность перевода, но переводы, выполненные с помощью этого метода, не всегда отличаются стилистической грамотностью. Цель командного перевода (committee approach) состоит как раз в том, чтобы найти баланс между точностью и адекватностью перевода. Поэтому для адаптации методик мы использовали оба подхода.

Перевод был осуществлен в четыре этапа: перевод с английского на русский язык, обратный перевод на английский язык, сравнение оригинальной английской версии и версии, полученной с помощью обратного перевода, и последующее обсуждение полученных версий несколькими переводчиками с целью выбора наилучшей. Критериями, которым должен был удовлетворять перевод, были: точность перевода, сохранение смысла и стилистическая грамотность.

Методики на измерение потребительских стилей, доверия, жадности, социально-экономического статуса в детстве и субъективного социально-экономического статуса были успешно переведены; мы не выявили проблем и неточностей в процессе сравнения оригинальных

методик с версиями, полученными в результате обратного перевода. Соответственно, нами были приняты все пункты в первой версии перевода. Однако при сравнении исходных пунктов шкалы самоконтроля с вариантами пунктов, полученных в результате обратного перевода, был выявлен ряд неточностей (табл. 1).

В процессе обсуждения этих неточностей мы приняли решение оставить первоначальную версию перевода шестого пункта методики для измерения самоконтроля: «People would say that I have very strong self-discipline» — «Другие люди могли бы сказать, что я очень дисциплинирован», — так как проблема была в обратном переводе на английский. Аналогичное решение было принято относительно пункта 9: «Pleasure and fun sometimes keep me from getting work done» — «Иногда я не могу заставить себя не делать чего-то, даже если я понимаю, что это неправильно». Пункт 10 «I often act without thinking through all the alternatives» изначально был неточно переведен на русский, поэтому русский перевод был изменен на «Я часто делаю что-то, не обдумав все возможные варианты».

Таблица 1

Проблемные пункты методики на измерение самоконтроля

Исходный пункт	Перевод на русский	Обратный перевод
Пункт 6 People would say that I have very strong self-discipline	Другие люди могли бы сказать, что я очень дисциплинирован	I may be said to be very disciplined
Пункт 9 Sometimes I can't stop myself from doing something, even if I know it is wrong	Иногда я не могу заставить себя не делать чего-то, даже если я понимаю, что это неправильно	Sometimes I can't make myself do anything even if I realize that it's wrong
Пункт 10 I often act without thinking through all the alternatives	Я часто делаю что-то, не думая о последствиях	I often do something not thinking about the consequences

Второй этап. Когнитивные интервью

Когнитивные интервью были проведены с помощью последовательных проб [22] с использованием как написанных заранее, так и спонтанных вопросов, возникающих по ходу интервью. Основанием для выбора этого подхода стала специфичность выборки, на которой проводилось исследование. Согласно прошлым исследованиям, у людей, пребывающих в бедности, снижены когнитивные функции, в частности, рабочая память и когнитивный контроль [4; 6; 8; 11]. Основываясь на этом, мы предположили, что людям с низким материальным статусом будет гораздо сложнее «думать вслух» (think aloud — один из способов проведения когнитивных интервью, подробнее см. [22]) и что, задав четкие рамки в виде написанных заранее вопросов, мы облегчим задачу интервьюируемому и оптимизируем процесс сбора данных. Тем не менее, мы также предусмотрели возможность использования спонтанных вопросов для уточнения и получения дополнительной информации.

В структуре интервью, которая была нами использована, можно выделить следующие тематические блоки:

1) вопросы на понимание пунктов методики, которые включали в себя перефразирование, выделение непонятных терминов/слов;

2) вопросы, направленные на проверку понимания используемой шкалы, ее адекватности;

3) вопросы, позволяющие оценить потенциальную «чувствительность» темы — т. е. то, насколько респондентам комфортно давать откровенные ответы на вопросы анкеты.

Выборка для когнитивных интервью

Как уже было отмечено, когнитивные интервью были проведены на выборке людей с низким материальным статусом (уровень дохода ниже прожиточного минимума на 2015 г., т. е. менее 7500 руб.). Мы стремились провести интервью с людьми, отличающимися друг от друга по полу, возрасту и уровню образования, для того, чтобы иметь возможность выделить и описать большую часть проблем, которые могут возникнуть у разных групп наших респондентов. Таким образом, выборка для когнитивных интервью состояла из десяти человек, различающихся по социально-демографическим характеристикам. Формируя выборку для когнитивных интервью, мы стремились репрезентировать категорию бедных, для того чтобы более полно охватить возможный круг проблем в восприятии и понимании нашего инструментария. Итоговая выборка состояла из двух мужчин, восьми женщин, четырех человек в возрасте младше 25 лет, четырех человек в возрасте от 25 до 50 лет, двух человек в возрасте старше 50 лет, пяти человек с высшим образованием и пяти человек, не имеющих высшего образования. Все интервью были проведены в Москве или Московской области.

Процедура проведения когнитивных интервью

Интервью были проведены в начале 2015 г. и проводились дома у интервьюируемых. Интервьюер беседовал с интервьюируемым наедине. Сначала интервьюер зачитывал вступительное слово, включающее описание целей интервью, информацию об авторах исследования, информацию о том, что интервью записывается на диктофон, а также описание

политики конфиденциальности. После того, как интервьюируемый давал согласие на участие в исследовании, интервьюер зачитывал инструкцию, объясняющую, как нужно отвечать на вопросы. Основная часть интервью проводилась следующим образом: интервьюируемый поочередно зачитывал каждый пункт опросника и задавал вопросы на понимание каждого пункта. В завершение интервью интервьюер благодарил интервьюируемого за участие в исследовании и рассказывал о возможности получения результатов исследования по запросу интервьюируемого. Среднее время интервью составило 60 минут.

Проблемы, выявленные в ходе проведения интервью

В целом, результаты когнитивных интервью позволяют заключить, что большинство инструкций и пунктов используемых методик были поняты правильно, не вызывали сложностей в интерпретации и ответах на поставленный вопрос. Шкалы также понимались и правильно использовались большинством интервьюируемых. Тем не менее, по итогам проведения интервью был выявлен ряд проблем.

Во-первых, все интервьюируемые, отвечая на вопрос, пытались оценить то, как бы на эти же вопросы ответили другие люди: «Ну, я думаю, что это важно для большинства людей, все бы сказали, что это важно» (мужчина, 24 года). Это говорит о проявлении социальной желательности при ответе на эти вопросы.

Во-вторых, некоторые интервьюируемые отмечали, что ряд утверждений были сформулированы «слишком абстрактно». Например: «Легко меня отвлечь или нет — это зависит от того, чем я занята в этот момент. Если это что-то важное, то

нелегко, а если нет — то могу и отвлечься» (женщина, 49 лет) (К пункту «Меня легко отвлечь» методики для измерения уровня самоконтроля — Self-scoring Self-Control Scale [18]). Или: «Ну... Все зависит от того, что это за искушение» (мужчина, 21 год) (к пункту «Мне легко не поддаваться искушениям» методики для измерения уровня самоконтроля — Self-scoring Self-Control Scale [18]).

Наконец, практически все интервьюируемые слишком часто выбирали нейтральный вариант ответа — 3 по пятибалльной шкале. Вероятно, это связано с тем, что респонденты воспринимали ряд пунктов данного опросника недостаточно конкретными. В частности, один из респондентов прокомментировал свой выбор так: «Не могу решить, я всегда веду себя по-разному... Поэтому ставлю тройку» (мужчина, 24 года).

Полученная с помощью когнитивных интервью информация позволила скорректировать инструментарий исследования, тем самым сделав его более пригодным для использования на выборке людей, пребывающих в бедности. В следующем разделе данной статьи мы обсуждаем пути решения выявленных проблем.

Внесение изменений в методики на основе результатов когнитивных интервью

Мы предлагаем следующие варианты решения проблем, которые были обнаружены нами в ходе проведения когнитивных интервью.

Проблема социальной желательности была частично решена с помощью использования более четкой инструкции, в которой должно быть прописано, что нам важно мнение самого респондента, а не его представление о том, какой ответ

является наиболее правильным с точки зрения большинства людей. В данном случае было важно дать респонденту понять, что это не оценочный тест, по результатам которого мы сделаем выводы об уровне общего развития участников опроса, а что нам как исследователям важно понять, как разные люди думают о тех или иных событиях, явлениях и процессах. Мы предлагаем следующий вариант инструкции: «Пожалуйста, при ответах на эти вопросы не думайте о том, как обычно отвечают другие люди. Помните о том, что все люди разные и имеют самые разные мнения по разнообразным вопросам, поэтому правильных или неправильных ответов быть не может. Нам интересно мнение каждого человека. Не беспокойтесь о том, что кто-то другой узнает о том, как Вы ответили на те или иные вопросы — вся информация останется строго конфиденциальной и будет обработана только в обобщенном виде».

Возникшую проблему «абстрактности» некоторых пунктов опросника было решено нивелировать с помощью включения дополнительных инструкций к вопросам. В инструкциях необходимо было прописать, что мы спрашиваем не о том, как человек бы себя повел в какой-то специфической ситуации, а о том, как ему/ей свойственно себя вести в большинстве случаев. Например, можно было бы использовать такой вариант инструкции: «Пожалуйста, когда Вы будете отвечать на следующие вопросы, подумайте о своем прошлом опыте. Некоторые вопросы и утверждения этого опросника могут показаться Вам чересчур общими или абстрактными. Тем не менее, попытайтесь оценить свой прошлый опыт и подумать о том, как Вы ведете себя чаще всего. Итак, если подумать о Вашем прошлом и, в частности, о том, как Вы вели

себя чаще всего, то как бы Вы оценили степень своего согласия или несогласия со следующим утверждением: ...?».

Для того чтобы решить проблему предпочтения нейтрального пункта шкалы Лайкерта, нами было принято решение поменять пятибалльную шкалу на четырехбалльную, не оставляя нейтрального варианта. Действительно, использование пятибалльной шкалы могло бы привести к тому, что большинство респондентов выбирали бы средний вариант при оценке своего согласия с наименее конкретными, по их мнению, утверждениями, что впоследствии негативно отразилось бы на результатах.

Третий этап. Проверка надежности и эквивалентности шкал в выборках бедных и небедных людей

После проведения адаптации инструментария мы проверили методики на согласованность и протестировали их эквивалентность в выборках бедных и небедных людей.

Поскольку одной из задач исследования было установление инвариантности используемых методик, в качестве контрольной группы была использована выборка небедных людей. Для реализации этих задач мы использовали данные опроса, проведенного в 2015 г. Опрос проводился в Москве и Московской области на базе Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ в рамках изучения взаимосвязи между бедностью и индивидуально-психологическими характеристиками личности. Общая выборка составила 350 человек, среди которых 162 человека были отнесены к категории бедных, а 188 человек — к ка-

тегории небедных. Основным критерием разделения выборки на группы бедных и небедных людей выступал уровень дохода. Для выборки бедных людей доход выступал ниже прожиточного минимума на 2015 год (7500 руб), для группы небедных людей, соответственно, выше 7500 руб. Средний доход в группе не бедных составил 40 000 руб. в месяц. Уровень образования в группе бедных был значительно ниже, чем в группе не бедных: только 14,2% в группе бедных имели высшее образование, в то время как в группе небедных 79,2%. По другим социально-демографическим параметрам (возраст, пол) группы бедных и не бедных людей значимо друг от друга не отличались

Для проверки согласованности был проведен анализ надежности [2]. Резуль-

таты данного анализа (табл. 2) позволяют заключить, что большинство используемых нами методик надежны².

Для тестирования эквивалентности методик в выборках бедных и небедных людей нами был рассчитан коэффициент конгруэнтности Такера [19]. Результаты данного анализа (табл. 3) позволяют заключить, что большинство используемых методик эквивалентны (т. е. измеряют одно и то же) в выборках бедных и небедных людей.

Выводы

Предварительный качественный этап исследования, включающий перевод и адаптацию используемых методик, по-

Таблица 2
Анализ надежности методик (Коэффициент Альфа Кронбаха)

Переменные	Выборка бедных	Выборка небедных
Ценности Открытости	,57	,53
Ценности Самопреодоления	,63	,56
Ценности Сохранения	,57	,55
Ценности Самовозвышения	,55	,56
Ориентированность на бренд	,38	,39
Цена-качество	,37	,43
Импульсивность	,40	,38
Отношение к риску	,48	,42
Самоэффективность	,74	,76
Самоконтроль	,67	,70
Самооценка	,55	,73
Жадность	,85	,77
Удовлетворенность жизнью	,73	,75
Доверие	,82	,84

² Анализ показал, что методики для измерения потребительских стилей (ориентированность на бренд, цена-качество, импульсивность) и риска обладают низкими коэффициентами надежности (Альфа Кронбаха < .50) в обеих группах респондентов. Вероятно, данный факт можно объяснить тем, что мы включили в наш опросник короткие версии данных методик.

Таблица 3

**Проверка используемых методик на эквивалентность в выборках
бедных и небедных людей**

Переменные	Коэффициент Фи Такера (Tucker's Phi)
Ценности Открытости	,91
Ценности Самопреодоления	,92
Ценности Сохранения	,91
Ценности Самовозвышения	,93
Ориентированность на бренд	,92
Цена-качество	,90
Импульсивность	,91
Отношение к риску	,92
Самоэффективность	,94
Самоконтроль	,91
Самооценка	,91
Жадность	,93
Удовлетворенность жизнью	,92
Доверие	,91

звояет существенно повысить надежность инструментария (и впоследствии качество собранных данных) и обеспечивает возможность применять его на специализированной и труднодоступной выборке — выборке людей, пребывающих в бедности.

На данном этапе работы нами были выявлены основные проблемы инструментария исследования и сделаны предложения по их устранению. Было принято решение о расширении общей

инструкции и инструкций к каждому вопросу, ввиду того, что для людей, пребывающих в бедности, при ответах на вопросы характерна высокая степень социальной желательности, а также выявлена потребность в более высокой конкретизации некоторых вопросов. Использованный нами подход может быть полезен исследователям, работающим или планирующим работать со специализированными выборками и нетипичными группами респондентов.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Благодарности

Авторы благодарят за помощь в реализации исследования Ольгу Ивановну Патошу (НИУ ВШЭ) и Сегера Брейгельманса (Университет Тилбурга).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Brislin R.W.* Back-translation for cross-cultural research // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1970. Vol. 1(3). P. 185–216. doi:10.1177/135910457000100301
2. *Cronbach L.J.* Coefficient alpha and the internal structure of tests // *Psychometrika*. 1951. Vol. 16(3). P. 297–334. doi:10.1007/BF02310555
3. *Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S.* The satisfaction with life scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49(1). P. 71–75. doi:10.1207/s15327752jpa4901_13
4. *Farah M.J.* The Neuroscience of Socioeconomic Status: Correlates, Causes, and Consequences // *Neuron*. 2017. Vol. 96(1). P. 56–71. doi:10.1016/j.neuron.2017.08.034
5. *Goodman E., Adler N.E., Kawachi I., Frazier A.L., Huang B., Colditz G.A.* Adolescents' perceptions of social status: development and evaluation of a new indicator // *Pediatrics*. 2001. Vol. 108(2). P. e31–e31. doi:10.1542/peds.108.2.e31
6. *Gray-Little B., Williams V.S. L., Hancock T.D.* An item response theory analysis of the Rosenberg Self-Esteem Scale // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. Vol. 23(5). P. 443–451. doi:10.1177/0146167297235001
7. *Griskevicius V., Ackerman J.M., Cant S.M., Delton A.W., Robertson T.E., Simpson J.A., Thompson M.E., Tybur J.M.* When the economy falters, do people spend or save? Responses to resource scarcity depend on childhood environments // *Psychological Science* 2013. Vol. 24(2). P. 197–205. doi: 10.1177/0956797612451471
8. *Hackman D.A., Betancourt L.M., Gallop R., Brodsky A., Giannetta J.M., Hurt H., Farah M.J.* Mapping the trajectory of socioeconomic disparity in working memory: Parental and neighborhood factors // *Child Development*. 2014. Vol. 85(4). P. 1433–1445. doi:10.1111/cdev.12242
9. *Hard-to-survey Populations / R. Tourangeau, B. Edwards, T.P. Johnson, N. Bates, K.M. Wolter (Eds.). Cambridge University Press, 2014. 676 p.*
10. *Kraus M.W., Piff P.K., Keltner D.* Social class, sense of control, and social explanation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97(6). P. 992–1004. doi:10.1037/a0016357
11. *Mani A., Mullainathan S., Shafir E., Zhao J.* Poverty Impedes Cognitive Function // *Science*. 2013. Vol. 341(6149). P. 976–980. doi:10.1126/science.1238041
12. *Rosenberg M.* Rosenberg self-esteem scale (RSE) // *Acceptance and commitment therapy. Measures Package*. 1961. Vol. 61. P. 52.
13. *Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M.* Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103(4). P. 663–688. doi:10.1037/a0029393
14. *Schwarzer R., Jerusalem M.* Generalized Self-Efficacy scale // *Measures in health psychology: A user's portfolio. Causal and control beliefs*. 1995. P. 35–37.
15. *Seuntjens T.G., Zeelenberg M., van de Ven N., Breugelmans S.M.* Dispositional greed // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Vol. 108(6). P. 917–933. doi:10.1037/pspp0000031

16. *Sprotles G.B., Kendall E.L.* A methodology for profiling consumers' decision-making styles // *Journal of Consumer Affairs*. 1986. Vol. 20(2). P. 267–279. doi:10.1111/j.1745-6606.1986.tb00382.x
17. *Tai S.H.* Shopping styles of working Chinese females // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2006. Vol. 12(3). P. 191–203. doi:10.1016/j.jretconser.2004.06.003
18. *Tangney J.P., Baumeister R. F., Boone A.L.* High self-control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success // *Journal of Personality*. 2004. Vol. 72(2). P. 271–324. doi:10.1111/j.0022-3506.2004.00263.x
19. *Van de Vijver F., Leung K.* *Methods and Data Analysis of Comparative Research*. Allyn & Bacon, 1997. 300 p.
20. *Van de Vijver F., Tanzer N.K.* Bias and equivalence in cross-cultural assessment // *European Review of Applied Psychology*. 1997. Vol. 47(4). P. 263–279.
21. *Weber E.U., Blais A.R., Betz N.E.* A domain-specific risk-attitude scale: Measuring risk perceptions and risk behaviors // *Journal of Behavioral Decision Making*. 2002. Vol. 15(4). P. 263–290. doi:10.1002/bdm.414
22. *Willis G.B.* *Cognitive interviewing: A tool for improving questionnaire design*. Sage Publications, 2004. 352 p.
23. *Yamagishi T.* The provision of a sanctioning system as a public good // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 51(1). P. 110–116.

Опросник на измерения бедности и индивидуально-психологических характеристик личности

Здравствуйте!

Исследование проводит *(указывается организация, которая проводит исследование)*. Мы будем очень Вам признательны, если Вы ответите на наши вопросы. Это займет не более тридцати минут.

О ЧЕМ ЭТО ИССЛЕДОВАНИЕ?

Вы увидите вопросы на три разные темы. Первая тема — о вещах, которые вы цените, которые важны или не важны для Вас. Вторая тема — о том, что Вы обычно делаете или хотели бы делать. И, наконец, третья тема — о том, как Вы оцениваете свою жизнь в целом.

ЗАЧЕМ МЫ ПРОВОДИМ ЭТО ИССЛЕДОВАНИЕ?

Мы хотим узнать о том, что ценят разные люди, как они себя чувствуют и как управляют своими жизнями. Это поможет нам обеспечить информацией социальные службы и изменить нашу жизнь к лучшему.

СМОЖЕТ ЛИ КТО-ТО ЕЩЕ УЗНАТЬ, КАКИЕ ОТВЕТЫ ВЫ ДАЕТЕ?

Никто больше не узнает, как Вы отвечаете. Вся информация, предоставленная Вами в ходе опроса, останется строго конфиденциальной. Мы не просим Вас указать Ваше имя или оставить нам какую-либо контактную информацию.

КАК НУЖНО ОТВЕЧАТЬ?

Вам нужно будет выбирать вариант ответа, который лучше всего описывает то, что Вы думаете. Очень важно, чтобы Вы не думали о том, как на эти вопросы отвечают другие люди. Нам интересно Ваше личное мнение. Мы знаем, что все люди разные, поэтому не бывает правильных или неправильных ответов. Не раздумывайте над ответом долго — обычно тот вариант, который приходит в голову первым, и есть лучший ответ.

КТО ОТВЕЧАЕТ ЗА ЭТО ИССЛЕДОВАНИЕ?

Указывается контактное лицо, с которым можно связаться по всем вопросам.

Я ПРОЧИТАЛ ИНСТРУКЦИИ И СОГЛАСЕН ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ

Ниже Вы видите описания разных людей. Пожалуйста, прочитайте внимательно каждое из них и подумайте о том, насколько каждый из этих людей похож или не похож на Вас. Варианты ответа представлены в правой стороне таблицы. Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Описания разных людей:	Совсем не похож на меня	Не похож на меня	Немного похож на меня	Похож на меня	Очень похож на меня
Для него важно беречь природу					
Для него важно самостоятельно формировать свои взгляды					
Для него важно поддерживать традиционные ценности и взгляды на мир					
Для него важно наслаждаться удовольствиями, которые может дать жизнь					
Для него важно быть терпимым к самым разным людям и группам					
Для него важно быть богатым					
Для него важно, чтобы государство было сильным и способным защитить своих граждан					
Для него очень важно помогать дорогим ему людям					
Для него важно получать разный опыт					
Для него важно быть тем, кто указывает другим, что делать					
Описания разных людей:	Совсем не похож на меня	Не похож на меня	Немного похож на меня	Похож на меня	Очень похож на меня
Для него важно подчиняться всем законам					

Для него важно иметь возможность самому выбирать, что делать					
Для него важно, чтобы люди признавали его достижения					
Для него важно, чтобы со всеми людьми обращались справедливо, даже если он их не знает					

Этот вопрос о Вашем образе жизни и о том, что Вы обычно делаете или не делаете. Пожалуйста, прочитайте перечисленные ниже типы поведения и отметьте, как часто Вы так себя ведете. Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Типы поведения:	Никогда этого не делаю	Делаю так редко	Делаю так весьма часто	Делаю так часто	Делаю так очень часто
Употребление продуктов с истекшим сроком годности					
Злоупотребление алкоголем					
Игнорирование физической боли					
Прием медицинских препаратов без консультации с врачом					
Выкуривание более одной пачки сигарет в день					

Ниже Вы видите несколько утверждений о том, как обычно люди совершают покупки. Пожалуйста, внимательно прочитайте каждое из них и подумайте о том, насколько Вы согласны или не согласны с тем, что Вы ведете себя таким образом в большинстве ситуаций. Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Типы поведения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
Я обычно покупаю товары подороже				
В дорогих магазинах продаются лучшие товары				
Чем выше цена товара, тем лучше его качество				

Я предпочитаю покупать самые популярные товары				
Самые рекламируемые товары, как правило, самые лучшие				
Я стараюсь, по возможности, все покупать во время распродаж				
Я обычно выбираю самые дешевые товары				
Я всегда ищу лучшее качество за разумную цену				
Я внимательно слежу за тем, сколько денег я трачу				
Я должен планировать походы по магазинам более аккуратно				
Типы поведения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
Я веду себя импульсивно, когда покупаю что-то				
Я часто покупаю что-то, о чем потом жалею				
Я трачу больше времени для походов по магазинам с целью приобретения лучших товаров				

Ниже представлен еще один список утверждений, с которыми Вы можете согласиться или не согласиться. Пожалуйста, прочитайте их и подумайте о том, насколько каждое из них характеризует именно Вас. Это вопрос о том, как Вы обычно себя ведете, поэтому при ответе, пожалуйста, думайте о том, как бы Вы себя повели в большинстве ситуаций, а не о каком-то конкретном случае. Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
Если я как следует постараюсь, то всегда найду решение даже сложной проблемы				

Если мне что-нибудь мешает, то я все же нахожу пути достижения своей цели				
Мне довольно просто не отвлекаться от достижения поставленных целей				
Я уверен, что найду выход из непредвиденной ситуации				
Я знаю, что смогу справиться с непредвиденными ситуациями благодаря своим внутренним ресурсам				
Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
Я смогу справиться с большинством проблем, если приложу достаточно усилий				
Я могу оставаться спокойным в трудных ситуациях, поскольку я умею справляться со стрессом				
Если передо мной встает какая-либо проблема, то я могу найти несколько способов ее решения				
Я могу что-нибудь придумать даже в безвыходных, на первый взгляд, ситуациях				
Я могу справиться со всем, что встает на моем пути				
Мне сложно бороться с вредными привычками				
Я легко отвлекаюсь				
Я часто говорю вещи, которые не стоило бы говорить				
Я отказываю себе в удовольствиях, если знаю, что это может мне навредить				
Мне легко не поддаваться искушениям				

Окружающие могли бы обо мне сказать, что я очень самоорганизован				
Приятное времяпрепровождение часто не дает мне закончить работу вовремя				
Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
Я часто делаю то, что приносит мне сиюминутное удовольствие, но позже сожалею об этом				
Иногда я продолжаю делать что-то, даже если понимаю, что это не правильное				
Я часто делаю что-то, не думая о последствиях				

Ниже Вы видите ряд утверждений, которые описывают то, что люди думают и чувствуют по отношению к самим себе. Пожалуйста, прочитайте их и подумайте о том, насколько каждое из этих утверждений описывает Вас. Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
Я чувствую, что я достойный человек				
Я чувствую, что у меня есть много хороших качеств				
Я всегда склонен чувствовать себя неудачником				
Я способен делать различные вещи не хуже большинства людей				
Я чувствую, что мне особо нечем гордиться				
Я положительно отношусь к самому себе				
Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен

В целом, я доволен собой				
Мне хотелось бы иметь больше самоуважения				
Временами я определенно чувствую себя бесполезным				
Временами я чувствую себя ни на что не годным				

Ниже Вы видите несколько утверждений, которыми можно описать личность разных людей. Пожалуйста, прочитайте их и подумайте о том, насколько каждое из этих утверждений описывает именно Вас. Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Ни то, ни другое	Скорее согласен	Полностью согласен
Я всегда хочу большего					
Честно говоря, я немного жадный					
Денег много не бывает					
Как только я что-то получаю, я сразу начинаю думать о том, что еще я хочу					
Не важно, сколько у меня есть — я никогда полностью не удовлетворен					
Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Ни то, ни другое	Скорее согласен	Полностью согласен
Мой жизненный принцип — «чем больше — тем лучше»					
Я не могу себе представить, что чего-то может быть слишком много					

Ниже Вы видите несколько утверждений, которые описывают чувства и мысли разных людей об их жизни. Пожалуйста, подумайте о том, насколько каждое из этих утверждений описывает именно Вас. Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Утверждения:	Точно не согласен	Не согласен	Немного не согласен	Ни то, ни другое	Немного согласен	Согласен	Точно согласен
Моя жизнь близка к идеалу							
Условия моей жизни очень хорошие							
Я удовлетворен жизнью							
До сих пор я получал от жизни все, что хотел							
Если бы я мог прожить свою жизнь еще раз, я бы ничего не изменил							

Ниже Вы видите вопрос о вашем здоровье. Выберите наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Вопрос:	Очень плохое	Весьма плохое	Среднее	Весьма хорошее	Очень хорошее
Как бы Вы оценили состояние своего здоровья?					

Прочитайте, пожалуйста, утверждения из списка ниже. Насколько Вы согласны или не согласны с каждым из них? Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Ни то, ни другое	Скорее согласен	Полностью согласен
Большинство людей – честные					
Большинство людей заслуживают доверия					

Большинство людей в основном добрые и хорошие					
Большинство людей доверяют другим					
Я доверяю людям					
Большинство людей отвечают взаимностью, когда им доверяют					

Пожалуйста, подумайте о Вашей экономической ситуации в детстве и прочитайте утверждения, приведенные ниже. Насколько Вы согласны или не согласны с каждым из них? Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

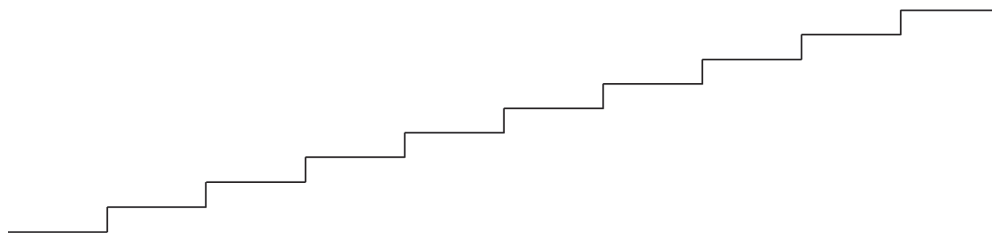
Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Ни то, ни другое	Скорее согласен	Полностью согласен
У нас было достаточно средств, когда я был ребенком					
Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Ни то, ни другое	Скорее согласен	Полностью согласен
Я рос в достаточно дорогом районе					
Я чувствовал себя достаточно обеспеченным по сравнению с другими детьми					

А теперь подумайте, пожалуйста, о своей нынешней экономической ситуации. Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Утверждения:	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Ни то, ни другое	Скорее согласен	Полностью согласен
У меня достаточно средств, чтобы позволить себе то, что мне хочется					

Мне не приходится волноваться о том, что я не смогу оплатить долги					
Я думаю, что в будущем мне не придется волноваться о моем материальном благополучии					

Ниже Вы видите лестницу, которая отражает то положение, которое занимают разные члены общества. Соответственно, на верхних ступеньках лестницы находятся люди с наибольшим доходом или, к примеру, самым высоким уровнем образования или с самой лучшей работой. И, напротив, на нижних ступеньках этой лестницы находятся те, у кого совсем мало средств, низкий уровень образования и не самая престижная работа. Как Вы думаете, на какой ступеньке стоите Вы? Пожалуйста, выберите цифру от одного до десяти и обведите ее на картинке.

Пожалуйста, посмотрите на список ниже. Приходится ли Вам отказываться от чего-то, перечисленного в этом списке, из-за отсутствия средств? Отметьте наиболее подходящий вариант ответа галочкой или крестиком в нужной ячейке.

Варианты ответов на вопрос	Никогда	Редко	Скорее часто	Часто	Очень часто
Покупка продуктов питания					
Покупка одежды и обуви					
Покупка лекарств					
Покупка необходимых вещей для дома, таких как бытовая техника, телефон, компьютер и др.					
Развлечения (кино, театр, поход в ресторан и др.)					
Приглашение гостей или поход в гости					

Поездки в отпуск					
Образовательные услуги					
Здравоохранительные услуги					

Как долго Вы находитесь в такой ситуации? Пожалуйста, запишите количество лет, месяцев или дней

_____ лет _____ месяцев _____ дней

В каком городе Вы живете? Пожалуйста, запишите в строку ниже.

Пожалуйста, укажите Ваш пол. Поставьте галочку или крестик в нужную ячейку.

Мужской	
Женский	

Пожалуйста, впишите свой возраст в графу ниже.

Какое у Вас образование? Поставьте галочку или крестик в нужную ячейку.

Нет образования	
Незаконченное начальное образование	
Законченное начальное образование	
Незаконченное среднее образование	
Законченное среднее образование	
Среднее специальное образование	
Незаконченное высшее образование	
Высшее образование	
Ученая степень	

Кем Вы работаете в настоящее время? Поставьте галочку или крестик в нужную ячейку.

Безработный	☐
Владелец бизнеса	☐
Госслужащий	☐
Менеджер	☐
Служащий	☐
Специалист с высшим образованием (юрист, врач, учитель и т. д.)	☐
Ученый	☐
Рабочий	☐
Неквалифицированный рабочий	☐
Работающий пенсионер	☐
Неработающий пенсионер	☐
Работающий студент	☐
Неработающий студент	☐
В отпуске по уходу за ребенком	☐
Домохозяйка	☐

К какой этнической группе Вы принадлежите (например, русские, украинцы и т. д.)? Запишите ответ ниже.

Принадлежите ли Вы к какой-то религиозной конфессии? Поставьте галочку или крестик в нужную ячейку.

Православие	☐
Католицизм	☐
Протестантизм	☐
Иудаизм	☐
Ислам	☐
Другое	☐
Не принадлежу ни к какой религиозной конфессии	☐

Насколько Вы религиозны? Поставьте галочку или крестик в нужную ячейку.

Очень религиозен	
Скорее религиозен	
Ни то, ни другое	
Скорее не религиозен	
Совсем не религиозен	

Каким был Ваш доход из расчета на одного члена семьи в прошлом месяце? Поставьте галочку или крестик в нужную ячейку.

Меньше, чем 2 500 рублей	
2 500–7 500 рублей	
7 501–15 000 рублей	
15 001–25 000 рублей	
25 001–40 000 рублей	
40 001–60 000 рублей	
60 001–80 000 рублей	
80 001–100 000 рублей	
Более 100 000 рублей	

Большое спасибо за участие в исследовании!

Adapting a psychological instrument on the “hard-to-survey” population: the case of poor people in Russia

O.V. POLUEKTOVA*,
Jacobs University, Bremen, Germany,
olga_poluektova@hotmail.com

M.V. EFREMOVA**,
Higher School of Economics, Moscow, Russia,
dulphine@yandex.ru

This paper addresses the issue of adapting the instrument on a “hard-to-survey” sample (poor people). The adaptation consisted of three stages: (1) the translation of scales that have not been previously adapted on a Russian sample, (2) cognitive interviews with people living in poverty, (3) adjusting the questionnaire based on the results of cognitive interviews. We used translation – back translation, as well as committee approach, to translate the scales. Cognitive interviews were conducted using a concurrent probing approach with both scripted and spontaneous probes. In the conclusion, we present the results of reliability analysis and equivalence of measures across the poor (N=162) and non-poor (N=188) samples. Finally, we formulate recommendations for researchers dealing with “hard-to-survey” samples among the poor.

Keywords: poverty, “hard-to-survey” samples, adaptation, translation – back translation, committee approach, cognitive interviews

Funding

The study was conducted within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program

Acknowledgements

The authors are grateful for assistance in study implementation to Olga Patosha (HSE) and Seger Breugelmans (Tilburg University).

For citation:

Poluektova O.V., Efremova M.V. Adapting a psychological instrument on the “hard-to-survey” population: the case of poor people in Russia. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 179–203. doi:10.17759/sps.2018090212 (In Russ., abstr. in Engl.).

* Poluektova Olga V. – PhD Student, Bremen International Graduate School of Social Sciences, Jacobs University, Bremen, Germany, olga_poluektova@hotmail.com

** Efremova Maria V. – PhD in Psychology, Senior Research Fellow, International laboratory for sociocultural research, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia, dulphine@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
SCIENTIFIC LIFE

**Третья ежегодная научно-практическая конференция памяти
М.Ю. Кондратьева «Социальная психология:
вопросы теории и практики»**

М.Н. РАСХОДЧИКОВА*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
rashodchikovamn@mgppu.ru

В статье дается информация об основных результатах Третьей ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», состоявшейся в мае 2018 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете. Представлены современные тенденции развития социальной психологии, выделены актуальные направления исследований в данной области.

Ключевые слова: конференция, социальная психология, молодые ученые, студенты.

Третья ежегодная научно-практическая конференция памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» состоялась 10 и 11 мая 2018 года. Цели конференции — повышение мотивации учебно-профессиональной деятельности и оптимизация профессиональной идентичности у молодых ученых на основе развития про-

фессиональных компетенций в сфере научно-исследовательской деятельности; информирование научного сообщества о новейших результатах социально-психологической научно-исследовательской деятельности ФГБОУ ВО МГППУ.

Данная конференция объединила не только студентов, аспирантов, других молодых ученых, но и специалистов раз-

Для цитаты:

Расходчикова М.Н. Третья ежегодная научно-практическая конференция памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 204–206. doi:10.17759/sps.2018090213

* *Расходчикова Марина Николаевна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, rashodchikovamn@mgppu.ru

личных направлений, чьи исследования и практическая профессиональная деятельность связаны с современной социальной психологией. Знакомство с современными отечественными и зарубежными средствами организации и проведения научно-исследовательской работы, выявление перспективных направлений исследования социально-психологических проблем, обмен опытом научно-исследовательской и научно-практической деятельности — эти и другие задачи решались участниками прошедшей конференции.

Пленарное заседание открыла декан факультета социальной психологии, кандидат биологических наук, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ Т.Ю. Маринова. Большой интерес у слушателей вызвал доклад профессора кафедры социальной психологии ГОУ ВО МО Московского государственного областного университета, доктора психологических наук Т.И. Шульги по теме «Актуальные направления развития социальной психологии».

После выступлений на пленарном заседании состоялась работа по секциям. Основные направления работы конференции — «Актуальные проблемы современной социальной психологии», «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии», «Социальная психология образования», «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере», «Практическая этнопсихология», «Социальная психология дорожного трафика».

На секциях «Актуальные проблемы современной социальной психологии» и «Социальная психология образования» (руководители — доктор психологических наук, доцент М.Е. Сачкова, кандидат психологических наук, доцент О.Б. Крушельницкая) были заслушаны и обсу-

жены выступления А.И. Мелёхина «Практическая значимость оценки социального познания в пожилом и старческом возрасте»; Р.Л. Моисеева «Социально-психологические аспекты позиции к стойкому нарушению здоровья у взрослых и детей»; А.В. Муллахметова «Особенности информационной культуры разностатусных школьников»; П.С. Никитина «Особенности доверия у студентов первого курса»; О.Д. Дружкиной «К вопросу о социально-психологической адаптации супругов в молодой семье».

В рамках работы секции «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии» (руководитель — кандидат психологических наук, доцент А.В. Погодина) в центре внимания оказались проблемы о готовности к предпринимательской деятельности современного студенчества.

На секции «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере» (руководитель — доктор психологических наук, профессор Н.Н. Толстых) с интересом были выслушаны доклады И.В. Дмитриевой «Роль групповой психологической работы в развитии интимно-личностного взаимодействия и открытости семейной системы»; А.К. Пашенко и С.А. Шевчук «Эффективность тренинговых техник в работе с самопрезентацией подростков».

На секции «Практическая этнопсихология» (руководитель — кандидат психологических наук, доцент О.Е. Хухлаев) следует отметить выступления В.В. Малинова «Исследование идентичности сторонников трансгуманизма на тревожность по поводу смерти»; Е.А. Александровой «Социально-психологические аспекты изучения новой религиозности и феномена базового шаманизма в России».

На секции «Социальная психология дорожного трафика» (руководитель —

кандидат психологических наук, доцент Т.В. Кочетова) большой интерес у слушателей вызвали доклады Ю.И. Лобановой «О работе над моделью стиля вождения»; М.А. Колесника «Сравнительный анализ социальных представлений водителей об агрессивном и неагрессивном вождении».

В рамках конференции были проведены два мастер-класса: «Навыки, необходимые для успешной профессиональной деятельности: побеждают те, кто инвестировал в soft skills» (ведущий — кандидат психологических наук, старший методист ГБОУ ГМЦ ДОгМ А.А. Светлова) и «Определение склонности к рискованному поведению на дороге» (ведущий — кандидат психологических наук, доцент Т.В. Кочетова). Участники мастер-классов получили возможность познакомиться с новейшими научными достижениями, освоить навыки их практического применения.

После завершения работы секций в рамках конференции состоялось заседание «круглого стола» по теме «Социальная психология и современная молодежь: взаимные ожидания и вызовы» (ведущий — кандидат психологических наук, доцент О.Б. Крушельницкая).

По мнению участников, работа третьей ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» прошла на высоком профессиональном уровне. В докладах коллег и студентов были отражены результаты новейших социально-психологических исследований, большинство из которых имеют прикладной характер. Обсуждения представленных работ были сконцентрированы вокруг актуальных проблем социальной психологии.

По результатам конференции выпущен электронный сборник материалов.

The Third Annual Scientific-Practical Conference in memory of M.Y. Kondratyev “Social Psychology: Issues of Theory and Practice”

M.N. RASKHODCHIKOVA*,
MSUPE, Moscow, Russia, rashodchikovamn@mgppu.ru

The article gives information on the main results of the Third Annual Scientific-Practical Conference in memory of M.Y. Kondratyev «Social Psychology: Issues of Theory and Practice», held in May 2018 at the Moscow State Psychological and Pedagogical University. Current trends in the development of social psychology are presented, the actual directions of research in this area are highlighted.

Keywords: conference, social psychology, young scientists, students.

For citation:

Raskhodchikova M.N. The Third Annual Scientific-Practical Conference in memory of M.Y. Kondratyev “Social Psychology: Issues of Theory and Practice”. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*. 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 204–206. doi:10.17759/sps.2018090213 (In Russ., abstr. in Engl.).

* Raskhodchikova Marina N. — PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, MSUPE, Moscow, Russia, rashodchikovamn@mgppu.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Системные исследования жизнеспособности подростков и возможности их адаптации

Рецензия на монографию А.И. Лактионовой
«Жизнеспособность и социальная адаптация подростков»
(М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 236 с.)

Е.А. СЕРГИЕНКО*,
ФГБУН ИП РАН, Москва, Россия,
elenas13@mail.ru

Рецензируемая монография посвящена теоретическому и экспериментальному анализу жизнеспособности подростков и возможностей их социальной адаптации. Теоретическими ориентирами служили субъектный подход (системно-субъектный подход) и системная экологическая теория. Обосновано и раскрыто содержание метасистемного понятия жизнеспособности, выделены его компоненты. Детально обсуждаются проблемы подросткового возраста и возможности исследования многокомпонентного конструкта, его роли в социальной адаптации. Описаны мультиметодические исследования, проведенные на подростках трех групп: старших школьников общеобразовательных школ, специальных школ для подростков с девиантным поведением и подростков-сирот. Показаны особенности адаптивных и дезадаптивных подростков, подростков-сирот, характерные для их уровня жизнеспособности и социальных взаимодействий.

Ключевые слова: жизнеспособность, адаптация, подростки.

Актуальность монографии Анны Игоревны Лактионовой определяется целым рядом социально-политических и психологических факторов. Современная среда, в которой развиваются подростки, отличается множественностью вызовов

Для цитаты:

Сергиенко Е.А. Системные исследования жизнеспособности подростков и возможности их адаптации. Рецензия на монографию А.И. Лактионовой «Жизнеспособность и социальная адаптация подростков» (М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 236 с. // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 207–212. doi:10.17759/sps.2018090214

* Сергиенко Елена Алексеевна — доктор психологических наук, профессор, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», Москва, Россия, elenas13@mail.ru

и рисков: экологически неблагоприятная ситуация, социальная нестабильность в обществе, включая институт семьи, снижение экономического уровня жизни, информационная напряженность, переход к информационно-технологическому обществу нового типа — все это многократно увеличивает психологическую нагрузку на человека, вызывая стрессы. Подростки становятся особенно уязвимой группой общества, подверженной в большей степени стрессорным факторам, поскольку данный период развития является сензитивным, сопровождается множественной реорганизацией биологических и психологических систем. Неблагополучие современных подростков проявляется в росте суицидального поведения, распространении школьного буллинга, делинкветных и девиантных форм поведения, росте физических и психических заболеваний. Кроме того, изменяется форма общения подростков со сверстниками, которая наиболее важна для их психологического развития и социализации. Общение носит опосредованный характер через гаджеты, встречи в виртуальной среде, где язык общения сведен к кратким обменам, снижая роль эмоционально-личностного взаимодействия. Все это определяет чрезвычайную важность изучения жизнеспособности подростков. Жизнеспособность подростка становится ключевой психологической характеристикой, позволяющей справляться с трудностями, выживать и развиваться в условиях вызовов и угроз, невзгод и препятствий. Задача формирования жизнеспособности личности названа ЮНЕСКО приоритетной.

В монографии А.И. Лактионовой важнейшая и достаточно новая проблема жизнеспособности разрабатывается на теоретическом, эмпирическом уровне,

и, что особенно значимо, автор выявляет специфику данной способности у современных подростков. Тщательный и детальный теоретический и эмпирический анализ, глубина обобщений позволяют отнести эту работу к высокопрофессиональному психологическому исследованию, где за научным изложением чувствуется неравнодушие и увлеченность автора.

Монография состоит из четырех глав, три из них посвящены теоретическому обоснованию конструкта жизнеспособности, факторов и аспектов составляющих его, характеристикам подросткового возраста, гипотезе исследования. Последняя, четвертая глава включает изложение экспериментальных исследований автора подростков разных групп: старшеклассников, посещающих общеобразовательные школы, специальные школы для детей с девиантным поведением и подростков-сирот. Следует отметить, что исследование подростков-девиантов и сирот сопряжены со значительными трудностями и требуют большого терпения и профессионального мастерства.

В результате обширного теоретического анализа отечественных и зарубежных подходов к изучению жизнеспособности автор рассматривает ее как интегративную способность к адаптации. Поскольку жизнеспособность определяется как метаспособность, метасистемное понятие, в книге обоснован состав ее компонентов, которые имеют уровневую структуру на разных этапах развития человека, с характерной системой ресурсов, взаимодействующих со средовыми ресурсами, что определяет как жизнеспособность, так и степень адаптации. Уровень развития жизнеспособности соотносится с активностью (от индивидуально-типологической до

нейродинамической) как ресурсом личности, осознанностью, определяющей оптимальный/неоптимальный индивидуальный способ интеграции всех компонентов, способностью к рефлексии как компоненту сознания. Выделяются также компоненты регуляции: способность к саморегуляции, включая диапазон от энергетического до личностного, контроль поведения — индивидуальная субъектная регуляция, использующая психологические ресурсы, защитные механизмы (психологические защиты и совладание) и метапроцессы (операциональные механизмы рефлексии) как систему метакогнитивной регуляции. Общеэкономические представления автор операционализирует в собственных исследованиях, которые организованы по принципу полиметодического изучения способности к адаптации в разных средовых условиях: отношения со сверстниками, членами семьи, отношения с родителями, отношение к школе, досугу, принятие/отвержение культурных традиций и др. В исследованиях автор совмещает батарею тестов для оценки компонентов жизнеспособности и экспертный опрос учителей, педагогов, психологов, полуструктурированную беседу с подростками, изучение документации. Разнообразие методов и методик позволило автору получить результаты, контролируемые разными способами, что дает стереоскопическую картину характеристик жизнеспособности.

На основании обобщения полученных результатов, которые автор скрупулезно анализирует, выделены основные особенности подростков — социально адаптивных и дезадаптивных. Во-первых, обнаружена взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации. Адаптивные подростки характеризуются высо-

кими показателями жизнеспособности: чем выше уровень жизнеспособности, тем ниже уровень социальной дезадаптации. Дезадаптивные подростки отличаются наиболее низким коэффициентом жизнеспособности и высоким уровнем социальной дезадаптации. Основными ресурсами жизнеспособности подростков в большей степени являются средовые ресурсы, такие как система взаимоотношений, что сопряжено со способами совладания и эмоциональной регуляцией. Внутренние личностные ресурсы у подростков не вносят определяющий вклад в жизнеспособность и социальную адаптацию. Однако возможно выделить индивидуально-личностные характеристики, связанные с жизнеспособностью. Для всех подростков (адаптивных, дезадаптивных и сирот) общими становятся эмоциональная регуляция и мотивация достижений, вносящие вклад в уровень жизнеспособности. Но если у адаптивных подростков эти характеристики выступают как основные в сочетании с доминированием в отношениях, то у дезадаптивных подростков основными для жизнеспособности становятся позитивная самооценка, положительное отношение к другим, внутренний локус контроля (при условии позитивной самооценки и положительного отношения к другим). У подростков-сирот индивидуально-личностные ресурсы отличаются недоразвитием когнитивной, эмоциональной сфер, нарушением самоконтроля и межличностных отношений, что определяет больший вклад внешних средовых ресурсов в способность адаптации.

Эмпирические исследования позволили показать взаимосвязи жизнеспособности и индивидуальной интеграции психологических ресурсов: саморегуляции, контроля поведения, защитных

механизмов, мотивации достижения и коммуникативных способностей. Автор считает, что смыслообразование возможно рассматривать в качестве ключевого ресурса жизнеспособности, раскрывая его через самооценку и отношения к другим, негативные значения которых снижают жизнеспособность и, следовательно, адаптацию, что характерно для дезадаптивных подростков и подростков-сирот. Однако здесь возникает вопрос о процессе смыслообразования, который может также рассматриваться не только как отношение к себе и другим, но и как осознание собственных целей, жизни, средств достижения, мира вокруг. В подростковом возрасте трудно ожидать, что многие аспекты понимания себя и других осознаются ясно и непротиворечиво, поскольку для подростков характерны «черно-белые» суждения и оценки. Кроме того, вопрос о негативной самооценке представляется весьма спорным, поскольку человек должен принять себя и найти собственную идентичность, где негативная самооценка скорее отражает неуверенность и депрессивность в поисках себя, негативные суждения других, нежели самоотрицание. Такие же сомнения относятся к компонентам осознанности и рефлексии, которые, по мнению автора, определяют оптимальный/неоптимальный индивидуальный способ интеграции всех компонентов. Данное утверждение можно интерпретировать как приоритет осознанной жизнеспособности. Тогда как представляется, что сознательная регуляция поведения, оставаясь важнейшим и высшим звеном в системе регуляции, связана с медленными процессами, энергетическими и психическими затратами, что ставит вопрос о невозможности постоянного осознанного мониторинга своих ресурсов, средо-

вых условий и средств адаптации. К тому же подростки имеют противоречивую картину мира и себя и осознают лишь незначительную ее часть, да и то часто в искаженном или гротескном виде. Данный вопрос требует дальнейших размышлений и аргументации.

На основе собственных исследований и данных литературы автор формулирует главные задачи формирования жизнеспособности, именно ее социально приемлемых форм через осмысление, рефлексии, формирование положительного отношения к себе и другим и внутренний локус контроля.

Возможно, что низкий уровень жизнеспособности взаимосвязан с формированием личностной беспомощности у дезадаптивных подростков и подростков-сирот. Понятие личностной беспомощности — также системокомплекс, имеющий четырехкомпонентную структуру: когнитивную, эмоциональную, волевую и мотивационную. Волевой компонент выражается в безынициативности, нерешительности, низкой организованности, недостаточной выдержке. Мотивационный компонент — экстернальный локус контроля, мотивация избегания неудач, низкая самооценка, низкий уровень притязаний, страх отвержения. Эмоциональный компонент выражается в замкнутости, неуверенности, чувстве вины, низком самоконтроле, тревожности, депрессии, возбудимости. Когнитивный компонент — пессимистический атрибутивный стиль, ригидность мышления, низкая креативность. Личностная беспомощность и самостоятельность образуют континуум личностных особенностей, отражающих уровень субъектности человека. Данный конструкт разработан и операционализирован Д.А. Цириг и ее учениками и имеет пересечения с ин-

дивидуально-личностными свойствами, определяющими жизнеспособность. Представляет большой интерес сравнение данных понятий, их взаимосвязей и взаимоотношений.

Монография А.И. Лактионовой обладает не только актуальностью и новизной в психологии, но и рождает размышления и новые поиски на пути изучения психологии современного человека, его

способности к развитию несмотря на многие условия и обстоятельства. Данная книга — это образец глубокого научного поиска, профессионализма, тщательности и личностной пристрастности к теме исследования. Это — самый современный научный уровень разработки сложного интегративного системного понятия и ее экспериментальной верификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лактионова А.И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 236 с.

Systematic studies of the resilience of adolescents and the possibility of their adaptation.

Review of the monograph by A.I. Laktionova “Resilience and social adaptation”.
Moscow: Publ. “Institute of Psychology Russian Academy of Sciences”, 2017. 236 p.

E.A. SERGIENKO*,
IP RAS, Russia, Moscow, elenas13@mail.ru

The monograph under review is devoted to the theoretical and experimental analysis of the resilience of adolescents and the possibilities for their social adaptation. The subjective approach (system-subject approach) and system ecological theory served as theoretical guidelines. The content of the metasystem concept of resilience is substantiated and disclosed, its components are identified. The problems of adolescence and the possibility of studying a multicomponent construct, its role in social adaptation are discussed in detail. Multimethodic studies conducted on adolescents of three groups are described: senior schoolchildren in general education schools, special schools for adolescents with deviant behavior and orphans. Features of adaptive and disadaptive adolescents, teenagers-orphans, characteristic for their level of resilience and social interactions are shown. The problems of adolescence and the possibility of studying a multicomponent construct, its role in social adaptation are discussed in detail. Multimethodic studies conducted on adolescents of three groups are described: senior schoolchildren in general education schools, special schools for adolescents with deviant behavior and orphans. Features of adaptive and disadaptive adolescents, teenagers-orphans, characteristic for their level of resilience and social interactions are shown.

Keywords: resilience, adaptation, adolescents.

REFERENCES

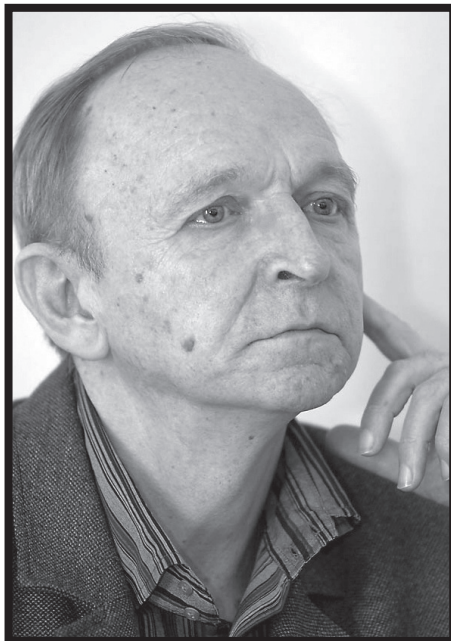
1. Laktionova A.I. Sistemnie issledovaniia zhisnesposobnosti podrostkov i vosmozhnosti ih adaptatsii [Resilience and Social Adaptation of adolescents]. Moscow; Isd-vo “Institut Psikhologii RAN”, 2017. 236 p.

For citation:

Sergienko E.A. Systematic studies of the resilience of adolescents and the possibility of their adaptation. Review of the monograph by A.I. Laktionova “Resilience and social adaptation”. Moscow: Publ. “Institute of Psychology Russian Academy of Sciences”, 2017. 236 p. Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 207–212. doi:10.17759/sps.2018090214 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Sergienko Elena A.* — Doctor in Psychology, Professor, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, elenas13@mail.ru

Светлой памяти Ю.М. Жукова In memory of Yu.M. Zhukov

5 июля 1945 – 18 марта 2018

18 марта ушел из жизни Юрий Михайлович Жуков, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета,

оригинально мысливший ученый, яркий и остроумный лектор, щедро делившийся своими идеями научный руководитель, увлеченный преподаватель, творчески экспериментировавший с методиками обучения и развития студентов.

Для цитаты:

Светлой памяти Ю.М. Жукова // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 213–216. doi:10.17759/sps.2018090215

For citation:

In memory of Yu.M. Zhukov. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 213–216. doi:10.17759/sps.2018090215 (In Russ., abstr. in Engl.).

Ю.М. Жуков стоял у истоков концептуальной и методологической разработки практической социальной психологии в нашей стране, многие годы активно и продуктивно работал в области социально-психологического тренинга, развития коммуникативной компетентности, технологий командообразования и консультирования организационного развития. Он широко известен в тренингово-консультационном сообществе как профессионал высокого класса и руководитель практико-ориентированных проектов в области командообразования и организационного развития.

Юрий Михайлович родился в 1945 году в городе Сумы Украинской ССР, его отец был врачом, а мама авиационным механиком. После окончания средней школы он несколько лет учился в Ленинграде на инженера-киномеханика. Затем во время трехлетней службы в армии в Заполярье в качестве радиотелеграфиста увлекся психологией, штудировав книги по военной и инженерной психологии из полковой библиотеки. После службы Ю.М. Жуков поступил на факультет психологии МГУ, а закончив его в 1973 году в составе первого выпуска кафедры социальной психологии, работал в секторе социальной психологии Института психологии АН СССР.

С 1977 года по приглашению Г.М. Андреевой Юрий Михайлович работал на кафедре социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова в должностях младшего научного сотрудника, научного сотрудника, старшего научного сотрудника, доцента, а с 2004 года до последних дней — в должности профессора.

В 1982 году Ю.М. Жуков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Точность и дифференцированность межлич-

ностного восприятия» под руководством Г.М. Андреевой, а в 2003 году — докторскую диссертацию на тему «Тренинг как метод совершенствования коммуникативной компетентности».

Помимо кафедры, Ю.М. Жуков работал старшим научным сотрудником Всесоюзного центра исследований человека при Президиуме АН СССР, несколько лет по приглашению В.П. Зинченко Юрий Михайлович работал на кафедре эргономики факультета кибернетики МИРЭА, в разные годы преподавал в МВТУ имени Н.Э. Баумана, Международном университете, Высшей школе международного бизнеса АНХ при Правительстве РФ, Школе международного бизнеса при МГИМО, Институте повышения квалификации РАГС при Президенте РФ, Академии практической психологии при Российском психологическом обществе. С 2005 года являлся партнером и директором Центра развития организаций и команд Консалтинговой группы «Арбор».

За время работы на кафедре социальной психологии факультета психологии МГУ Ю.М. Жуков разработал и читал многие авторские спецкурсы: «Анализ данных социально-психологического исследования», «Методы социально-психологического исследования», «Введение в практическую социальную психологию», «Консультирование организационного развития», «Теория и практика командообразования», «Методы практической социальной психологии», «Коммуникативная компетентность», «Социально-психологический тренинг», «Технологии командообразования», «Экспериментальная социальная психология», а также спецкурс для аспирантов «Методология и практика социальной психологии XXI века». Принимал активное участие в

организации и проведении спецпрактикумов «Социально-психологический эксперимент», «Техника публичного выступления», «Методы командообразования».

Ю.М. Жуков много и плодотворно работал со студентами и аспирантами кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ и как научный руководитель. Под его научным руководством подготовлены и успешно защищены 10 кандидатских диссертаций и более 120 дипломных работ. Студенты и аспиранты с большим интересом обсуждали с Юрием Михайловичем научные проблемы, их привлекали его острый ум, неожиданный взгляд на ситуацию, креативный подход, чувство юмора, неизменная готовность поделиться своими размышлениями и идеями, состояние активного научного поиска, в котором он постоянно пребывал.

Ю.М. Жуков — автор более 100 опубликованных работ, среди которых, наряду с новаторскими статьями, книги, позволяющие передать багаж знаний следующему поколению ученых и практиков. Это книга «Эффективность делового общения» (1988), монографии «Коммуникативный тренинг» (2003) и «Психология коммуникаций» (2015), учебник и практикум для академического бакалавриата «Социальные коммуникации. Психология общения» (2016), а также учебные пособия «Диагностика и развитие компетентности в общении» (1990), «Технологии командообразования» (2008) и «Социальные коммуникации» (2008). Учебные пособия «Социально-психологический климат коллектива» (1981), «Введение в практическую социальную психологию» (1994, 1997) и «Методы практической социальной психологии. Диагностика. Консультирование. Тренинг» (2004) вышли при авторском участии Юрия Михайловича и под его редакцией. За монографию

«Психология коммуникаций» Ю.М. Жуков награжден Российской ассоциацией связей с общественностью Национальной премией в области общественных связей «Серебряный Лучник» (в номинации «Лучшая работа по теории общественных связей», 2017).

Ю.М. Жуков был членом диссертационных советов факультета психологии МГУ по социальной психологии.

Ю.М. Жуков внес уникальный вклад в разработку компетентностного подхода к общению и активному групповому обучению (тренингу), в изучение проблемы адекватности и точности межличностного восприятия и проблемы обратной связи в коммуникации и обучении, в рефлексию и анализ истории, методов и технологий практической социальной психологии в мире. В последние годы Юрий Михайлович увлеченно занимался разработкой концепта «эвентуальности» (событийности) человеческого бытия и сознания и проведением исследований в русле событийного подхода, параллельно обогащая «событиями» учебный процесс на факультете психологии МГУ в рамках практиковавшейся им конференциальной модели обучения.

Коллеги и многочисленные ученики глубоко переживают горькую утрату и сохраняют светлую память о Юрии Михайловиче Жукове как об уникальном преподавателе, широко эрудированном ученом, рыцаре науки, компетентном и разностороннем практике, искрометном собеседнике с множеством историй и невероятным чувством юмора, и как об интеллигентном, доброжелательном человеке, щедро дарившем окружающим идеи, время и внимание и неизменно серьезно и деликатно обсуждавшем с ними волновавшие их проблемы из области науки и практики.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207

Тел.: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

Факс: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409

Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *Р.К. Лопина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *R.K. Lopina*

Maker-up *M.A. Baskakova*